

В.А. Граждан

**Путешествие
на фрегате «Паллада»:
взгляд из XXI века**

В.А. Г Р А Ж Д А Н

**Путешествие на фрегате «Паллада»:
взгляд из XXI века**

художественно-публицистические заметки
по мотивам книги Ивана Александровича Гончарова

Ульяновск
2014 год.

**Издание осуществлено при финансовой
поддержке Ульяновского областного отделения
Русского Географического Общества**

Под редакцией кандидата филологических наук,
доцента УлГПУ Рассадина А.П.

Книга иллюстрирована фотографиями:
Е.И.Даниловой-Тушкевич, Д.Ю.Коротиной,
А.А.Поторочина, Д.Н.Старцева.

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Валерий Граждан написал необычную книгу. В ней нет многого, к чему привык современный читатель. Кому-то покажется излишне экспрессивной и местами даже навязчивой манера повествования, кто-то усомнится в способах отбора фактов и авторской аргументации, некоторые, возможно, упрекнут автора в эклектическом смешении жанров: яркие художественные эпизоды соседствуют в тексте с протокольными путевыми записями и различными отступлениями исторического и публицистического характера.

Однако все эти издержки могут обернуться и плюсом, если мы договоримся, что имеем дело не просто с книгой, а своеобразной "читательской" книгой, с элементами сказового слога и нередко вкраплениями иронического характера. В этом смысле, позиция автора мало чем отличается от позиции фольклорного сказителя, который мог использовать не только устную молву, но и письменные источники.

Автор очень внимательно прочел произведение Гончарова и, увлеченный чтением, решил по-своему пересказать прочитанное другим, включая в свой рассказ множество интересных фактов о мореплавании и собственные житейские наблюдения.

Я думаю, в эпоху катастрофического падения интереса к чтению, книга Валерия Граждана должна исполнить главное свое назначение — привлечь внимание читателя не только к литературному наследию Гончарова, но и к героике славного прошлого нашей Родины.

А.П.Рассадин

НЕОБХОДИМОЕ ПРЕДВАРЕНИЕ ОТ АВТОРА

Цикл путевых очерков великого русского писателя Ивана Александровича Гончарова "Фрегат Паллада" (1855-1857 гг.) вышел в свет более 150 лет назад. Книга русского классика, ставшая бесспорным культурным событием века XIX, не потеряла своей художественной ценности и сейчас, вызывая к себе живой читательский интерес. Не миновал этого интереса и автор предлагаемых художественно-публицистических записок. Кажется, пришло время, опираясь на многочисленные исследования этого путешествия, появившиеся после первого издания, вышедшего в 1858 году, на справочную литературу о различных аспектах мореплавания (которой было явно недостаточно в те времена), дополнить уже устоявшиеся представления как о самом произведении Гончарова, так и о той эпохе, в которую оно было создано. Как отмечал один из исследователей "Фрегата "Паллада" А.Г. Цейтлин: "Далеко не обо всём писатель мог говорить во весь голос. Находясь на военном корабле в качестве официального лица и притом в годы злейшей политической реакции, Гончаров, естественно, вынужден был обойти в своих путевых записках ряд теневых сторон жизни русского фрегата".

Он не мог, например, рассказать всей правды, об адмирале Путятине, необузданном злом гении, создавшем на фрегате необычайно тяжёлую атмосферу. Равным образом Гончаров не распространялся о бросавшихся ему в глаза тяготах матросской жизни, понимая, что цензура не могла не быть пристрастной к этим эпизодам его книги. Преданы умолчанию проводы корабля в Кронштадте, команды фрегата с их семьями. А ведь по тем временам кругосветное плавание — событие редкостное и опасное, хотя, в нашем случае, отчасти ещё и полусекретное.

Даже сама картина постройки парусника напроочь отсутствует на страницах книги. Но без учета всех тонкостей и деталей ко-

раблестроения XIX века будет непонятно, почему суда того времени были так живучи, как переносил тяготы плавания экипаж.

Перечитывая описание путешествия, оставленное нам Гончаровым, было бы слишком ответственно ставить перед собой цель его подробного комментирования. Для этого нужно писать в другом ключе и в другом жанре. Авторская задача была более чем скромной — проследить плавание фрегата как бы заново, в соответствии с новыми фактами, в том числе обогатив его и собственными впечатлениями.

Автору этих строк довелось пройти весь, описанный И.А. Гончаровым путь. С Чёрного моря через пролив Гибралтар, а далее вокруг мыса Доброй Надежды и до Камчатки. Только было это в 1967 году на плавбазе "Иван Кучеренко", построенной в Николаеве. Эти походы-близнецы разделяет 115 лет. Нептун и к нам оказался благосклонен. Будет ли он благосклонен к этой небольшой книге, покажет время.

Хотелось бы выразить искренние слова благодарности руководителям Ульяновского областного отделения Русского Географического Общества А.И. Золотову, И.И. Егорову за помощь, замечания и советы при подготовке рукописи к печати. Отдельное огромное спасибо редактору книги А.П. Рассадину.

Эта книга, возможно, не увидела бы свет, если бы не финансовая поддержка Попечительского совета Ульяновского областного отделения Русского Географического Общества.

Глава 1. СВЕДЕНИЯ МАЛЫЕ, НО НУЖНЫЕ

О героях 19 века, участниках кругосветного похода на фрегате "Паллада"

По корабельному журналу в походе 1852 года на фрегате "Паллада" принимало участие 439 военных матросов и 22 боевых офицера. Здесь приводятся фамилии вершителей судьбы России в 19 веке на Дальнем Востоке, отмеченные И.А. Гончаровым, Б.М. Энгельгардтом и другими исследователями. Участниками в исторической миссии Путятина в Японию совместно с членами фрегата "Паллада" были их соратники на фрегате "Диана", шхуне "Восток", транспорте "Князь Меншиков" и корвете "Оливуца". Это были маститые мореходы, учёные разных направлений, языковеды, дипломаты, как военные, так и штатские. Их действия и курсы были совместными и порознь, но задача единая: служить доблестно России на её дальневосточных рубежах. Список и данные далеко не полные, но и они могут затеряться во времени, если не собрать их воедино в нашей книге. Все здесь упомянутые личности поистине государственные люди, и ещё найдутся энтузиасты-исследователи, дабы отдать каждому из них должное.

АВБАКУМ (Честной Дмитрий Семенович). Родился в феврале 1804 г., погребён 10 марта 1866 г. в Санкт-Петербургской Лавре. Талантливый востоковед, опытный дипломат и переводчик. Знаток восточных конфессий.

АРЕФЬЕВ Александр Михайлович. Родился в 1815 г., старший судовой врач. Окончил Санкт-Петербургскую медико-хирургическую академию. С 1840 года практиковал на кораблях Балтики. Член команды фрегата "Паллада", его именем названы

исследованные россиянами острова в Японском море у Корейского перешейка.

БЕЛАВЕНЕЦ Иван Петрович (май 1830-февраль 1878 гг.). Из старинного дворянского рода Смоленской губернии. Закончил Морской кадетский корпус с отличием и "крейсеровал" на Балтике. С 1852 года — на "Палладе", в чине лейтенанта. Специализировался по гидрографии, математике, астрономии, преподавал гардемаринам Морского кадетского корпуса навигацию, астрономию, физику. Изучал астрономические пункты Кореи. В 1855 году был добровольно командирован для военных действий в Севастополе. Командовал кораблями Кронштадта и лодкой "Стерлядь" при защите рейда от нападения англо-французов. В 1860 году произведён в капитан-лейтенанты. Активно занимался наукой. В 1865 году назначен начальником Компасной обсерватории Кронштадта. В 1871 году произведен в капитаны 1 ранга. За службу жалован многими наградами и золотым компасом, украшенном 32 алмазами.

БУТАКОВ Иван Иванович (1822-1882 гг.). Старший офицер, лейтенант фрегата "Паллада". Представитель славного военно-морского семейства Бутаковых: его отец, вице-адмирал И.Н. Бутаков был соратником М.П. Лазарева. Окончил Морской Кадетский корпус. Дважды обогнул мысы Горн и Доброй Надежды, участник перехода фрегата "Паллада" и "Диана", побывал на Камчатке. Присвоено звание вице-адмирала.

БОЛТИН Александр Арсентьевич (1832-1901 гг.). Родился в Псковской губернии, в селе Георгиевское. Потомственный дворянин, член команды фрегата "Паллада". Составитель карт, художник-самоучка. Мыс Корейского полуострова назван в его честь. В чине капитана 1 ранга в 1870 году вышел в отставку. Скончался 22 апреля 1901 г. в Одессе.

БЕЛАВЕНЕЦ Иван Петрович (май 1830-1878 гг.). Из дворян Смоленской губернии. Учился в Морском корпусе. В 1848 г. произведён в мичманы. "Крейсеровал" в Балтике на многих кораблях. В 1852 году участвовал в кругосветном переходе к берегам Японии на фрегате "Паллада". На практике много уделял внимания гардемаринам в познании навигационных наук. В 1856 году участвовал в постройке фрегата "Генерал- адмирал". В 1859 году на этом фрегате вернулся в Кронштадт, где произведён в капитан-лейтенанты. С 1861 года служил на Балтике. Написал труды по теории магнитной девиации судов и подводных лодок. Награждён многими орденами и Золотым компасом за научные исследования. Изобрёл особый прибор для устранения девиации. Ходил на шхуне "Секстан" в Ледовитый океан. В 1871 году произведён в капитаны 1 ранга. Принимал участие в Лондонской всемирной выставке по вопросам девиации компасов. Его научные труды актуальны по сей день.

ВЕЙРИХ Генрих Васильевич (Вильгельмович). Родился в Эстонии в семье бедного провизора (аптекаря). В 1846-1851 гг. изучал медицину в Дерптском (ныне Тарту) университете. Поступил учиться в Морское ведомство и по его окончании распределён младшим судовым доктором на фрегат "Паллада". Соратник старшего судового врача Александра Михайловича Арёфьева.

ГОШКЕВИЧ Иосиф Антонович (1815-1875 гг.). Родился в семье священника. Первичное образование получил в деревенской церковно-приходской школе, окончил Минскую духовную семинарию. Переводчик, коллежский асессор, служащий Азиатского департамента, знаток Востока, один из первых русских консулов в Японии. Отправлен с миссией адмирала Путятина в командировку в Японию. Активно способствовал заключению дипломатических и торговых отношений с ранее изолированной от

мира страной. Составил впервые русско-японский словарь. Удостоен многих правительственных наград, а также дворянского звания. 21 декабря 1857 года удостоен полной Демидовской премии и Золотой медали. С 1858 г. по 1865 г. — консул Российской империи в Японии. С 1865 г. служил в МИД России, написал книгу "О корнях японского языка". Умер Гошкевич в своём имении в деревне Мали.

ГАМОВ Д.И. Гардемарин фрегата "Паллада".

ГОНЧАРОВ Иван Александрович (6 [18] июня 1812, Симбирск, Российская империя — 15 [27] сентября 1891, Санкт-Петербург, там же). Русский писатель; член-корреспондент Петербургской академии наук по разряду русского языка и словесности (1860), действительный статский советник. Секретарь миссии адмирала Путятина, столоничальник департамента внешней торговли. Один из главных героев нашей книги.

ЗРУБИН Иван Иванович. (1822-1902 гг.). Инженер-механик, в последующем начальник Ижорского Адмиралтейского завода. Первый российский кавалер японского ордена Восходящего Солнца, пожалованного Его Величеством Микадо. Служил на Балтике, участвовал в экспедициях адмирала Путятина через три океана в Японию. Принимал участие во многих кампаниях, в 1881 году произведён в генерал-майоры. 5 сентября 1890 года — в генерал-лейтенанты корпуса инженеров-механиков. Похоронен в Санкт-Петербурге 25 января. 1902 года.

ЗЕЛЕНОЙ Павел Алексеевич (5.01.1833-10.01.1909). Полный генерал по Адмиралтейству. Потомственный моряк, дворянин. Окончил Морской Кадетский корпус. Дважды побывал в кругосветных плаваниях на "Палладе" и "Диане". Закончил службу в чине вице-адмирала. Служил одесским градоначальником.

КОЛОКОЛЬЦЕВ Александр Александрович (18.09.1833-1.10.1904). Известен как выдающийся металлург. Генерал-лейтенант. Окончил Морской Кадетский корпус, участник кругосветных походов на "Палладе" и "Диане". В 1865 году возглавил Обуховский сталелитейный завод.

КРИДНЕР Николай. Барон, на фрегате "Паллада" был в звании лейтенанта. Любитель литературы, баловень судьбы и карьерист.

ЛОСЕВ Константин Иванович (1808-1869 гг.). Из дворян Тверской губернии. Капитан Корпуса морской артиллерии. Окончил артиллерийское училище. Генерал-майор (1864 г.) В 1825-1837 гг. "ходил" на Чёрном и Средиземном морях, воевал с Турцией. В 1852-55 гг. состоял в командах фрегата "Паллада" и "Диана".

ЛЕСОВСКИЙ Степан Степанович (1817-1884 гг.). Русский адмирал, путешественник и военный государственный деятель. Родом из московских дворян. Командир фрегата "Диана". Мореход до глубины души, из плаваний практически не выходил. Образцовый офицер, служил под началом адмирала М.П. Лазарева. Послан в октябре 1853 года командиром на фрегате "Диана" для замены попавшей в аварию "Паллады". Прославился не только как лихой мореход, но и как безжалостный офицер, сторонник кулачных расправ с матросами. Руководил японскими судостроителями при создании шхуны "Хеда", в память трагически погибшей "Дианы". В 1862 году был командирован в США, где принял участие в гражданской войне, командуя отрядом судов. В его эскадре было пять кораблей: фрегаты "Александр Невский", "Пересвет", корветы "Варяг" и "Витязь" и клипер "Алмаз". В битве принимали участие офицеры, служившие ранее на "Палладе". Войну и блокаду против англо-французов Лесовский выиграл без выстрелов, одним присутствием у берегов Америки русской

эскадры. Ему высказал благодарность сам президент США Линкольн. Награждён высшими боевыми орденами России. Управлял Морским министерством, переработал Морской устав, в звании генерал-адъютанта был помощником Великого князя Константина. Скончался 26 февраля 1884 года, похоронен в Санкт-Петербурге.

МОЖАЙСКИЙ Александр Фёдорович. Родился 9 марта 1825 года в Рочесальме (Котка, Финляндия). Сын авиатора Федора Можайского. По окончании в 1841 году Морского кадетского корпуса служил на Балтике. Молодым офицером попал на фрегат "Диана", который шел на замену "Палладе". Командиром "Дианы" был капитан-лейтенант С.С. Лесовский. Отход судна из Кронштадта почти совпал с разрывом дипломатических отношений Англии и Франции с Россией. Но к началу войны "Диана" зашла в Рио-де-Жанейро, обогнув мыс Горн. 11 июня 1854 года корвет соединился в заливе Де-Кастри с отрядом Путятина. С лета 1855 года А.Ф. Можайский командовал Амурской флотилией. За дальневосточную и ближневосточные кампании был награждён высшими орденами России. Как профессиональный художник представил Великому князю Константину акварельный альбом восточных картин. В чине капитана 1 ранга Можайский вступил в акционерное Русское общество пароходства и торговли. Похоронив брата Николая, взял опеку над его двумя малолетними детьми и уволился со службы. Был знаменит и как воздухоплаватель.

ПУТЯТИН Ефимий (Ефим) Васильевич (8.11.1803-16.10.1883). Адмирал. Великий князь Константин Николаевич поддержал старый план Путятина по укреплению позиций России на берегах Тихого океана. А императорское правительство решилось на попытку открыть дипломатические отношения с Японией. Причиной для спешки в организации экспедиции послужил

тот факт, что из Америки, с целью заключения торгового договора с Японией, снаряжалась эскадра под руководством Метью Перри. Та страна, которая была способна прервать многовековую политику самоизоляции Японии, получала наиболее выгодные условия для торговли. Изношенный фрегат "Паллада" оказался непригоден для длительного плавания, и адмирал попросил заменить судно на новый 52-пушечный фрегат "Диана". Сам адмирал обладал безмерной энергией на дипломатическом поприще, слыл бесстрашным и грамотным мореходом. Имел немалые заслуги перед царём и Отечеством. Прошёл богатую практику у "первого моряка Европы" адмирала М.П. Лазарева. В его послужном списке 18 кампаний. Навёл дипломатический порядок в акватории Каспийского моря. Пользовался безупречным авторитетом среди прикаспийских народов и их монархов.

ПОСЬЕТ Константин Николаевич (19.12.1819-26.4.1899 гг.). Мореплаватель, государственный деятель, адмирал. Его отец, французский дворянин Посьет де Россье, был приглашён в Россию Петром Первым для освоения новых земель и культивирования виноградарства близ Астрахани. Николай же посвятил себя флоту. Окончил в 1837 году Морской кадетский корпус. Получил чин капитана-лейтенанта, служба на Балтике. Достиг успехов в области артиллерии и написал "Наставление по артиллерийской стрельбе и вооружению военных судов". Удостоен Демидовской премии Петербургской Академии Наук. Замечен адмиралом Путятиным ещё во время учёбы в Морском корпусе, позже — на фрегате "Паллада". Принимал активное участие в морских сражениях и дипломатической миссии в Японию в 1855 г. Его именем назван залив приморского Дальнего Востока. Удостоен бриллиантового перстня с руки самого императора России. В 1870 году

руководил экспедицией на Новую Землю. На фрегате "Светлана" побывал в США, Канаде, на Сингапуре, в Китае, Японии, Восточной Сибири. Посыет закончил службу в 1874 году в чине адмирала, позднее заняв пост министра путей сообщения России. Погребён на Новодевичьем кладбище Санкт-Петербурга.

РИМСКИЙ-КОРСАКОВ Воин Андреевич (4.07.1822-4.11.1871). Родился в Орловской губернии, в Малоархангельском уезде, в семье дворянина. Старший брат композитора Н.А. Римского-Корсакова. В 1833 году поступил в Морской кадетский корпус. Командир шхуны "Восток", член РАН, обследовал Сахалин, Татарский пролив, Амурский лиман. С 1843 по 1853 служил офицером и командиром на кораблях России. Позднее описал Курильские острова, Камчатку. Имел немало публикаций по результатам своих исследований. В 1858 году произведён в капитаны 1 ранга и назначен начальником Штаба Главного командира Кронштадтского порта. С кадетами Корпуса бывал в летних кампаниях на разных судах. С 1861 года возглавил Морской кадетский корпус. В 1865 году произведён в контр-адмиралы. По болезни получил отпуск в Италию. Похоронен в Санкт-Петербурге на Смоленском кладбище.

ТИХМЕНЕВ Петр Александрович (1824-1888 гг.) Капитан 1 ранга, автор трудов по морской истории, историк Русской Америки. Образование получил в Морском Кадетском корпусе. С 1839 по 1846 гг. служил на Балтике. В 1848 году назначен адъютантом к губернатору Астрахани, а потом переведён на Каспий. С 1852 года служил на фрегате "Паллада" и шхуне "Восток". С присвоением звания капитан-лейтенанта, в 1856 году стал помощником капитана Астраханского порта. За ряд научно-исследовательских работ получил две Демидовских премий. С 1882 по 1888 год возглавлял архив Кронштадтского порта. Скончался 7 сентября 1888 года.

УНКОВСКИЙ Иван Семёнович (29.03.1822-11.08.1886 гг.).

Родился в селе Колышево Перемышльского уезда Калужской губернии. Адмирал, кругосветный мореплаватель, сенатор, исследователь Японского моря и залива Петра Великого. В 1852 году Унковский назначен командиром фрегата "Паллада" в чине капитан-лейтенанта. Его плавание на Дальний Восток совпало с Восточной войной. В 1837 г. окончил Морской кадетский корпус. Один из авторов подписания русско-японского договора 26 августа 1855 года. В 1860 году Унковскому было присвоено звание контр-адмирала.

ШВАРЦ Сергей Павлович (1829-1905 гг.). Адмирал воен-

но-морского флота Российской империи. Немец, потомок колонистов. В 1846 году окончил Морской корпус и произведён в мичманы. В 1847-1851 годах служил на Чёрном, Средиземном и Балтийском морях. С 1852 по 1854 годы. — на фрегате "Паллада". В чине капитан-лейтенанта проходил службу на верфях США. В 1863 году прибыл в Кронштадт, где назначен капитаном порта. В 1893 году произведён в адмиралы и возглавил Военно-морской суд. Почётный гражданин г. Кронштадта. Награждён орденами и медалями Российской империи и иностранных государств. Погребён на Свято-Троицком кладбище Ораниенбаума.

Глава 2. ВАНЯ ГОНЧАРОВ ИЗ СИМБИРСКА

Родился будущий писатель почти одновременно с началом Отечественной войны 6 июня 1812 года. Многие известные нам агрессоры предпочитали для нападения на Россию именно это время цветения садов и соловьиных трелей. Наполеон не стал

исключением, будучи не просто агрессором, но, видимо, ещё и "романтиком". Не жилось ему во дворцах Парижа с французской кухней и винами. Потянуло на самогон и сеновал, а напорлся на крестьянские вилы и партизанские пики с топорами. Вся Россия, от мала до велика, поднялась на борьбу с супостатом. Народные мстители отлавливали в необъятных лесах России незадачливых захватчиков и охотников до чужого добра. А обыденная жизнь шла своим чередом: бабы рожали, на полях растили хлеб. Заново отстраивалась сожжённая Москва.

Крёстным отцом младенца, родившегося в семье пожилого купца Александра Ивановича Гончарова, стал друг семьи дворянин Н.Н. Трегубов. Мальчика называли Иваном. Трегубов, вышедший в отставку боевой морской офицер в чине капитан-лейтенанта, жил во флигеле, снимаемом у Гончаровых по соседству. Фактически двух сыновей и столько же дочек воспитывала их мать Авдотья Матвеевна. Отец будущего писателя, занимая пост городского головы, был поглощён купеческими делами. Семья была старообрядческая, в которой из года в год скрупулёзно велась книга — летопись рода Гончаровых.

Ваня сызмальства прикипел к своей "усатой няньке" Трегубову. И жизнь его протекала по принципу: чем хуже, тем лучше. Даже самовольные походы на Волгу с уличными мальчишками благополучно завершались под защитой крёстного. Посылаемых для наказания слуг он гнал, не церемонясь: "Пшли вон!" Позже матушка, отойдя душой, прощала выходки сына: даже лазания на колокольню вкупе со старшим братом Колей. Немалую пользу имел от дружбы с бывшим моряком маленький Ваня: к семи годам приобщился к чтению вообще, и ко всему ещё, к трудам философского, научного склада. Уразумел географию, практическую астрономию и даже обе математики...

Однажды неугомонного сорванца потеряли совсем: ни в перелеске, ни на пристани Волги, ни в ватаге соседских мальчи-

шек шалуна сыскать не смогли. К обеду беглец явился сам, "аки нечисть страшен ликом и чёрен повсеместно". Блестя зубами и сияя счастливыми глазами, он поведал дворовым и крёстному, что лазал в печную трубу заброшенного дома, дабы днём созерцать звёзды... Все были так ошеломлены, что забыли о наказании.

Первую серьёзную жизненную драму Ваня испытал в 7 лет, когда умер его отец. Сказывают, что перед своей кончиной, следуя старообрядческой вере, Гончаров-отец наказал сыновьям "избегать всякого масонства". Не мудрено, что в доме Гончаровых набожность преобладала над обыденной мирской жизнью. За веротступничество малыша, как и всех отпрысков, равновелико наказывали по всей строгости, но не чрезмерно. После кончины главы семьи Трегубов стал отчимом всех четверых детей Авдотьи Матвеевны. Вдова была довольно молода, ибо выходила замуж исконно, по "домострою", то есть рано и по выбору родителей.

Не минула Ваню чаша веропреклонения. Мальчика отдали за Волгу в село Репьёвка на обучение к священнику Ф.С. Троицкому. Троицкий содержал свой пансион согласно прогрессивному укладу. Так что юный Гончаров получил вполне сносное первоначальное образование. В библиотеке Троицкого Ваня за годы учёбы ознакомился с трудами Ломоносова, Голикова, Карамзина, с описаниями путешествий Кука, Мунго-Парка, Крашенинникова... Пыл путешественника всё более захватывал его. А охота к чтению наполняла мальчика знаниями наук и иностранных языков.

А жизнь в Симбирске продолжалась... Театры, балы, приёмы на дому именитых людей города, общение на французском языке, фортепьянные вечера... Демократически настроенные дворяне заполняли огромный дом вдовы Авдотьи Матвеевны. С кончиной Александра Ивановича семья осиротела лишь по факту, "де юре". Семейные и хозяйственные устои не дрогнули.

Что касается положения в городском обществе, то оно даже окрепло. Любящий детей Николай Николаевич гармонично вошёл в дом Гончаровых теперь уже полностью, заменив главу многодетной семьи. Имея солидный денежный запас, он завещал их падчерицам Александре и Анне, сказав: "Приданным дочерей я обеспечил, а сыновьям дам образование — пусть зарабатывают сами".

Глава 3. УЧИТЬСЯ В БЕЛОКАМЕННУЮ

В 10 лет Ваню препроводили в град Москву. Не без поручительства подполковницы Анны Чекаловой молодое дарование приняли в "полное пансионное училище". Почти полных восемь лет Ваня "кис" в рутине косности и квазиобразования. Но терпение его лопнуло, и он упросил-таки маменьку забрать его из опостылевших стен. Далее настоящее Гончарова начало невероятно быстро сближаться с будущим.

В 1830 году он осуществит свою мечту — постичь науки в университете на факультете словесности. Там ему предстоит досконально изучить европейские языки. А уже через год на Охтинской верфи начнется строительство фрегата под названием "Паллада". Корабля, на котором будущий писатель совершит свое знаменитое путешествие. В университете же на одной из лекций юноша вскоре увидит великого Пушкина и познакомится со многими выдающимися людьми своего времени. Белинским, Герценом, Огарёвым, Тургеневым, и многими другими.

Но склад характера Ивана Александровича и память о помертвом наказе отца не позволяли ему вступать в какой-либо кружок или общество. По окончании Московского университета в 1834 году молодой Гончаров потянулся было в родной Сим-

бирск. Но после бурной столичной жизни полумещанский, полудворянский, а то и помещный городишко не прельщал способного юношу. Покинув предложенное место при симбирском губернаторе, начинающий писатель продолжил карьеру уже в Петербурге. Также юноша решил вершить свою судьбу сам, без всяких протекций. Он решительно переступил порог Департамента внешней торговли, став переводчиком иностранной переписки. Занятие было не столь увлекательное, сколь малообременительное. На жизнь жалованья парню хватало, ко всему и времени было с лихвой.

Первые десять лет стали для него годами становления как писателя. Всё свободное от работы время Иван Александрович отдавал творчеству.

Глава 4. ВЕК ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ. ПЕРЕВОРОТ

В постнаполеоновские времена, к 1825 году, идеи равенства сословий и отмены крепостничества взяли верх в умах прогрессивного дворянства и большей части гвардейского офицерства. Ко всему прочему внезапно-беспричинно ушёл в мир иной монарх Александр Первый. По установившейся традиции бразды правления должен был принять следующий царский отпрыск по старшинству Константин. Но выяснилось, что претендент внезапно отрёкся от этой радости куда раньше. Ничтоже сумняшеся освободив место следующему по дате рождения престолонаследнику — Николаю. Новый монарх возжелал именоваться "Николай Первый". Дворянам предельно надоела эта царская канитель с крепостничеством и сословным разделением, да и вообще с коронованием пусть нового, но опять-таки царя. Они видели патриотический подъем народа в войне 1812-го года с Напо-

леоном. Выразить своё несогласие с общественным укладом гвардейцы порешили военным путём. Повод, кстати, приспел, даже несколько раньше намеченного к перевороту срока. Решено было трон ликвидировать вместе с его претендентом. По замыслу декабристов совместить акцию следовало с традиционной присягой Николаю Первому. Вот только решительности предводителям восстания явно недоставало: один наотрез отказался от царейства. Другой "гвардеец" не выказал толику храбрости для взятия царского дворца во главе вверенных ему войск. Третий же, Трубецкой, расслабился настолько, что лишь наблюдал Сенатскую площадь из-за угла здания поблизости. Такое вот получилось неказистое восстание декабристов по факту.

В итоге, более сотни гвардейцев принародно повесили, уйма солдат прямо на площади полегло от картечи, прочие, спасаясь бегством, утонули в Неве.

Вот в такой обстановке взошёл на трон Николай Первый. Ставленник был воспитан зело светски, ко всему дал волю придворным чиновникам вершить юридическую бюрократию. Внешне преклоняясь Фемиде, не гнушался тиранить подвластные народы. Помимо того им обуревала мысль о расширении и укреплении границ империи "де-юре". Последнее развязывало руки его придворным законодателям. Особенно продуктивно в этом направлении продвинулся бывший начальник Штаба Гвардейского корпуса Бенкендорф. Оказав неоценимую услугу монарху в подавлении восстания декабристов, из военачальников подданный императора стремительно взлетел по карьерной лестнице при дворе. По всей империи им были созданы самостийные разветвления службы Третьего отделения императорской канцелярии. Бенкендорф расположил к себе монарха настолько, что никто не смел вмешиваться в дела одного бюрократического ведомства. В итоге уже через шесть лет чиновник становится членом Государственного Совета, а следом ему жаловали титул графа. И было

за что: в сотрудничестве с действительным членом Российской Академии наук, царским вельможей графом М.М. Сперанским, им было разработано Полное собрание законов Российской империи. В сорока пяти томах содержалось тридцать тысяч законов. Россия стремилась к европейской цивилизации. Опыт в юриспруденции служил мостом в межгосударственных отношениях.

Известные события на Чёрном и Средиземном морях просто вынуждали Николая Первого неотложно принимать кардинальные меры в своей мировой политике. Без укрепления своих позиций на Мировом океане, приморские владения бескрайней России оказывались под угрозой отторжения приграничными государствами. Даже победоносная русско-турецкая война 1828-1829 гг. в итоге не дала России желаемых результатов: закрепиться на Черном море и получить стабильный выход в Средиземное море. А это означало экономическую изоляцию России от ближневосточного рынка. Сие было на руку "любезным" соседям России — Франции и Англии, вынашивавшим планы овладения российским Дальним Востоком. Стремительно назревала новая война на наших дальневосточных рубежах. Ко всему Турция и её союзники теснили Российский флот по всей акватории Чёрного и Средиземного морей.

В образовавшееся мирное окно, в 1852 году, через английский пролив Ла-Манш, ещё было возможным отправить дипломатическую экспедицию в страны Тихоокеанского региона. И прежде всего — в Японию, обладавшую в те времена мощным морским флотом. Заключить с ней мирный союз для России было первостепенным делом. Итак, срочно понадобилась эскадра кораблей океанского класса, один из которых носил бы императорский вымпел, то есть брейд-вымпел.

Ещё ранее мощным толчком в развитии собственного флота послужил доклад Петра Первого, с боярским постановлением от 20 октября 1696 года: "Морским судам быть!" С этой даты исчисляется День Военно-морского флота России. И вскоре была создана целая индустрия кораблестроения.

По опыту, перенятому Петром Первым за рубежом, были созданы верфи: Воронежская, Казанская, Переяславская, Архангельская, Олонецкая, Санкт-Петербургская, Астраханская; всего числом в две дюжины. К 1787 году Россия вышла по количеству боевых кораблей в Европе на третье место после Великобритании и Франции. Россия становилась под парус, выкатив из корабельных портиков жерла тысяч пушек. Только парусных судов насчитывалось более двухсот, да ко всему гребных морских до полутысячи!

Остро возникла нужда в боевых матросах, не боящихся штормов и кровавых абордажей. По берегам Волги, Днепра и Урала таковых можно было сыскать немало. Да, это были те самые ушкуи, ставшие на разбойный путь, грабя и убивая богатый купеческий люд. Их отлавливали с альтернативой: "либо пеньковый галстук от царя, либо умереть с честью за Отечество". Выбирали, как правило, последнее: баталии для них дело привычное, но теперь как бы и законное. Специальные царские отряды сутками ловили ушкуйников и татей, направляя их на дела благие, в те места, откуда бежать им было некуда. Добровольно же, под пули какого-нибудь супостата или турецкие ятаганы, идти находилось весьма мало охотников. И если, к примеру, разбойники Скандинавии именовались легендарными викингками, корсарами, то есть пиратами северных, а позже южных морей, то наши разбойнички, при тех же деяниях на реках русских и позднее морях средиземноморских, так и остались ушкуйниками и татями. А ведь те и другие искали для себя одного: воли и жизни достойной.

Глава 5. КАНДИДАТ НА БРЕЙД-ВЫМПЕЛ

Дальнейшее повествование мы будем вести, основываясь на принципе, предложенном самим Иваном Александровичем Гончаровым: сочетая правду художественную с правдой действительности. Сложность лишь в исходных материалах. Дублировать — нет смысла; но и пытаться превзойти очевидцев в их словесах — с нашей стороны совершеннейшая нескромность. Хотя сравнивать действительность века девятнадцатого с веком нынешним, двадцать первым, весьма затруднительно: пропасть научно-техническая глубочайшая. Современному цивилизованному пассажиру, коим в свое время являлся и высоко образованный секретарь экспедиции И.А. -Гончаров, непросто постигнуть всю премудрость моряцкого бытия и быта того времени. Взять, к примеру, постройку деревянного фрегата "Паллада". И. Гончаровым лишь сообщается, что "Паллада" проектировалась и строилась "по лучшим кораблестроительным проектам того времени". А это, увы, было время лишь зарождения большинства прикладных наук, с опорой на которые строились корабли. Безусловно, маститый писатель, был далёк от объективной оценки проектов боевых кораблей и уклада службы на них.

Обводные линии корпуса, геометрия парусов и управление ими, силовые конструкции, вертикальные (пиллерсы) и поперечные (шпангоуты), делались тогда чаще методом проб и ошибок. Паровые машины, котлы, гребные винты внедрялись пока единично. Игнорировались прочностные расчеты, как деталей, так и корпуса в целом. Трудно представить нам и метровую толщину набора бортовых досок! Такие важные каноны как остойчивость и ватерлиния принимались чисто опытным путём. Даже опытные мастера, с помощью расчетов, но без соответствующих умений и навыков, определить центр тяжести корабля не могли. А посему затруднялись безопасно разместить все проектные штатные грузы, балласт, провиант и слепо следовали опыту дру-

гих. Это прежде всего тяжеленные цельнолитые пушки числом до сотни штук, полутонного веса каждая, плюс песчанно-чугунный балласт в трюме и почти трёхтонные якоря до четырёх штук. А еще и личный состав, боезапас, двигатель паровой (на "Палладе" имелся) и угольные запасы к нему.

Легко представить вероятность "оверкиля" (опрокидывания вверх дном) корабля под действием намокших парусов в буйную непогоду. Крен того же фрегата "Паллада" в шторм доходил до 45-ти градусов на борт. Так что при смещении только пушек катастрофа была неминуемой.

Русское "авось" постепенно отодвигалось наукой и опытом в небытие, сохраняясь лишь в сленговом моряцком выражении: "На выпуклый военно-морской глаз". А как было до этого?

Те же шпангоуты (поперечные рёбра деревянного набора) корабелы вынуждены были изготавливать из искривлённых природой стволов. Кривизну подбирали по выработанным опытно лекалам-шаблонам. Такие "рёбра жёсткости" были далеки от требуемой прочности, а может где и превосходили таковую. Да и сколь великой должна быть эта необходимая величина, чем её могли тогда соизмерить? Выбрать же заготовки только для этих компонентов борта в лесной чаще было и того сложнее. Ведь возвращенная кривизна — брак природы, хотя, в идеале, и она не лишена изящества. Высоченные и исключительно стройные сосны именуются "корабельным лесом". И если учесть, что только на одну мачту, вкуче со стеньгами и реями, потребно до трёх идеальных стволов по 30-40 метров, и столько же на стеньги плюс запасные стволы — вот вам и бор сосен вековых! Не менее жёсткие требования предъявлялись к деревьям для изготовления досок бортовой обшивки, палубы, стрингеров (балка повдоль борта), бимсов (поперечная балка между бортами)...

Не стоит нам, наверное, уж слишком углубляться в толкование приведённых выше терминов — все же это целая наука, вы-

работанная веками. Между тем, остановимся на некоторых, наиболее важных из них. Сооружение главной центральной несущей части днища — киля, представлялось чуть ли не отдельной, главной составляющей в искусстве возведения деревянного остова корабля. Брусья изготавливались мастерами плотниками только высшей квалификации. В сборе это был пакет в два-три слоя, скреплённый железными, либо медными болтами. Исключительно качественные и крепкие брусья шли на изготовление штевней: ахтерштевня и форштевня (кормовой и носовой составляющих киля).

Шум от лесорубов шёл по всем царским лесным угодьям на многие сотни, а то и тысячи вёрст. Выбранные стволы доставляли к верфям санными возами, в крайнем случае, на палубах барж. Малейшие искривления, либо их увлажнение, могли пустить весь труд насмарку. Из твёрдых пород (тик, дуб, бук, граб) вытачивались тысячи блоков для такелажа. Заготовленный лес высушивался и хранился пуще пушнины искромётной от зверя редкостного. И, боже упаси, попадёт единый сучок даже в зародыше. Долголетняя жизнь корабля деревянной постройки целиком зависела от качества употреблённого корабельного леса. Мелочей не допускалось вовсе: стекающий со лба мастерового пот вбирала в себя специальная повязка. Даже такая толика влаги не допускалась.

Особо ценился труд парусных дел мастеров. Заказы на плотно выполняли отдельные купеческие парусных дел гильдии. Самая ценная и плотная парусина белого цвета изготавливалась из конопли, реже и дешевле из льна по многовековой технологии. На линейный корабль было потребно от четырёх до шести тонн материала. Легко представить вес намокших парусов! Но оплошность с парусами могла стоить сотен жизней.

В XIX веке изготовление и установка паруса являли собой целую индустрию: возвращение конопли, льна, отделение кост-

рики (оболочки стебля), очистка волокна и само ткацкое, исключительно штучное, производство.

Сутками не угасало зарево от мириад кузниц. Шёл перезвон молотов с молотками и гудение мехов подачи воздуха. Ковали гвозди, скобы, кольца, болты и прочую фасонину из металла, готовили по лекалам листы обшивочной меди. В огромных котлах кипятили смолу, жир для пропитки бортового войлока. Чуть поодаль здесь и там разносились аппетитные запахи "рестораций", а проще — походных кухонь. Крепкий труд требовал знатного кушанья: не столь разнообразного, сколько калорийного. Снедь огородная предотвращала болезни зубов и прочие, хотя и слабила желудки.

Всё описанное едва лишь часть тогдашнего, по сути каторжного труда. Но при всей своей подневольности российские мастеровые ваяли поистине произведения искусства. Увы, но цельнометаллические корабли будущего во многом утратили красоту былого, парусного, пахнущего сосной и дубом флота. Они уподоблялись парящим птицам. Канули в лету украшения форштевня (оконечная часть носа корабля) в виде княвдигеда — резной фигуры, чаще женского пола, с непомерным человеческим бюстом.

Но удивительно, что именно этот ориентир заменял морякам нынешние два нуля на двери отхожего места: прямо под резной фигурой укреплялись верёвочные корзины для отправления личным составом малой нужды и более. Вот уж где "романтики" могли быть полные порты! Особенно при зарывании форштевня (носа корпуса) в волну... Теперь таковой фановой системы нигде не сыщешь, разве что в музее парусного флота. Вот бы удивились матросы тогдашних времён, современники писателя Гончарова, не найдя знакомой корзины на нынешнем лайнере за тем же волнорезом!

На строящемся паруснике "Паллада" для матросов была "выделена" палуба под верхней пушечной декой — обыкновенный жилой кубрик и даже с иллюминаторами. Ранее личный состав ютился в форпике, а проще — в боцманской кладовой для тросов, дёгтя, нагелей и вымбовок с обрывками парусины, краски. Там же был крысиный рай и пристанище тараканов. Даже примитивных лежаков в таком "помещении" не предусматривалось. Зато качка в районе бака-полубака, то есть в самой носовой части корпуса фрегата, была невероятной. "От качки стонали они" — сии слова адресовались прежде всего матросам парусного флота. Лишь гораздо позже, после знакомства матросов с бытом туземцев, для постели было заимствовано оригинальное устройство под названием "гамак". Тоже не сахар, но куда лучше голой палубы. Хотя при шторме уже в пять-семь баллов, гамак из парусины подставлял ваши рёбра всем переборкам, бимсам (укосинам), шпангоутам и соседям по отсеку. Это уже далеко не тот сон, что на современной даче под сенью фруктовых деревьев.

Даже внешне не отделанный, фрегат уже привлекал взор бывалых корабелов. По весне 1832 года Охтинским адмиралтейством руководил светило в среде корабельных инженеров Иван Афанасьевич Амосов. Командовал корабельными делами, уже сразу по закладке киля, именитый мореход П.С. Нахимов. Командир внёс в устройство фрегата немало новаций: от замены железных гвоздей крепления палубного настила у картушки (обрамление) компаса на медные до такелажа и баллера руля, включая шлюпки и пушки, а также отдельное новшество по тем временам — иллюминаторы. 1 сентября 1832 года Нахимов рапортовал в Инспекторский департамент Главного морского штаба об успешном спуске фрегата на воду. На торжестве присутство-

вали многие известные люди в том числе поэт А.С. Пушкин. Корабль освятило духовенство.

Деяния конфессиональные вершил будущий корабельный священник архимандрит Аввакум (в миру Честной). Как мы уже отмечали, отец Аввакум был прекрасным востоковедом и дипломатом. В делах житейских и исследовательских (на поприще религий православной, тибетской, китайской и корейской) обладал изумительной трудоспособностью, был бескорыстен при полном отсутствии тщеславия. Даже для совершенно сторонних и незнакомых просителей писал целые научные трактаты. Преподавал албазинским детям на китайском языке, составил "Каталог к книгам, рукописям и картам на китайском, манжурском, монгольском, тибетском и санскритском языках, находящихся в библиотеке Азиатского департамента". Интересен факт эксклюзивного перевода Аввакумом древней надписи на каменной стене китайского монастыря в городе Боадиньфу. До него над текстом билось не одно поколение китайских священнослужителей, но тщетно. Найденный древний перевод только подтвердил верную трактовку ученого и священника из России.

Такой разносторонне образованный человек как нельзя лучше подходил для должности переводчика при генерал-адъютанте Е.В. Путятине, направлявшемся с миссией в Японию. Позднее Путятин высоко оценил участие Аввакума в ходе переговоров с японцами, и ему было присвоено звание архимандрита первоклассного монастыря. В "Тверских епархиальных ведомостях" напечатана лишь биография Аввакума с описанием его трудов. Для более широкого круга читателей и учёных имеются сведения в "Русском биографическом словаре". Однако сегодняшнего исследователя эта биография не может удовлетворить, что обуславливается, в первую очередь, выявленными новыми фактами.

Глава 6. АВРАЛ: КОРАБЛЬ К ПОХОДУ ПРИГОТОВИТЬ!

Почти через год, весной 1833 г., "Палладу" перевели в док Кронштадта и обшили подводную часть корпуса медью от обрастания ракушками и прочей морской живностью. Смонтировали линию вала от паровой машины, укрепили винт, баллеры руля, якорные клюзы из литого чугуна.

К концу лета 1833 года фрегат был готов к отходу на рейд. Денно и ночью на корабль везли и загружали провизию, аварийный лес, тюки парусины, троса и пеньку, бочки с дёгтем, бочки с провизией, якорные цепи (впервые вместо пеньковых тросов) и ещё сотни наименований предметов, вплоть до дров для камбуза. Подобно муравьям, поднимались по трапу матросы и солдаты, разгружая посудины со скарбом на борт фрегата. По всему причалу толпились кареты с подъезжающими офицерами и провожающими их семьями.

После постройки и спуска фрегата на воду, командиром "Паллады" вместо капитан-лейтенанта П.С. Нахимова назначили капитана-лейтенанта П.А. Моллера. Фрегат практически не выходил из бесконечных походов. А в 1848 году "Палладу" за благие достижения причислили к гвардейскому флотскому экипажу. И уже в гвардейском звании фрегат совершил свою кампанию в Англию и на остров Мадейра.

Гончаров к этому времени уже становится знаменит как писатель, решив принять участие в кругосветном вояже на фрегате "Паллада". 7 октября 1852 года дипломатическая миссия в полном составе, во главе с адмиралом Е.В. Путятиным, была направлена в Японию. На пристани, в ожидании командирского катера, переговариваясь, стояли Ефим Васильевич Путятин и секретарь его миссии Иван Александрович Гончаров. Их эрудиция делала беседу взаимно интересной. Прибывающие офицеры экипажа отдавали честь, штатские участники миссии откланивались.

Все поочерёдно занимали места в шлюпках, гребцы, не мешкая, отчаливали, довершая караван посудин с грузами. Строевые офицеры уже загоя были на фрегате и отдавали распоряжения по авральным работам. И если Путятину все до последнего матроса были знакомы по предыдущим кампаниям, то Гончарову выпала "почётная миссия" почти всем жать руку. Что он и сделал более чем ста персонам без учёта нижних чинов. Во рту пересыхало от многократного целования ручек дамам, жёнам офицеров. Вскоре собеседникам пришлось сменить площадку, аккуратно над ними начали проносить на фрегат под загрузку сети со скотом и курятники. Животные и птицы от страха нещадно испражнялись, пищали и ревели. Наконец оба действия иссякли — как процедура представления, так и погрузочная.

К стенке подошёл командирский катер. Последовал доклад командиру экспедиции и приглашение на борт. На корабле горнист сыграл захождение, подали трап, и старший офицер произвёл доклад о ходе аврала и готовности корабля к походу. Затем последовала черед команд: "Ютовым на ют! Баковым на бак! Поднять якоря! Цепи обмыть! Шкафутovým поднять трап! Крепить по штормовому!".

Далее всё происходило стремительно и безукоризненно: с трелями боцманских дудок последовала команда: "Свистать всех наверх, паруса ставить!" И матросы одновременно разбежались строго по своим местам для постановки парусов.

— Марсовые к вантам (канатные лестницы к мачтам), все паруса отдавать!

Здесь, как ни гляди, а всё равно не узреть ту синхронность, с какой буквально разлетаются моряки по вантам, затем поочерёдно по ярусам рей (перекрестья мачт) и отдают сезни (фалы крепления парусов). И в этот момент моряк борется с ветром, удерживая парус в руках, стоя на рее!

— Паруса отдать!

Лишь после этой команды паруса отдают (отпускают). После вываливания парусов следует команда: "С реев долой!"

Тут же марсовые сбегают с реев на ванты, а по ним вниз на палубу. И это с высоты 50-60 метров!

Описанная картина для восприятия новоиспеченного секретаря миссии была более чем шокирующая. А с другой стороны, он пытался понять необходимость и многогранность этого адского действия. И это при крепком морозце и умеренном (пока) ветре. Иван Александрович на время задержался, созерцая им ранее неведомое. Душа его замерла, оцепенела при виде истинного чуда... Феерия постановки парусов разыгрывалась по всем мачтам будто по мановению волшебной палочки в руках старшего офицера.

Архимандрит Аввакум меланхолично обходил мачты с распущенными парусами и окроплял их поочередно вкупе с матросами на них. Его пышная борода, овеванная розой ветров всех широт, была несколько вздёрнута к небесам. Он самозабвенно читал молитву — обращение к Святому Николаю Чудотворцу, охранителю душ морских. Все замерли, внимая молитве:

"О! Всехвальный, великий чудотворче, Святителю Христов, надежда всех христиан, отче Николае! Молим тя, буде надежда всех христиан, верных за кормитель, плачущих веселие, болящих врач, по морю плавающих управитель, убогих и сирых питатель и всем скорый помощник мирное zde проживём житие и да сподобимся видети славу избранных Божиих на небеси, и с ними непрестанно воспевати поклоняемого Бога во веки веков. Аминь!".

Священник чеканил каждое слово молитвы не токмо ради ритуального священнодействия: он знал, что на Палладе есть ещё один человек, знающий Священное писание и молитвослов не менее, а то и более досконально, нежели он. И это был сам руководитель экспедиции адмирал Путятин.

По завершении молитвы, адмирал, а за ним пассажиры катера, уже сообщая разошлись по каютам. За ними последовали упомянутый батюшка архимандрит Аввакум и член дипломатической миссии капитан-лейтенант Посьет. С окончанием аврала матросы горохом ссыпались на нижнюю палубу к обогревателям.

Далее постараемся, по возможности, расширить круг наших знакомств, чего сделать со всем составом нижних чинов, общим числом 439, сможем лишь эпизодически, да и то условно. Что касается офицерского состава и чиновников, то Ефиму Васильевичу довелось подбирать их для предстоящей экспедиции более чем тщательно. Здесь были дипломаты, переводчики-востоковеды, геодезисты-картографы, океанографы и достаточное количество вахтенных и строевых офицеров.

Грандиозность происходящего заставляла душу писателя впадать в смятение: стоило ли было ему ввязываться в эдакую "кампанию"? Но тщетны были его размышления. Теперь он лишь государственный человек и обязан аки губка впитывать круговерть событий на фрегате и вокруг него происходящих. Путятин будто прочёл его потаённые мысли и изрёк: "А что, Ваше благородие, милейший Иван Александрович, не угнетает Вас сия картина рождения корабля? С позволения сказать, его души? Ведь население нашего фрегата и есть его мятущаяся душа! Запоминайте, вникайте в её нюансы, фибры. Вам предстоит стать частью, а то и зеркалом нашим во всех тяготах флотской жизни".

Сияющий цветами корабельных красок и блеском иллюминаторов, начищенной бронзой орудий, фрегат был великолепен. Только что сошедший со стапелей, он привлекал внимание даже бывалых моряков Санкт-Петербурга, многочисленная публика заполнила городской причал Кронштадта. И не мудрено: в корабль вложили душу мастера, руководимые инженером-полковником В.Ф. Стоке, равных которым в России тогда не было. На верфях трудились плотники, краснодеревщики, чеканщики, кузнецы и другие специалисты, собранные со всей России. Жаль,

но к этому времени ещё не были развиты и многие науки, так необходимые кораблям, да и самим мореходам. А посему лиственница по бортам соседствовала с палубным дубом без каких-либо компенсаторов тех же линейных расширений при намокании. Первый же шторм давал течь во внутренние помещения. Шпангоуты и стрингеры, при прямом попадании в них ядра или бомбы, крошились, образуя пробоины. Не спасали эффективно просмоленные прокладки из пакли или войлока с медной обшивкой бортов. А через пять-шесть лет плавания борта банально прогнивали, а то и прогрызались древоточцем и червяками морскими. Так что и сравнивать-то, по большому счёту, было не с чем. Наука даже в зачаточных гипотезах, порой отступала перед пламенем инквизиции. Последний её костёр погас в 1782 году, превратив в прах прекрасную "ведьму" Анну Гельди с божественным ликом. Стоит ли удивляться малопривлекательной внешности современных женщин Европы: вероятно, инквизиция стала "чёрным селекционером" на пути к их красоте.

Между тем, закон Гука о смещении под нагрузкой был известен уже в 1678 году. Так что шпангоуты и борта из металла стали делать лишь на закате парусного флота и применением паровых машин с вертикальными паровыми котлами. Тем не менее, корабельные конструкции и расположение пушек, якоря и клюзы (отверстия в бортах под цепи якоря), иллюминаторы вплоть до галюнов (санузлов) и рулевых устройств инженер Стоке разрабатывал со всем тщанием и надлежащим опытом.

Почти в те же годы случались от безграмотности некоторые казусы: как-то, при спуске уже отстроенного корабля на "большую воду" с камелей (подобие понтонов), не учли положения ватерлинии и... затопили судно со всеми красотами по корме и бортам. А то и переламывали по мидельшпангоуту (пополам), дав беспрепятственно "сехать" с опор на чистую воду большей половине новенького судна. Лишь с появлением доков и других

инженерных решений кораблестроение стало принципиально иным. Совершенствуется оно и поныне, в двадцать первом веке.

Фрегат "Паллада" был назван в честь греческой богини, дочери Зевса. При властителе богов Олимпа она была своего рода фавориткой, то есть более чем секретаршей. И не случайно: родная кровь, любимая дочка. Так что ключевые вопросы разрешала она, а затем подсовывала на утверждение папаше. Согласитесь, вряд ли какая-либо сфера дел людских не подпадала под её влияние. Одним словом, царь земной, видимо, ведал об особой миссии фрегата, дав ему ещё до постройки это многообещающее имя...

Док с "Палладой", куда поставили фрегат под отделку, пропах древесиной ценных пород. Весь рангоут и деревянный настил укрыли старой парусиной, отслужившими листами меди. По количеству вооружения фрегат соответствовал боевому кораблю линейного устава. "Линейный корабль" не был аналогичен линкору в металлическом исполнении. Тогда лишь в зачатке находилось ранговое подразделение по водоизмещению и прежде всего по вооружению. Не отошли ещё в небытие абордажные приёмы ведения боя. Да и флот-то России только зарождался как таковой. Но уже намечались основы промышленного судостроения. То же можно сказать о подготовке морских кадров.

Не так много осталось свидетельств о суровой матросской жизни. Ведь повествователи из понятных побуждений умалчивали о рекрутских наборах на флот. Крестьян брали на службу буквально от сохи: давали винтовку, и "айда" в окоп. "Пушечное мясо", по нынешним канонам. Ну, а на флот? Здесь "айда-пошёл" никак не годилось. Попробуйте попасть в цель из пушки, подчас на крутой волне! Непростое дело! Практиками-баллистами были Пётр I и его последователи: Меншиков, Суворов, Ушаков, Нахимов. Теперь остаётся только предполагать, что львиная часть "нижних чинов" на парусном флоте набиралась из "пе-

рекованных" ушкуйников. Сиречь из корсаров речных просторов Волги, Дона, Урала, Камы. Для них при отлове из лесных чащ и шири русских рек была одна альтернатива: пеньковый "галстук" на шею и обзор с высоты реи корабельной. По статистике тех времён по лесам беглых татей обретало более двухсот тысяч. Вот вам и резерв, царь-батюшка! Головорезы и мастера ближнего огневого боя. Далее следовали знаменитые "пушечные качели".

Глава 7. УШКУИ И АБОРДАЖНИКИ

Театр морских сражений всё более расширялся. Пресловутые наборы в рекруты далеко не перекрывали потребность в "пушечном мясе". Таковое вершилось не токмо в России, но и в именито-показных странах демократии, коими себя выпячивали Великобритания и иже с нею союзники по Европе. В России не сочли нужным вообще облекать в какую-либо юридическую форму набор на стремительно развивающийся флот. А нужны были тысячи, десятки тысяч корабелов-строителей, оружейников, плотников, ткачей и парусников, кузнецов и кашеваров, комендоров, матросов-абордажников, сиречь отъявленных головорезов, чертей во плоти. Всех названных, и не токмо их, следовало сыскать по просторам и лесным чащобам Руси. А недостающих обучить и приноровить к непростому морскому деянию при надлежащем здоровье!

С утра до ночи гремели пушечные раскаты на мобильных полигонах. Десятки мощных качелей с пушками и ядрами на них позволяли канонирам отрабатывать предельную точность стрельбы. Проводить стрельбы из пушек по мишеням непосредственно на самом корабле — дело для парусного деревянного флота

рискованное. Пусть даже дубовые палубы на деках и железные нагели после нескольких десятков выстрелов из всех орудий напроць расшатывали сосново-лиственничный корпус, и корабль требовал докования. Тренажёры-качели устраняли такой риск, сберегая корабли по прямому назначению: для штормового океана и пушечных баталий.

Фехтование на всех видах холодного оружия тоже мало совмещалось с палубным пространством без вреда для рангоута. А посему лихие корсарские баталии велись на учебных манежах полигона. Таковое не применялось ни на одном флоте Европы. Хотя без приличного вооружения не обходился ни один корабль 18-19 века и куда ранее. Разница состояла лишь в количестве пушек и штыков, иначе холодного оружия. Не обходилось и без ранений: как тяжёлых, так и лёгких, огнестрельных, ножевых и сабельных, случались и переломы от отдачи орудий. Но, если учитывать статистику, то потери на полигоне были куда меньше тех, что несли команды, не обученные в контактном бою. Отголоски тех учений, их практика и теория, легли в анналы баллистики как науки. Но викторию в этом деле все же определяла предопределяющая подготовка. Недаром стала крылатой фраза Суворова "Тяжело в учении — легко в бою". Состязания, устраиваемые на корабельных полигонах, были для бывших речных корсаров сиречь игрища. Так косвенно бывшие бунтовщики сыграли свою положительную роль в развитии флота российского.

Глава 8. ДУШИ МОРСКИЕ

Запали слова адмирала Путятина в сердце Гончарова: есть де душа у корабля и командой она наполняется. Отсюда, бросая монету у острова-камня Готланд, он уже твёрдо уверовал в спасе-

ние судна от стихий океанских. И на самом деле, более двадцати лет царский посланец, блистая красотой, посетил немало государств с дипломатической и прочими государственными миссиями. Случалось даже совершать вояжи с немалыми запасами золота. За столь длительный срок корабль и его команда стали единым целым. Ничто так не роднит, либо настраивает супротив, как тяготы невероятные. А таковых морская стихия преподносит с лихвой изо дня в день и из похода в поход. Ломаются крепчайшие мачты и реи, рвутся паруса, разгибаются стальные крюка-гаки, трещат, а инда выламываются под ударами волн бортовые доски обшивки из чистопородных сосен и лиственницы... Не единожды смывало за борт братцев-матросов. Нередко они же разбивались о дубовую палубу, падая с реи на высоте в сорок-пятьдесят метров.

Главная дипломатическая миссия венценосного корабля была намечена на 1852 год — в Страну восходящего солнца. Были загружены более чем годичный провиант, запасной рангоут, мачты, корабельный лес... Завезли свой скарб офицеры. Матросы обходились "вечными сундуками" с именными лейблами из латуни и меди. Сундучки имели в днище крючья для штормового крепления к палубе кубрика. Почти сутки кран-балками доставляли с берега клетки с курами, скотские загоны с нещадно ревущей скотиной. В специальный отсек укладывали прессованные тюки кормов для живности. Всё это кудахтало, мычало, визжало!!! По строжайшему авралу и под началом грузили порох для пушек, бомбы и ядра. Всё неукоснительно проверялось офицерами.

Немало медикаментов доставили на борт матросы, подопечные врачей Арефьева и Вейриха. Бывалые моряки знали цену врачебным рукам в открытом океане. На кормовой надстройке стояли капитан-лейтенант И.С. Унковский, судовой священник архимандрит Аввакум. Старший офицер лейтенант И.И. Бутков с рупором носился по грузовой палубе, время от времени подавая короткие команды строевым вахтенным офицерам.

Следом за ним бегал как бы общекорабельный пёс по кличке Аврелий. Хотя вся команда знала, что хозяин его Бутаков. Вне сомнений, что пребывание на "Палладе" тёзки древнего грека Цезаря Марка Аврелия стало возможным с благословения адмирала Путятина. Пес выполнял роль швейцара, чинно восседая у входа в кают-компанию. О подачках Аврелию немудреной снеди не могло быть и речи. Пёс был своего рода экзотикой для корабельного общества. Он даже принимал пищу не иначе, как от вестового, и восседал отдельно. Голосом Аврелий обладал исключительно "а-ля Бутаков". И когда офицер давал команды, пес немедленно дублировал сказанное на собачьем диалекте с интонацией хозяина. Такой дуэт вызывал гомерический хохот у всей команды. Даже у адмирала лицо расплывалось в блаженной улыбке. Сюда же, к авторитету Аврелия-Цезаря, следует добавить: крысы не конфузили своим мерзким видом никого из офицеров. Клыки у корабельного любимца были тигроподобные, да и весом он не прогадал, тянул пуда на четыре!

По судовому авральному расписанию каждый офицер и матрос выполняли строго определённую функцию при команде.

"Корабль к бою и походу приготовить!"

Обтягивали такелаж по-штормовому. Крепили шлюпки и всё корабельное имущество. Столетиями отрабатывались эти команды и задачи, как по краткости, так и по содержанию. Одна из них — "прохождение узкостей" рейда, пролива, в непосредственной близости от материка или острова. И надо же тому случиться, что почти в самом начале похода фрегат угроздило сесть на каменную мель — "банку", после чего "Палладе" пришлось изыскивать ближайший док для "рихтовки" медной обшивки днища. Таковым стал английский порт, обладатель нескольких доков Портсмут.

Ивану Александровичу вспомнилась морская легенда о "летучих голландцах" — кораблях с роковой Судьбой: такой корабль

носила стихия годами. Снасти были в готовности, а то и обвисшие в полный штиль. Ужас навевало сопутствующее безмолвие и отсутствие команд. Домыслы один страшнее другого вздыбливали волосы очевидцев. С таких посудин ещё при постройке бежали крысы, а это верный признак предназначения гибели, крушения. Поэтому известие о гибели на соседнем паруснике матросов при постановке парусов он воспринял аки знамение Господне.

Матросы по своему обыкновению, уходя в моря-океаны, набивали впрок свои желудки свежатиной с грядок, сиречь зеленью. На "Палладе" тоже следовали сей не совсем гигиеничной привычке. И это в глубокую осень! Случившееся привело в изумление слуг Гиппократы по приходе в Портсмут. Причиной тому послужила разыгравшаяся на корабле эпидемия холеры. Позже коллегия пришла к выводу, что вероятнее был-таки случай инфекционного заболевания, но отнюдь не холеры. А скорее всего, случилась вспышка дизентерии. Хотя для троих матросов все закончилось летальным исходом. Трагедия всколыхнула весь фрегат.

В России эта зараза бывала в истории не чаще "мора Господня" и совпадала с ранней осенью, в период подвоза южных фруктов. Райская жизнь корабельных эскулапов резко усложнилась. Обыденно их обязанности сводились к пробе разносолов с камбуза и обзора санитарии матросского кубрика. Хотя случались в их практике и травмы, не в диковину были и обморожения при работе с парусами на зимних авралах. А тут... Им теперь приходилось сопровождать "до ветру" едва ли не каждого посетителя гальюна на княвдигеде. А такой демарш, под резную фигуру форштевня (носовой балки) над крутой волной, был равноценен сидению в кабинке марсового на мачте высотой не менее купола цирка. Нижних чинов числилось в команде до полутысячи. Мог-

ли заболеть и офицеры. Даже если не спать, то врачи каждому пациенту могли уделить не более шести минут. Такое даже в кошмарном сне не приснится, а здесь все происходило наяву.

Секретарствуя при адмирале Путятине, Гончарову приходилось если не дублировать работу медиков, то, по меньшей мере, ассистировать эскулапам Арефьеву и Вейриху, дабы занести "недуг" в анналы корабельной "истории".

Вот вам одно из популярных корабельных заболеваний. Ему подвержены очень многие и хуже, ежели стационарно. Имя ему "морская болезнь" — от банальной качки. Страдающим ею по окончании похода лучше вовсе списаться на берег.

Ивану Александровичу повезло: он совсем не был подвержен сему недугу. Подфартило писателю и с вестовым матросом Фаддеевым: ловок, силён, сообразителен. Почти полная его безграмотность компенсировалась деревенской мудростью: "А мы костромские, барин, так ты особо не серчай!" Семён образцово понимал разницу между услужливостью и исполнительностью. Переучивать его обращению на "вы" писатель счёл нецелесообразным и даже кощунственным. И никогда по этому поводу не серчал, даже в случае оговора коллег. Матрос едва ли не в первый день знакомства усвоил нужные привычки и манеры Гончарова. Без проблем своим морским чутьём определил круг товарищей визави. А уж азы корабельной жизни, сотни мудрёных наименований Семён излагал своему барину походя и ненавязчиво. По-деревенски втолковывал все в сравнении: "А во-о-на та слегка на мачте, ваш бродь, вроде как перекаладина на погосте. Так по-корабельному сие — рея... А те три косынки есть паруса — стаксели. Убрать стаксели" — означает "засвежел ветерок на бакштаге". То бишь попутный. А вон, гля-ко, какая рыбища красивая по волнам скачет! Так она касаткой прозывается, а то ещё и свиньёй морскою".

В самом начале похода в Японию, в коварнейшем проливе Зунд в Северном море фрегат содрогнулся от удара днищем о злополучную каменную Доггерскую банку, "Паллада" начала давать течь в трюм. Усиливающийся шторм грозил раздать шире образовавшиеся бреши между досок бортовой обшивки. Сыграли аврал по спасению судна. Пролив Зунд об эту пору был весьма коварен. Неимоверно узкий и довольно мелкий. Ко всему, насыщен кораблями десятков стран, даже в самое скверное время суток вахты в "собачий час". Удар по днищу пришёлся по скользящей. Фрегат по стечению обстоятельств шёл без сопровождения лоцманом.

Стаскивали корабль таями и верпом. А когда заглубили кормовой якорь (верп), то пустили в ход брашпиль (корабельную лебёдку) и флотское "айда-пошёл и р-раз!". Чуть ли не с молитвой и со всеми предосторожностями, дабы не сдёрнуть обшивку, судно удалось вывести на чистую воду. Непогода буйствовала со всей яростью.

На вечернем докладе у капитана-лейтенанта И.С. Унковского собрались старший офицер Бутаков, Лосев, Зарубин и другие начальники подразделений. Присутствовал судовой священник Аввакум. Экстренное совещание вёл сам Путятин. Выслушав доклады о тщательном осмотре судна у ватерлинии, адмирал принял решение прекратить дальний поход к мысу Доброй Надежды. Решено было встать в английский док Портсмута для устранения предаварийного состояния, а особенно подмокания крюйт-камеры и пороха в ней. Фрегат нуждался в тимберовке, то бишь в тщательной ревизии корпуса и снастей, и одновременно в замене медной обшивки и герметизации бортов.

А пока барон Шлипенбах в одиночку съехал на шведский берег Зунда для вызова лоцмана. По прибытии местного знатока

всех проливов и фьёрдов, коих в этом регионе тьма-тьмушая, капитан повёл корабль через пролив. Все прочие замыслы по Дании пришлось отложить до Портсмута и его именитых сухих доков. Единственное, что в изрядной мере скрашивало быт всего экипажа — это свежайшая рыба в неограниченном количестве. Немецкое море было насыщено как рыбаками, так и рыббой. Рыбаки столь настойчиво предлагали выловленную снедь, что их назойливость отпугивали пожарными шлангами. Да и не было времени на торгашеские сделки. Уже через трое суток миновали мыс Скаген, оказавшись у западного побережья Дании, описанной в произведениях Шекспира. Значительно потеплело. Стих шторм. Ко всему, В.А. Корсаков ублажил душу, дав прочесть книгу о ста ледящих сердце кораблекрушениях. Но куда благодней было слышать на сон грядущий: "Убрать два-три рифа". Такая команда умиротворяла, как бы оповещаая: "На фрегате всё спокойно, океан благоден и фосфоресцирует, вторя нчному небу". До Портсмута осталось триста миль. Завтра должны были быть у цели.

Архимандрит счёл необходимым испросить господ офицеров о посещаемости кубрика матросов и бесед с нижними чинами: "На корабле множатся слухи о беде грядущей. Будто крысы покидают судно. Сам сие не зрел. Но матросы простужены донельзя, и одеяние просушить проблемно. Случившиеся оказии с холерой и та злополучная банка зело гнетут души моряцкие. Для нас главное, — божественное упокоение и здравие духовное. Вам, Иван Александрович, особо следует словеса добрые сеять в души человеци вровень со мной в речах многоумных и велиречивых".

Весь день ветер был невероятно резок и перемежёвывался со шквалами. Небо будто прорвало ледовым месивом. Волны словно поседели от пены. Худо было тому, кто намеревался сходить на корзину княвдигеда "до ветру". Его Нептун ежеминутно

накрывал с головой, а то и вовсе мог швырнуть на гребень волны от форштевня.

Гончаров в сопровождении Фаддеева пробрался на батарейную палубу, где на палубе в изнеможении лежали сползшие с вант матросы. Они готовы были обнять обогреватели; воняло потом, свиным помётом и горелыми байковыми шинелями. От свежего дёгтя резало в глазах. Проветрить опердек через портики в такую волну было рискованно: могло залить. Вокруг "секлетаря" расселись плотным кружком особо любознательные. Иван Александрович с воодушевлением рассказывал о разных странах, народах, обычаях и легендах. Трудяги засыпали мертвечки, и лица их блаженно улыбались. Душа корабля теплела до следующего аврала, пока надо было вновь и вновь, сдирая в кровь руки, лезть по обледенелым вантам к взбесившимся небесам по едва не ломающимся мачтам и реям. Отужинав с матросами, сказитель ещё час-полтора ублажал всех беседой.

Глава 9. КАЮТ-КОМПАНИЯ

Вестовой, скользя по мокрой палубе, буквально на закорках втащил писателя, после его очередной беседы, в кают-компанию. На мокрых ступенях поскользнулись оба. Секретарь застонал от удара о балясину и явно непривычной боли, а затем уже сам, встав с четверенек, сел за стол. Как по волшебству, вдруг материализовался графин с горячим пуншем. Бодрствующий лейтенант Бутаков налил страждущему полный бокал и пододвинул блюдо с телятиной: "Угощайтесь, любезный! Зело труден денёк выдался... Прослышан, что и матросский ужин впрок пошёл. Вельми похвально для штатского. Батюшка архимандрит себя так не истязает, а уж он-то не один океан паству наставляет".

Спал секретарь невзирая на буйство забортное и повсеместный стон мачт и скрип бортовых досок. Он впервые ничего не слышал. Даже не снились картузы с порохом для пушек, что были уложены аккуратно под его каютой. Те самые восемьсот пудов, загруженные в крюйт-камеру в первый день его поселения на фрегат. Мнительность Ивана Александровича не давала ему покоя: ему снились злополучные пуды пороха и его воспарение к небесам от их подрыва.

Одно ублажало секретаря: кают-компания и соседство с высшим светом экипажа, его "разумом", единомышленниками и интеллектуальными сподвижниками. При благоприятствующей погоде беседы нередко длились часами. А все нарекания на якобы запойную корабельную жизнь, ранее прослышанную Иваном Александровичем, оказались не более чем блефом. В кают-компании без подобающей причины к графину с пуншем относились не более как к украшению стола. После трудов праведных на обледенелом ветру, лишь матросы потребляли перед "адмиральским часом отдыха" по чарке рома. В рацион нижних чинов, в месячную раскладку, входили мясо говяжье до шести килограммов и масло до половины нормы мяса. Рацион не был разнообразен, но сытен предельно. В кашах и супах на "бачке" артельщиков не ограничивали. На вантах должен авралить сытый матрос. Но ещё со времён Петра Первого бытовал строжайший приказ: "Пьяным не быть!". За прегрешение в избытке хмельного питья не миловали как матросов, так и офицеров (денежно). Но ласковое слово и кошке приятно, так что посещение матросов "писарем Его величества" было для них словно елей на душу. Писатель зачастую открывал для вчерашних крестьян, а то и та-тей дремучих, целый мир небывалого и таинственного.

Глава 10. ДОК В ПОРТСМУТЕ

Обогнув мыс Скаген, корабль будто обрёл не паруса, а крылья на мачтах. Лаг показывал завидную для фрегата скорость до двенадцати узлов. Погода смиростивилась, и на третьи сутки фрегат уже огибал берега Ютландии. А со временем душу радовали маяки побережья Германии. Хотя радость была не велика: пролив Ла-Манш не славился гостеприимством. Дно этой "узкости" было усеяно островами затонувших кораблей самых разных стран. Ветер дул бакштаг, то есть исключительно благоприятный. Всё чаще расходились с "купцами" и военными судами под флагами Германии и Франции.

И, о Боже! Пополудни, выйдя на верхнюю палубу, Ивану Александровичу взбрело обратить взор на нечто грандиозное и мрачное по правому борту. Оказавшийся рядом верный "Санча Панса" тут же осведомил: "Ваш бродь, Иван Алексаныч, Дувр сие, аглицкая крепость, наибольшая со всех времён в Бретании. Вы бы нам чего обсказали о ней. Мы, почитай, уж по пятому разу в здешней узкости, хотя особых красот не узрели. А вона и гость аглицкий пожаловал: его милость лоцман к нашему борту жа-луют!"

Корабль вошёл в Дуврский пролив. Слева по борту открывались среди каменистых ложбин земли Франции. По берегу Великобритании один за другим чередовались мрачные стены замков.

Ночью объявили аврал: бросили якорь на Спитгедском рейде у замка желанного Портсмута и его маяка Святой Екатерины на острове Уайт. Лоцман отправился на берег. Док, ремонт в коем предстоял "Палладе", слыл своей фундаментальностью. Как сообщил лоцман, монстр корабельного ремонта, док Портсмута, был готов к принятию фрегата.

А после ужина собрались моряки на пропахшей, но уютно-тёплой жилой палубе. Почти всю ночь не слазили с реев: авра-

лили по прохождению "узкости". В Ла-Манше в любое время суток кишели корабли со всех сторон. Стоило рыскнуть ветру, как неизбежна сцепка реями, а то и вовсе стеньгами. Виновнику же предстояло крупно раскошелиться. Вот и бдят всей командой, не смыкая глаз. Фаддей всех оповестил о новых сказаниях. И едва передвигающиеся моряки разлеглись, не раздеваясь, впопалку вокруг сказителя. Над их головами не было уже привычного и тревожного шума ветра в парусах. Корабль далее пойдёт под буксиром в док. Была команда "паруса убрать", и матросы, завершив свой нескончаемый труд, расслаблялись всеми чреслами.

Ещё вчера с вечера с мачт и верхней палубы отлично были видны мрачные каменные стены старейшего и крупнейшего замка в мире. Имя ему Дувр. Глядя на эти мрачные каменные строения, защищённые высоченной стеной, ныне с трудом верится, что возведены они в начале нашей эры. Да, я не оговорился: не столетия, а эры!

Берега Англии выходят непосредственно к проливу. Владеющий проливом имеет влияние на мир, его взаимосвязи, торговлю. Именно поэтому короли Великобритании предпочитали жить за толстенными стенами крепостного сооружения из четырнадцати зданий и многочисленного войска. Далее вокруг замка уже в железном веке был выкопан внушительный ров. А уже в первом столетии нашей эры римляне отстроили два маяка. Один из них у побережья, другой разместили на Западных высотах. Много за прошедшие столетия разрушено в войнах, а уже в нашем столетии построили Великую Квадратную башню. С историей замка так или иначе связаны все королевские династии. Так что за прошедшие столетия здесь, очевидно, было больше привидений бывших обитателей из числа убиенных, нежели здравствующих. Они уживаются благополучно и по сей день. Та же история с оружием: его только накапливали и хранили, но не уничто-

жали. Если кому доведётся побродить внутри этих строений, то непременно обратите внимание. Недаром крепость во все времена называли "ключом к Англии". Замок предельно насыщен не только шедеврами искусства, но и инженерными сооружениями: водопроводом, каминами, вентиляцией, туалетами, тайными переходами, бесчисленными подземельями и тому подобными конструкциями. Но ничто не вечно под луной: в 1216 году английские революционеры пригласили на помощь в гражданской войне французов. Те с радостью сбросили с трона короля Джона, отторгли Дувр, а с ним всё южное побережье туманного Альбиона.

Все последующие столетия заварухи, интриги и междоусобицы начали разрушать монолит Дувра. В пятнадцатом столетии король Генрих VIII положил конец домоганиям соседей и усилил береговую артиллерию, а на башнях крепостей возвёл площадки с пушками. Такая система двойной защиты отбила охоту у неприятеля испытывать на прочность Тюдоровский Дувр. А уж после постройки и вооружения английского флота монумент Дувра стал доступен лишь художникам на приличном расстоянии. Так что пользуйтесь, господа, и посетите редкостный памятник веков!

ПРОЩАЙ, ТУМАННЫЙ АЛЬБИОН

Глава 11. МАЯК И ЗАМОК НА ОСТРОВЕ УАЙТ

Атлантика утихомирилась, то есть сезон активных штормов, вероятно, отодвинулся на год. А там как бог на душу положит... Бог у Паллады, то есть папенька Зевс, имел под началом того же Нептуна и прочих божьих клерков. А согласно замыслу нашего

русского царя, вверенный миссии фрегат, "тёзка" богини, должен следовать канонам названной божественной публики.

Вышеупомянутый Портсмут худо-бедно ограждал от непогод остров Уайт. Исторически древнее историческое начало Великобритании положили кельты. Как, впрочем, всей Западной Европе. Вечные туманы и промозглый климат отселекционировали на островах Великобритании некую смесь народонаселения с холодным и надменным характером. А толком-то те два-три метра над уровнем океана не так уж и защищали. Великобританию от непогоды, разве что от затопления вообще. В сравнении, российский Санкт-Петербург не более уютен, чем Портсмут. Хотя история их становления и расцвета во многом схожи. Великобританский и российские флота могут считать эти города своей колыбелью.

Портсмут издревле стал привлекателен как центр корабельной индустрии. Корабле-промышленный комплекс стал здесь в 19 веке одним из крупнейших на планете. А коли добавить к сему фактору мореходность пролива Ла-Манш и его насыщенность судами, то экономически более доходного места, по тем временам, вряд ли возможно было сыскать.

И стала Великобритания "владычицей морскою", отстроив сухой док, потребный для созданного королевского флота. Позже доков стало три, причём способных принимать в своё лоно даже авианосцы Соединённых Штатов. Казна Туманного Альбиона богатела. Официально страна носила название "Соединённое Королевство Великобритания и Северная Ирландия". Совместно это государственное образование именовали Великобритания, либо попросту — Англия. Сюда включались сама Англия, Уэльс, Шотландия и Северная Ирландия. Столицу государства поименовали ещё римляне. Тёплое течение Гольфстрим, омывающее берега островов Королевства избавляло его от трескучих морозов и резких перепадов климата.

Едва не упёршись форштевнем в мрачные камни крепости Портсмута, офицеры и вся команда встречали на Спитгетском рейде. Чуть забрезжил рассвет, как сыграли аврал, засвистали: "Всех наверх! Рифы брать!"...и убрали паруса. В каюту писателя тенью вошёл Фаддеев: "Ваш Высокобродь, вставай! Велено вещички собирать на переселение. Будешь, пока докуемся, жить на "Кемпердоуне". Сие стопушечный аглицкий корабль будет. Кают там тьма. Так что расселим в момент и с комфортом!". Но на лице вестового была видна просьба. О чём испросил Иван Александрович Семёна: "Обскажи, милоч, не мнишь, что надобно. Ежели денег, то тоже не откажу". Хотя в списках на корабельную чарку Семён числился непьющим и получал мзду деньгами. Посему особой нужды в финансировании не имел.

— Да тут у меня, Ваш Высокобродь, земляк из Костромы на маяке служит. Обженился он ещё в прошлой кумпании здесь. Тесть у него купчишка. Уж больно охота у него погостевать, да в баньке попариться. Он на Уайте, что в деревне Нитон. А на завтра я и возвернусь. Боцману я тотчас доложу, это, ежели на случай корабельных работ.

— Отдохни, ради бога, я перечить не стану. Так и боцману сообщи. Иди, любезный.

Доставши атлас, Иван Александрович с прелюбопытством стал вникать в описание красот острова Уайт. Шлюпок для переезда не доставало, но секретарь особо и не спешил: настолько его увлекло чтение о красотах острова. Остров предпочитали для проживания почти все монархи Туманного Альбиона хотя бы по одной простой причине: там редко висел туман, и было на редкость солнечно. А с 27-метровой башни-маяка открывался поистине сказочный вид на Атлантический океан. И не зря именно здесь был возведён фамильный дворец английских императоров Осборн Хаус. Здесь же воспитывалась будущая российская императрица Александра Фёдоровна. Когда совсем стемнело, за

Гончаровым пожаловал вестовой и помог писателю добраться и разместиться в просторнейшей каюте гостиницы "Кемпердоуна". Фаддеев стеснительно предложил: "А что, Ваше Благородие, не изволишь посетить Уайт. Право слово, не пожалеешь! Да и банька..."

Иван Александрович в раздумье потёр лоб, как бы заново осмысливая и взвешивая описание прелестей острова. Но сам Лондон и его святыни сулили куда больше интеллектуальных ценностей. И писатель счёл пробормотать служебные слова благодарности: "Премного тронут, но должен препроводить нашего капитана по ведомствам с нашей дипломатической миссией". Хотя сказанное было полуправдой, зато при этом Иван Александрович не испытал угрызений совести. По сути, за этот короткий срок месячного общения, Фаддеев стал для Гончарова едва ли не родным. Даже за ту лишнюю кружку пресной питьевой воды, которую он втайне от хранителя офицерских припасов умудрялся раздобыть для "Ваш высокбродия". Нормы в 15 литров на брата явно не хватало. И даже "их благородиям" было рекомендовано начальником экспедиции предпочитать для гигиены забортную воду.

Глава 12. ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

Соблазн посетить культурные центры бриттов, увидеть их обычаи и многовековой уклад жизни взяли верх. Гончаров немедля предался сожалению, что не отдал должное приглашению своих корабельных друзей-офицеров. Тем предстояло весьма серьёзное времяпровождение на доковых работах. Так что, сразу после адмиралтейства, они во главе со старшим офицером лейтенантом Бутаковым проследовали в широченнейший док. Туда

был заведён русский фрегат для восстановительных работ. Прочие штатские, к коим относился и наш коллежский ассессор, отправились по своим дипломатическим и прочим делам. К профессиональным знатокам достопримечательностей их вряд ли можно было причислить, но дать писателю фору в познании наиболее значимых прелестей окружающих мест, тех же Лондона и Дувра, они могли бы. Здесь было бы уместным привести размышление на сей счет самого Гончарова: "Нужно, чтобы впечатления нежданно и незванно сами забирались в душу; а к кому они так не ходят, тот лучше не путешевуй".

Так довелось россиянину Гончарову лицезреть грандиознейшие по величию и помпезности похороны герцога Веллингтона, генерала-фельдмаршала России и выдающегося военачальника Англии. Это было многочасовое шествие англичан у блестящего катафалка; похоронная свита не уступала королевской. Сама погребальная церемония состоялась в церкви Святого Павла. Пресыщенный впечатлениями и увлекаемый толпой, бродил писатель по улицам Лондона.

"Оттого я довольно равнодушно пошёл вослед за другими в Британский музей, по сознанию только необходимости видеть это колоссальное собрание редкостей и предметов знания. Всё (это) есть в Петербурге, Вене и Мадриде. А между тем времени лишь было столько, чтобы взглянуть на Англию и на англичан. Оттого меня тянуло всё на улицу: хотелось побродить не между мумиями, а среди живых людей".

Так что пришлось заняться самообслуживанием и воскрешением в памяти прочтённых в ведренную погоду и при свечах фолиантов. С местным языком секретарь миссии был осведомлён если не бегло, то достаточно уверенно для свободной беседы. Почти кэб в кэб Иван Александрович следовал за своими корабельными визави. Их было легко отличить в среде надменных и молчаливых аборигенов, кои большей частью строго сле-

довали по своему маршруту. Наши соотечественники умудрялись отведать по пути марочного шампанского и мадеры. Их разговор производил не менее шума, нежели всё уличное движение. Ещё в кают-компании писатель смог предположить их маршрут по Портсмуту, далее по Портси, Саутси и Госпорту. Были предложения наведаться в Дувр и Лондон. Возница Гончарова ничего не мог противопоставить щедрости пассажира, а торба с запасом овса была рассчитана почти на неделю. Надо было лишь ухитриться где-то пересечь маршрут русских туристов с "Паллады" для совместного посещения русской бани. Замечательно, что после открытия Петром Великим "окна в Европу", в Старом Свете появились как русская водка, так и баня с парной. Но даже после победы над Наполеоном, русская ненормативная лексика, сиречь мат, возымели продвижение не более как в портах и в местах злачного скопления матросов с кораблей всех флагов. Туда Иван Александрович свою дорогу не торил.

Во всех прочих местах Англия хранила свою чопорность независимо от сословия. "Бродя среди живой толпы, отыскивая всюду жизнь, я, между прочим, наткнулся на великолепное прошедшее: на Вестминстерское аббатство, 59 и был счастливее в это утро. Такие народные памятники — те же страницы истории, но тесно связанные с текущею жизнью. Их, конечно, надо учить наизусть, да они сами так властительно ложатся в память", — с восторгом писал Гончаров.

Глава 13. ВАШ ЧЕК, СЭР!

Несмотря на весьма обильный утренний завтрак в корабельной гостинице, к обеду наш путешественник проголодался. Вышеперечисленные города более напоминали служебные постройки при доках. Но это не мешало существовать десяткам закусок-

ных, пабов и массе всевозможных магазинчиков. Церкви располагались таким образом, что их древность не вызывала сомнений наряду с чередующимися замками. Владельцы практически не отличались от слуг, как по одеянию, так и по отношению к посетителям. Вам в любой момент предлагали всё возможное. Порой казалось, что вся Англия готова угодить вам без малейшего намёка на назойливость. И, боже упаси, не взять сдачу, не получив чек! А на чаевые реагировали с небывалой вежливостью и изысканностью: даже обронённый носовой платок вручали с непременным поклоном. Вот уж чего не дождёшься от слуги-француза: получив чаевые, вы для него перестаёте существовать. Английский же слуга будет бежать за клиентом квартал, дабы вручить излишнюю монету: "Сэр, Ваш чек и пять пенсов сдачи!!"

Вряд ли какое образование так ценится как исконное! Английская система образования из века в век главенствует в мире. Бесспорно, эта слава завоёвана университетами Оксфорда, Кембриджа, Сент-Эндрюса. Дети всего Королевства подлежат обязательному обучению с 5 до 12 лет и далее до 16-ти, по желанию. Высшее образование приобретается в университетах, каждый из которых делится на колледжи, над всей системой университета стоит канцлер. Образование в Англии обходится не просто дорого, а очень дорого. Но у самих аборигенов главенствует негласный закон: "Мы не настолько богаты, чтобы оплачивать дешёвые вещи!" Надо отдать должное, города Королевства одинаково уютны, добротны, как и их столица. Разве что изысканных достопримечательностей, овеванных мировой славой, в Лондоне явно больше. Но люди всё те же: опрятны, элегантны. Даже обилие иностранных матросов в портовых городах и столице Королевства не в силах расстроить английский размеренный уклад жизни.

Глава 14. АНГЛИЙСКАЯ КОЖА

В один из погожих дней, когда Иван Александрович был пресыщен красотами островной природы, отъехали из Портсмута "по делам общественным". Вопреки утверждению писателя, отдельные леса и перелески нередко встречались, но это были чьи-то участки. Порой казалось, что замков было гораздо больше, нежели флоры во всех разновидностях. Население островного государства постоянно воевало, однако делая перерывы на постройку замков и рыцарские турниры.

В сей вояж коллежский асессор взял с собой вестового Фаддеева. Предысторией послужила некая "аглицкая кожа", сиречь шерсть местного производства, из которой шьют юбки шотландским солдатам и определённым кланам Шотландии. Нашему читателю подобное одеяние, которое получило название "килт", проще будет понять, ежели сравнить его с кавказской буркой и индийским сари одновременно. Это одежда шотландских воинов-горцев. Носили её как цельный кусок материи — "тартан", длиной в семь с гаком метров при ширине 70-ть сантиметров. Вес такой амуниции составлял около пяти килограммов. Сама по себе материя "тартан" — плотная шерстяная ткань. Именно последнее качество этой материи, но не ее покррой, привлекало матросов. И щеголяли моряки в эдаких "квадратных" панталонах у себя на родине, вызывая восхищение земляков. Промеж себя матросы шерсть "тартан" именовали "аглицкой кожей".

Заказ Фаддееву был сделан аж на шестеро штанов и по ихней норме. Здесь приведём эксклюзив из описания самого И.А. Гончарова. "В прогулках своих я пробовал было брать с собою Фаддеева, чтоб отнести покупки домой, но раскаялся. Он никому спуску не давал, не уступал дороги. Если толкнут его, он не преминет ответить кулаком или задирает ребятишек. Он внес на чужие берега свой костромской элемент и не разбавил его ни

капель чужого. На всякий обычай, непохожий на свой, на учреждение он смотрел как на ошибку, с большим недоброжелательством и даже с презрением. "Сволочь эти асеи" (так называют матросы англичан от употребляемого беспрестанно в английской речи — / say — я говорю, послушай). Как он глумился, увидев на часах шотландских солдат, одетых в яркий, блестящий костюм, то есть в юбку из клетчатой шотландской материи, но без панталон и потому с голыми коленками! "Королева рассердилась: штанов не дала", — говорил он с хохотом, указывая на голые ноги солдата".

Не блистал элегантностью мой напарник и в разговоре с английскими лавочниками. "Врешь, не то показываешь, — говорил он, швыряя штуку материи. — Скажи ему, ваше высокоблагородие, чтобы дал той самой, которой отрезал Терентьеву да Кузьмину". Купец подавал другой кусок. "Не то, сволочь, говорят тебе!" И все в этом роде.

Весь поход Фаддеева "в общество" разительно напоминал разговор глухого со слепым. Сюда же следует добавить неподдельное презрение русского мужика ко всей английской вычурности. Напарнику писателя вовсе не представлялась какой-то особенной искомая "аглицкая кожа". Он этот материал почитал не более значимым, нежели русская холстина, либо бумазая. Хотя для англичан, а тем более упомянутых шотландцев "тартан" был частью их обиходной культуры. Они её чтили не меньше наших полушубков. По расцветке "килта" можно было безошибочно определить, к какому родовому клану принадлежит носитель одеяния.

И еще об одном хотелось бы сказать отдельно. Если в России "кулибины" единичны в повседневной жизни, то в Великобритании без житейских "рацпредложений" буквально и шагу не делают. Представьте себе автомат для утреннего умывания, массу пружинки и защёлки, управляющих дверьми и замками, подбо-

ром газет и нужных дат календаря, чисткой обуви, поливом клумб и так далее... В этом немалая толика уклада жизни английского дворянина.

Глава 15. ПОДНЯТЬ ПАРУСА!

Даром, что док был на приличном расстоянии от причала с "Кемпердоуном", но звуки творимого там действия доносились вельми, пусть даже приглушённо. Визг отдираемых гвоздей, грохот медной обшивки и треск удаляемых досок не умолкали круглые сутки. Команды докмейстеров разносились далеко за окраины города. Знамо дело: за два десятилетия плаваний кораблю был нанесён немалый урон. Здесь же, в Портсмуте, начальником экспедиции Ефимом Васильевичем Путятиным было принято решение о дополнительном приобретении шхуны "Восток" с паровым двигателем. Сложность условий экспедиции требовала страховки, шхуна шла под командованием капитан-лейтенанта Посьета. Докование шло к концу. Аврал по загрузке провианта и установке рангоута, парусов шёл уже на плаву. Как всегда, подобные операции не обходились без приключений. Под общий хохот команды радетель кают-компания капитан П.А. Тихменев спасал тонущую курицу. Бедолага выпала из клетки курятника при перегрузке и истошно орала от испуга среди мелких барашек волн. В конце концов, геройского спасителя хохлатки и саму несущку подняли по шторм-трапу при восторженном ликовании команды "Паллады".

Новый год стал причиной остановки авральных работ, причём дважды: при наступлении праздника по-английски не желали трудиться аборигены. Понуждать было нелицеприятно. Зато все англичане дисциплинированно прибыли на корабль вер-

шить намеченное адмиралтейством приготовление корабля к плаванию. Но здесь вышла оказия у русских: по российским канонам Новый год требовалось отмечать отнюдь не за работой. Даже чарка полагалась в праздники двойная. Песельники и дудари трудились в поте лица. Англичан проводили по домам, принося извинения. Но одной из главных новостей, воодушевивших команду, было нашествие на фрегат крыс. Даже при загрузке угля в шлюпках нагло тарасили глаза серые "зайцы". А по древним матросским поверьям наличие крыс на корабле означало благополучное плавание. Таким образом, животные стали своеобразным гарантом безопасности корабля. И коли крысы покидают судно, то это служит верным признаком, что быть ему вскорости на дне морском. Слух об этом множится, едва спустят трап на пирс, либо стенку. Клеймо "крысы бегут с этого корабля" ни за какие деньги не привлекут моряков в плавание на этом судне.

Глава 16. ЭДИСТОНСКИЙ МАЯК

Тем временем в пролив стали накатываться шквал за шквалом, скопив в Ла-Манше более полутора сотен парусников. Из случившейся оказии следовало, что намеченный ещё в Кронштадте маршрут экспедиции через пролив Дрейка, с обходом мыса Горн, не вписывался в сроки прибытия в Японию. А посему был выбран более короткий путь — вокруг мыса Доброй Надежды.

В начале года шхуне предписывалось встретиться с фрегатом для согласования совместного следования по новому плану. Он был таков: Кейптаун, Зондский пролив, Филиппины, а после посещения Китая — напрямик в Японию. Но, как говорят бывалые моряки, человек предполагает, а бог располагает. Шли при полном фордевинде, а уж сколько узлов по лоту, то токмо штур-

ману известно. У руля стоял вахту английский лоцман. Его миссия должна была быть исчерпана к утру: узкость, сиречь пролив Ла-Манш предполагали одолеть 11 января. Океанские валы как бы выхватывали парусник, вонзая его форштевень в кипящие воды пролива. Килевая качка дополнялась изрядным бортовым креном. Свежеустановленные по бортам доски скрипели подобно деревенским сапогам на бересте. Даже в каютах спалось беспокойно. На жилой палубе, батарейной деке нещадно мотались парусиновые гамаки с матросами. Ещё затемно, аккуратно в "собачью вахту", засвистели боцманские дудки: становились на якорь и убрали паруса. На полном ходу, да при фордевинде, убрать паруса и стать на якорь, дело весьма рискованное. Иван Александрович, едва накинув пальто, выскочил на верхнюю палубу. Мимо опрометью бежал мичман Колокольников. Ветер гудел в снастях, с волн налетали шквалы брызг. В свете чего-то необыкновенно яркого морская феерия навевала адский ужас. Создавалось впечатление пожара в Преисподней. Палубу захлестывало и волны шипели, проносясь по шкафутам, заливая бак. "

— Что за оказия, почему штормим на якоре?

— Высадили на берег лоцмана! А свет от Эддистонского маяка! Кругом рифовые скалы!!! Ближе не подойти...

На крепком фордевинде полные паруса при порыве ветра могли дать опасный крен вплоть до оверкиля (опрокидывания) или зарыть в очередной встречный вал. Команды сыпались одна за другой.

С подветренной стороны за старым лоцманом подошёл с мыса Лизарда рыбацкий бот. С ним же передали последние весточки — письма в Россию.

Молоденький гардемарин не преминул задать вопрос: "Де-душка, а когда мы будем в океане?".

— Да мы и сейчас в нём!

— Так из канала уже вышли?

— Нет ещё. Это канал и есть, где вы. Положите метку, когда назад пойдёте, так я вам и скажу, где кончится канал и начнётся океан!

— Вот и разбери тут у вас: где начало, а где окончание?

Но тут подоспела аварийная команда для высадки лоцмана в баркас. При такой круговерти даже с подветренной стороны посудину могло разнести в щепки. Вывалили выстрел-балку со шторм-трапом. Деда опоясали спасательным жилетом и страховочным концом. В баркасе маячной службы старика буквально выхватили из-под борта фрегата. Все с облегчением вздохнули. А ведь на маяке практически с каждым кораблём приходится проделывать нечто подобное!

Но тут явился вестовой Фаддеев: "Подите, ваше высокоблагородие, отобедать! А то я давно зову тебя, да не слышишь, оглох, видно!". Тепло кают-компания обняло, что родная мать. Сразу же поступило предложение, отметить начало океана и конец стужи рюмочкой. Шторм наверху ярился сверх всех сил, но здесь он лишь ублажал душу. По заведённому порядку писатель пошёл было предаться послеобеденному сну. Но непрерывные боцманские свистки и стук сапог по трапам так и не дали толком посибаритствовать: шторм непрерывно требовал обихода парусов. Писать что-то в такую круговерть тоже было невозможно. Вот разве что поразмышлять о бренности бытия и ничтожности человеческих судеб пред всесильным океаном...

Прощай, Англия! На каких еще координатах доведётся встретиться с бриттами в океанах, и будут ли эти встречи мирными? На фрегате проводили учения и пробные стрельбы. Крепили пушки на обеих палубах. Всё дальше уходил в предраассветное море белокаменный маяк, один из немногих, построенных на подводных скалах (рифях). Под ним не было суши, и стихия трижды разрушала творение рук умельцев. Инженер Джеймс Дуглас возвёл конусную башню из гранита высотой в 25 метров и в 1759

году дал спасительный луч света кораблям всех стран. С 1882 года маяк работает беспрерывно и поныне. А ещё триста с лишним лет назад, на коварных рифах у Эддистонских скал, что в 14 милях от Плимута, гибло до полусотни судов в год. Но спасено куда более.

А Т Л А Н Т И Ч Е С К И Й О К Е А Н

Глава 17. АКВАТОРИЯ УЖАСОВ БИСКАЯ

После Эддистонского маяка одни предвкушали теплынь тропиков, другие готовили душевный кладёзь под адреналин странствий. Третьи, уподобляясь нашему деду, пребывали во флегматично-мажорном состоянии. Для деда любая ситуация непременно была "отличной", даже когда он перечил сам себе.

А между тем фрегат затягивало в один из мрачнейших на земном шаре заливов: Бискайский. На дне этой зловещей акватории покоились тысячи, а то и более судов и судёнышек со всего мира. Это спрут, поджидавший корабли, которые шли с попутным ветром, подобно "Палладе", с севера на юг. Ветры и течения своими мощными щупальцами затягивали бедолаг в свой "глаз бурь" и предавали странников вечному покою в своём чреве. Здесь же образовывались волны-гиганты высотой от 25 метров.

Раньше даже учёные гидродинамики опровергали возможность возникновения чего-либо на планете чаще, чем единожды в столетие. Ныне же реально доказано, что аномалии возникают едва ли не еженедельно! Причём Бискайский залив — одно из таких страшных мест. От волн-убийц нет спасения. Как нет и свидетелей ужасного разгула стихии: нет спасения от таких катаклизмов планеты! Легендам об этом месте, одна страшней другой, несть числа.

Но, вопреки или само-собой, жизнь на корабле не отступала от привычного сложившегося уклада. Тут же, наблюдая всё более свирепеющий залив на границе с океаном, Иван Александрович не мог сдержаться от смеха, увидев незаурядную картину на нижней палубе. Там матрос Петухов стоял в исподнем у кан-дейки-подсобки баталера-вещевика в окружении хохочущих сослуживцев. На квадратных плечах страждущего была лишь брезентовая рубаха-роба. А у баталера он испрошал кальсоны взамен изуродованных. Рабочую форму вкупе с исподней ополовинила акула во время стирки, по-морскому ("а ля экспресс"), за бортом. Майнай на штерте (опускай на конце) одежду за борт, в связке на 2-3 часа, и вся недолга! Предтечей была вкуснейшая поджарка, которую в обед, при крене шквалом, опростало на робу едока. Вот он и решил в адмиральский час устроить постирушку. Но видно вкусна была поджарка, коли акула мигом её опробовала вместе с половиной штанов и воротом рубахи. Петухов в азарте спора не замечал, как студёный норд-ост через гульфик сделал из его кальсон два превосходных лиселя (паруса) ниже спины.

"Да пусть ей вымбовка в зад выпрет, чтоб она подавилась моими штанами! Петрович, поганая твоя душа! Ну чего ты мне наморочил взамен робу второго срока! Моя-то новая, без носки была! И в эдаком барахле я выйду на построение! Да ещё юрок ниток по брезенту? Это же не парусина к кальсонам. Дабы к откусанным штанам... Во, ты себе и принайтуй! Жаба подкильная!".

Вокруг спорящих собралась почти вся команда. Ревело ненастное море, но мало кто внимал его козням: действо с Петуховым шло рангом выше циркового иллюзиона с клоунами. И тут сквозь смех раздался голос деда: "А вот те шиш, Горгона неумытая! Бискай одолели и живы! Пропиши там, Иван Александро-

вич, будь любезен. Сорок второй градус северной широты позади! Славненько! А вы чего рты раззявили?! Али на ванты провериться надобно? Марш по койкам! А ты, Петрович, дай малому порты, ладный матрос!"

В сторону каюты писателя, с припляской и смехом навзрыд, перемещался на раскоряку его вестовой Фаддеев. И это, не взирая на сумасшедшую качку и сущий ад над палубой с диким скрежетом досок обшивки и кажущимся треском на стыке стеньг (составной части мачты). Вот ведь натура у человека! "Вперед чужой беде не смейся голубок!" Так в своей басне отозвался на эдаких сам баснописец Крылов. Семёну же всё казалось смешным, коли кому не везло. Петухов не в счёт, здесь на самом деле был "смех сквозь слёзы". Но стоило самому Фаддееву попасть впросак, как он немедля грустнел, а то и злился. Так намерен, по его вине, товарищ по койке расшиб себе лоб, и Семён, смеясь, потирал ладоши: "Эко тебя, голуба! А шишка-то, чумичкой (черпаком) не прикрыть!". Но, после вызова к начальству и нагоняя, насмешник перестал изгаляться, процедив со злостью: "Ай, неча третьим коечку на крюк тулить!". Хотя по правде третьим был он сам и влез без разбора. И тут же рассмеялся: "А гля-ко, мой шишак и того боле будет!"

Устрашающе скрипели мачты: то поочередно, то все вместе. Старший офицер, как казалось, не покидал вахты. То и дело следовали команды вантовым — обтянуть, либо вовсе убрать парус. В кают-компании Бутаков сидел гоголем: "А ведь все 15-ть узлов по лагу, господа! Не иначе завтра пополудни на траверзе Касабланка ожидается. Пётр Алексеевич, голубчик, будь любезен, лабазы да лари изготовить. Про потаённые бочки не забудь, ибо они полными душу возрадуют на экваторе! Не зря бросаем якорь у Мадейры! Вот и сподобится, а, отец Аввакум!? И даст Бог, от Зелёного Мыса, да на Капштадт!"

Глава 18. ЧЕЛОВЕК ЗА БОРТОМ!!

На фрегате вместе с abordажными солдатами насчитывалось более четырёх сотен матросов. Вся беда в том, что к ним, еще со времён галерного флота, относились не более, как к рабочей силе. Нужников для них как таковых не предусматривалось. А то, что соорудили на парусниках, было полным издевательством. Как уже было отмечено, на самом обозреваемом месте форштевня, под изящной, высокохудожественной резной фигурой, на всеобщем обозрении, под княвдигедом мостили решётчатую площадку. На ней и располагались две сомнительных конструкции под нужник. Вот и вся гигиена на пятьсот с лишним человек. Накрывающая бак и княвдигед волна смывала испражнения, а иногда и ...посетителя нужника, в океан!!! Эдакое "изыщество" измышляли те, кто сам их не посещал и не испытывал смертельного ужаса во время шторма на злополучной решётке. Смеем полагать, что на эшафоте-решётке нашли свою кончину многие тысячи невинных подневольных душ морских.

Беда приключилась почти в конце прохождения Бискайского котла. Матросам приходилось почти не отходить от вант. Троиш унесли в лазарет после падения с рей. Сбой в исполнении команд отразился сразу. Возникла сутолока у княвдигеда: соскочившие с вант по нужде готовы были справить её прямо на решётку. Так оно и случилось: один матрос оказался в "мёртвой зоне" перехода и его буквально выхватила ниспадающая с бака волна. Где-то в зелени круговорота угадывалось тело бедняги. Его стремительно уносило вдоль наветренного борта, перекатывая по доскам. Кто-то из подоспевших толкнул за борт кранец: "Человек за бортом!" Это был последний и единственный шанс спастись. Подбежавшие впопыхах к борту матросы могли создать ситуацию оверкиля. Тонущий судорожно воспользовался кранцем. Боцман лишь-ком погнал спасителей к парусам: "Вашу в душу стакселя мать, мочи акулы полный бачок на похмелку! Пошёл на ванты! Пото-

нем!". Фрегат почувствовал слабинку и чуть не начал черпать волну реем грот-мачты! Крен был почти предельным. Матросу кинули фал, и тот успел сунуть руку в оконечную петлю... Соскальзывая вниз, бедолага одолел фальшборт. Подбежал вахтенный: "Как это тебя, любезный?! Нешто первый год в кампании?".

— Да нет, Вашбродь, уже третья. Да ить говаривают артельщики, быт-то не будет нам пути, коли три оказии поперёк молитвы сверзилось...

— Ты вот что, милейший, ведаешь ли, чем пахнет паника на корабле по уставу? А коли так, то и артельщикам накажи. На то она и есть — моряцкая доля. За Отечество радеем, браток. А за шторм и "оказии" отец командир вам порадеет, не оскудеет.

Тем временем, на следующее утро, по левому борту стали виднеться оконечные берега Португалии. "Боже мой, а ведь ночью проскочили Испанию, проспал, проспал ведь! Вот где следовало бы побывать воочию, а не переживать написанное кем-то!". Размышляя, Иван Александрович не преминул переодеться в шорты и холщовую безрукавку. Ноги в сандалиях приятно щекотал ласковый ветерок. Матросы теперь были по-детски рады взбираться по вантам и наполнять парус за парусом. Ветер просто радовал экипаж "Паллады": его направление было практически фордевинд, а проще, попутно к избранному курсу и лощиям, вдоль побережья матушки Европы.

Кстати, острова в Атлантическом океане, Мадейра и Азорские, тоже португальские. А Мадейру тем более намечалось посетить.

Глава 19. ПОРТУГАЛИЯ И ГЕРКУЛЕС

Упова на негласную просьбу адмирала Путятина к своему секретарю об уроках словесности с гардемаринами, Иван Алексан-

дрович время от времени наведывался в кубрик. Там его уже с вожделением ждали моряки. Учёный секретарь увлеченно делился с ними интересными фактами, легендами и мифами об окружающем мире. Большинство предпочитали тешить душу, слушая "секретаря", нежели витать во сне в "адмиральский час" обеда.

Если сравнивать, то Португалия и Гибралтар обладают красками одна богаче другой. Едва верится, что ещё в 1550 году Португалия контролировала акваторию Атлантики и Индийского океанов. Она же брала баснословную дань с побережий Бразилии, Индии, Африки и практически со всех островов, встречающихся в океанах. Португальцы бороздили моря как завоеватели, корсары, торговцы и изредка как миссионеры. Так что португальские военные корабли по вооружению и составу команд практически не отличались в исполнении от торговых. А уж пираты и подавно не утруждали себя менять флаг "Весёлый Роджер" на любой другой. Интересно, что указать однозначно национальность корсаров было невозможно: мавры, греки, португальцы и испанцы чередовались с кавказцами и славянами. В годы, когда страна не была раздираема религиозными междоусобицами, ее население представляло себя как бы в образе "подарка судьбы". Собственно так и случилось в начале, когда будущая Португалия со всеми потрохами была подарена графу Генриху Бургундскому в качестве приданого за дочку короля Испании Альфонса VI Энрике.

Однако, с расширением владений, Фортуна стала изменять Португалии. Всё чаще удачливые завоеватели от любителей корриды и сиесты получали отпор на былых вотчинах. А рассредоточивать своих конкистадоров по всему земному шару на постоянное столование и жительство стало себе дороже. Содержание таких армад уже приносило не золотые горы, а убытки и долги. Времена адмирала-корсара Дрейка канули в лету.

Всё светлое время суток "Палладу" окружала феерия всего животного мира здешних широт и всей Атлантики. Прежде всего, остались в северных водах касатки и некоторые виды китов. Зато чистейший изумруд океанских вод стали рассекать без устали стаи дельфинов. Эти животные будто специально когда-то были призваны Нептуном для скрашивания аскетического быта моряков. Их синхронные забавы менялись в репертуаре еже часно, перемежѣваясь тональными свистами и мажорными криками наподобие "Э-эй!". Они то плыли вровень с кораблѣм и даже опережая его, то делали головокружительные антраша перед самым форштевнем, пугая посетителей гальюна. На пути их следования всеором вспархивали с гребней волн летучие рыбки. Их цвета были сродни ёлочным украшениям: солнце искрилось в их лазурных, нежно-розовых, а то и пурпурных крылышках. Ветерок расправлял их и нѣс ввысь и далее, вонзая в прозрачные воды океана.

Хозяевами в воздухе океана из века в век слывут альбатросы. Это идеальные птицы-планеры с размахом крыльев до 4,5 метров. Гнездуются в семилетнем возрасте и затем бороздят воздушные просторы океанов, от трёх до десяти лет, без какого бы то ни было пристанища. Питаются, чем бог послал, теми же крылатыми рыбками, медузами и прочей живностью у поверхности океана.

В почти безоблачном небе над "Палладой" величественно парили альбатросы. Эти царственные птицы будто презрели мир земной и предпочитали полѣт пребыванию на суше. Лишь продолжение рода обязывало птиц на короткое время гнездиться на недоступных островах.

Есть еще морские птахи — фрегаты. Эти не столь своевольны в среде обитания и предпочитают свой ночлег проводить на берегу. Необходимо сказать и о птицах-амфибиях, птицах-соколах. Они могут пикировать со скоростью около полутора сотен

километров в час. Эти, если уж наметят себе добычу, то непременно ею перекусят. Собираются в стаи до сотни и более, где вершат бои и любовные интрижки. Случается, что не брезгают скушать соперника послабее. Но, тем не менее, умудряются подерживать в стае светские отношения.

Ночь грядущая обещала близость с Геркулесовыми Столбами. Согласно описаниям в лоциях, наши мореходы должны были миновать пролив Гибралтар. Вот уж где легенды прочно переплелись с не менее бурной действительностью! В приснопамятные времена Эллады и главенства владык с Олимпа в этих местах побывал Геркулес. Силы у грека было немеряно, и Средиземное море было ему, как говорится, по колено. Согласно легенде, угораздило его побродить по Средиземноморью, скорее всего в жажде порыбачить или сделать какое-либо открытие для исторических вирш Платона. А тут зрит — на пути некая возвышенность до полукилометра и более высотой. Сейчас эти отроги именуются Пиренеями. И принялся её Геркулес разгрести. Был он, судя по всему, левша, ибо слева он наворотил гору камней метров с тысячу высотой, а справа лишь метров на пятьсот. А может, рыл неравномерно без лопаты, тем более что подходящей стали, по тем временам, даже у Прометея не было. И прозвали люди ту пару гор, по обе стороны пролива, "Геркулесовы столбы". А сам Геркулес потёр натруженные руки и едва устоял на ногах: хлынул мощный поток из океана. Западное течение даже сегодня не даёт многим судам выйти в океан до окончания приливного потока. Да к тому же дует встречный ветер.

"Во, натворил-то, на свою голову!" И действительно, через пару лет даже Геркулес, не умея он плавать, запросто здесь мог утонуть. Но, кроме столбов, и море получилось не хуже других. Даже образовалось контр-течение — восточное, уже у дна пролива. Глубина межматерикового рва стала под 400 метров при ширине в пару сотен километров.

Вот только войн в проливе люди чинили несуразно много. Видно, ошалели от навалившегося счастья общения с миром через Атлантический океан. Особенно не стихали стычки за право обладать самим Гибралтаром. Прошли столетия, забылись сказания Платона, но столбы Геркулеса не дают покоя многим странам, изрыли их люди под всякого рода убежища, укрепления и ангары.

По ночам, подобно новогодней ёлке, светится на многие десятки миль в океане крепость, принадлежащая уже Великобритании. Видели её и наши мореплаватели на фрегате. Сильное течение из Атлантики кренило корабль на левый борт. Это означало прилив в океане. Но ветер безукоризненно наполнял паруса, дуя фордевинд. Матросы, получив у стихии отпуск, отдыхали, штопали обмундирование, рассовывали сапоги по рундукам, снабдив их нутро снадобьем супротив крыс.

Глава 20. КАНАРЫ, АТЛАНТЫ И КОРСАРЫ

Мировые легенды указывают на существование некогда процветающей страны людей-гигантов — Атлантиды. Точность местоположения — плюс-минус океан. Каждый из учёных отстаивает свою гипотезу, приводя неоспоримые, на его взгляд, доказательства. Факты извлекают, передёргивают, подтасовывают. Но Атлантиду так до сих пор и не отыскивали. Если вернуться к легендарным делам Геркулеса, то не составит труда предположить следующее. За прорытыми им Кордильерами пред взором титана простирался бескрайний океан. На Олимпе издревле ходили слухи об Атлантах, обретающихся неподалёку. Очевидно, Геркулес смекнул, что эти парни на островах, слева от прохода, и есть те самые жители Атлантиды. А острова именовались Ка-

нарским архипелагом. Дальше все происходило в мире и согласии. С архипелага Мадейра поставляли вино; женщины на чартерных галерах, образно говоря, слетались сюда, как мухи на мёд. Едва успели Атланты укрепить свою цивилизацию, как рванул вулкан Тейде. От поселенцев остались лишь на скальные некрологи.

Документы трактуют происшедшее пространнее, но, естественно, ближе к действительности. Всего Канарских островов было семь, и в довесок к архипелагу еще немало безлюдных островков. В 1344 году римский папа Климент VI даровал их Португалии. Это по скрижалям, а фактически папа слупил с соседей немало золота, плюс заключил кабальные условия аренды. Судя по всему, Атланты тогда худо-бедно поддерживали район Канарских островов и побережья нынешнего Марокко в состоянии лояльности и умиротворения с соседями по Геркулесовым столбам. Мирным путём собирали мзду с купцов и купчишек, желавших прошмыгнуть на средиземноморский, далеко не безбедный, рынок. Но в довершении ко всему, на обитателей-мироотворцев напали бандитствующие арабы из Аравийского региона. Распахивать прибрежную "сахару" под виноград они сочли для себя недостойным занятием и буквально оседлали злачный пролив Гибралтар. Проходящие мимо корабли они грабили подчистую, а самих торговцев и корабелов обращали в рабство. Дела у них пошли на редкость удачно. В 1627 году в граде Сале (нынешний Рабат) они обосновали столицу своего государства. Аборигенов изгнали в горы либо вырезали. Во времена расцвета пираты имели до полусотни боевых кораблей, хотя ближайшая гавань едва вмещала и половину. Испанцы, португальцы, а то и англичане, с земляками по Ла-Маншу, буквально стонали от ига обладателей "Весёлого Роджера". Кто только не пытался разогнать это осиное гнездо: всё было тщетно. В 1668 году пришёл

в Марокко султан Мулай Исмаил, и пиратов якобы не стало. Хотя, по отдельным сведениям, любители поживиться чужим добром у берегов пролива встречались и потом, вплоть до сегодняшнего дня.

Тут подал голос вездесущий Фаддеев: "А, Вашбродь, мой земляк, который на аглицком Уайте маяк обихаживает, баял, быт-то и ноне у Гибралтара ошиваются энти нечисти. Токмо Роджерс вздёргивают, коли на абордаж решились, а так боле под купцов рядятся. Да и наш бриг семафорил на опаску... Не к добру энто".

Глава 21. "ВЕСЁЛЫЙ РОДЖЕР"

В кают-компании стояла необычайная тишина. Был слышен лишь скрип мачт и шум воды вдоль борта. Вошёл адмирал Путятин. Командир Унковский почти шёпотом произнёс: "Господа офицеры!..". Но Ефим Васильевич жестом усадил присутствующих на места. С верхней палубы донеслось: "Бизань-гика-шкот стянуть!" "Видно, течение покатило фрегат вправо", — мысленно отметил для себя Иван Александрович. "Неужто война началась!". Намедни прошёл, буквально в полутора кабельтовых, русский бриг и передал флажной семафор. Командир и адмиралы тотчас последовали в каюту Путятина. Гончарова, вопреки ожиданию, не пригласили.

Слово взял капитан-лейтенант Унковский: "Господа, вынужден сообщить вам, что вполне вероятно придётся принять бой с пиратами. Увы, но российский бриг едва разошёлся с двумя якобы португальскими клиперами (парусно-паровыми военными кораблями). По всем признакам это могут быть корсары. Слава Господу нашему, пока горизонт чист. Приказываю немедленно изготовить орудия к бою. Абордажное оружие выдать, готовность

проверить. Сигнал горном до приказа не подавать! Марсовому занять место на площадке! Оповещать вахтенного дважды в склянку по рынде. Ядра, картузы с порохом изготовить. Канонирам быть в готовности непрерывно. Обед выдать артельщикам и бачковым к орудиям. Пушечные люка отдраить только на квартердеке, остальные по приказу. Вам, Ваше Высокопреподобие надлежит напомнить всем на деках "Отче наш". Вахтенному офицеру внести запись "курс держать фордевинд". Взять мористее миль на десять, дабы с береговых возвышенностей не узрели нас. Не приспела зело нам ноне баталия! Государево дело идём вершить. Аврал чинить голосом".

— Аврал, господа! Корабль к бою! С Богом! — завершил адмирал Путятин.

Матрос с марсовой площадки, как приказано, сообщил о чистоте горизонта. Темнело стремительно. Высветились звёзды, где с трудом угадывалась Полярная звезда. Океан буквально полыхал свечением микроорганизмов. Повсеместно салютоподобно вспархивали уже светящиеся летучие рыбки, уходя от погони дельфинов, а, может, и акул. Шли при погашенных топовых и бортовых огнях на мачтах. На горизонте исчез изредка вспыхивающий над волной огонь маяка Касабланки. Дед повеселел и что-то мурлыкал под нос: к полудню завтрашнего дня рассчитывали встать на якорь у Мадейры. Ночной тропический воздух окутал "Палладу". Все, кроме вахты и дозорных, сладко почивали, предпочитая открытую палубу надоевшим пушечным декам. Лишь слышно было в темноте, как колдовали над звёздами штурманы: "Товсь! Ноль...". Вот и курс уточнили и от корсаров ушли благополучно. А может, и не было никаких корсаров?!

Гончаров подсел к бодрствующему гардемарину: уж больно велик был соблазн узнать более прочитанного о созвездиях. Парня звали Иннокентий и родом он был из саратовских поместных дворян.

— Ртищевы мы, Иван Александрович, Балашовского уезда. Предки-то из татар будут, а крещение приняли где-то в 1750 году. Повелел ко всему батюшка царь Пётр жаловать угоды прадеду моему майору Василию Михайловичу поместье село Покровское за баталию в Северной войне. Так Вам угодно светила небесные распознавать? Али так, интереса ради?

— Видите ли, Иннокентий, мой отчим, в бытность на флоте, имел чин капитан-лейтенанта. Вот я и приобщился. А тут вот они, как живые, перемигиваются. Уж не сочтите за труд! Не все и не сразу, а так, когда ночи дивные, вроде нонешней.

— Так извольте, уважаемый Иван Александрович! Почту за честь. Только уж Вы по Млечному пути воскресите бывшие знания сами. Уверяю Вас, отвечать на вопросы мне куда сподручнее. Приятных сновидений, Ваше высокоблагородие!

На корме слышался невнятный говор: опять спорили о секретах мироздания батюшка Аввакум и неуёмный адмирал Путятин. Секретарь миссии, коллежский асессор Гончаров, вернувшись в каюту, сделал последние записи о деталях прошедшего, далеко не спокойного, хотя и благополучного дня. За благие деяния адмирал жаловал своему визави каюту на верхней палубе. Площадью келья была невелика, но имела свой иллюминатор, а это для писателя — окно в мир.

Глава 22. МАДЕЙРА И ФУНШАЛ

В предрассветное утро 18 января секретаря миссии безжалостно разбудил аврал с присущей ему какофонией. Новая каюта писателя теперь располагалась едва ли не у основания мачтовых вант, и топот, окрики, флотский сленг во всей своей "красе" зело взбодрили его. Убирали паруса, становились на якорь. "Палла-

де" из-за скалистого рельефа острова Мадейра надлежало стать на дальнем рейде с южной стороны. Наступал сказочный тропический рассвет, даже на рейде фрегат окутывали божественные ароматы вечноцветущего острова. Комендоры салютовали, согласно традиции, из трёх пушек кряду, оповещая островитян о своём приходе и уважении к ним.

Прибыл на шлюпке капитан над портом и поздравил с благополучным прибытием. Ему сообщили, что нужно пополнить мясной запас в виде живых быков и свежей зелени для пропитания команды, а также запас сена для животных.

Ивану Александровичу вспомнилось известное латинское изречение: "Путешествую, следовательно наслаждаюсь!" (*Cogito ergo sum*). Ему и членам миссии, для сидения и возлежания во время моциона, подали роскошные носилки с балдахинами (паланкин). Совершенно непривычные, к услугам такого рода, сановники наотрез было отказались, но других средств передвижения аборигены не имели.

Остров представлял собой исключительно гористый ландшафт со снежной вершиной выше двух километров. Носилки сопровождал переводчик с португальского: на каждой остановке, а то и по пути, он подробнейшим образом разяснял все достопримечательности. Всё цвело и благоухало опьяняюще. Ко всему (а это непременно!), при каждом торможении носилок, высокопоставленному пассажиру подносили изрядное количество вина мадеры, как видно, для пробы. Дрянь, конечно, из разряда невызревшего сока винограда.

Гончаров отказался от угощения, и его тут же подхватили бежавшие следом мальчишки. Все подношения немедленно относили на счёт секретаря. Писатель изнывал от жары, так что "вино" не шло впрок. Носильщики, ссылаясь на усталость, остановились у очередного виноградника, и церемония с подношением вина повторилась. Тут же Иван Александрович попросил хозяев дать ему на пробу доселе незнакомые плоды. Это были бананы.

Ему сняли всю связку прямо с дерева. Как секретарь ни отказывался, но бананы за один шиллинг ему взвалили в носилки все. В завершении променажа, по просьбе русского консула, сопровождавшего мореплавателей, для команды "Паллады" открыли лучший английский магазин, и это невзирая на выходной! В итоге руководство миссии было приглашено в гости к консулу. В его доме всё сверкало великолепием. Молодая красавица, супруга хозяина, делала жилище ещё более привлекательным. Консул предложил выпить за благополучие супруги и распорядился подать настоящей, ароматной мадеры. Но кто-то из присутствующей местной знати произнёс: "Синьор, а за эту даму выпьете?". Он показал на другую, не менее стройную, португалку с толстой косой, ниспадающей на грудь. Горячая южанка заодно засмеялась. Но это была... старуха. И коллежский асессор выпил за неё.

Вскоре погрузили быков и зелень. Щедро одарили бананами. Бутаков среди зелени узрел до боли знакомый продукт и изумился: "Господа, да ведь это наш, российский лук!".

На проводах супруга консула вручила миссии букеты цветов с острова Мадейра. Наш фрегат отнесло от побережья вёрст на пять. Португальские гребцы доставили русских туристов будто на паровом катере. Их мускулистые тела подчёркивали белые подворотнички на национальных курточках. Они долго махали вслед, пока корабль не обрёл целиком свой белоснежный наряд — паруса.

Взойдя на палубу фрегата, Иван Александрович с вожделем посмотрел на райский остров и его белоснежную вершину. Свободные от вахты офицеры стояли вдоль борта как бы за компанию с писателем. Матросы напряглись в ожидании команды "С реев долой!". Но дед нарочито махнул вахтенному офицеру, чтобы тот воздержался. Знал старый моряк, сколь сладостны для стоящих там, наверху, овеваемых лёгким дневным бризом с океана парням, эти лишние минуты. Прощай, гостеприимная, хотя и прижимистая Мадейра!

Дмитрий Старцев. Остров Мадейра. Плещется океан.

Дмитрий Старцев. Остров Мадейра. Побережье.

Елена Данилова. ЮАР. Место встречи двух океанов.

Елена Данилова. ЮАР. Пингвины.

Дарья Коротина. Индонезия. Буддийский храм.

Дарья Коротина. Индонезия. Побережье.

Андрей Поторочин. Вид на Южно-Китайское море.

Глава 23. РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД ЛОЦИЯМИ

Наверное, каждый, попавший волею судеб на корабль дальнего плавания, начинает мыслить едва ли не астрально. На мате-рике человека не озадачивают его координаты на земном шаре. Например, какими бывают ветры и течения в близлежащем оке-ане или что деется в недрах под ним на глубине эдак в 3-5 кило-метрах? И, может быть, только на ночной рыбалке у костра ин-дивид вздыхает очи к звёздным мирам.

Именно в такую ситуацию попал Иван Александрович: ему всё было в диковину, будто в позднем детстве или ранней юнос-ти. И от этого его одолевала досада.

"Вот морская карта (с описанием), именуемая лоцией: она вся испещрена чертами, стрелками, точками и надписями, на-подобие: "В этой широте, в таких-то градусах, ты встретишь та-кие ветры". И притом указаны месяц и число. "Там около этого времени попадёшь в ураган" Далее идёт указание, как выйти из него. "Если идти курсом вдоль этой параллели, то попадёшь в муссон, который будет попутным до Китая, либо Японии. А на таком-то градусе встретятся акулы и летучие рыбы. На 38° се-верной широты и 75° восточной долготы располагаются (пере-лётные) птицы..."

Конечно же, писателю такое предначертание казалось сомни-тельным. Но, не особо распространяясь о первопричине (усом-нился в лоциях!), он попросил деда осведомить его о прохожде-нии указанных мест. Писатель пришёл в неописуемый восторг: в подзорную трубу прямо по курсу он разглядел множество птиц! То же было с привязкой температур к временам года для указан-ного региона. Войдя в раж, Гончаров спросил у старшего офице-ра: "Дед, а теперь-то мы где?"

— Я уж три раза сегодня Вам говорил, более не буду. Да бу-дет на сегодня. Пойдёмте. Вон там, на горизонте, что видно?

— Кажется, облако, а может и туча...

— Эх Вы, какая же это туча! Пальма это, остров.

— А на каком градусе лежит остров Пальма?

— Да ведь мы с Вами вчера о нём толковали!

— Забыл напрочь, будь он неладен!

— Как же, я-то не забываю! Вот на завтра велю свинью зарезать. Ведь как едим? Из ста тридцати кур осталось пара дюжин! Ведь так умрём с голоду!

"Отставить на вахте разговоры! Поправить лисель-фал! Опять лисель-спирт хотите сломать!" — закричал вдруг неожиданно появившийся командир и снова удалился к шкафуту.

Денька два-три прошли без перемен. Тот же ветер нёс судно, надувая паруса и навевая на всех прохладу : он здесь от века дует одинаково, поднимая умеренную зыбь. Но мечты столоначальника опережали корабль: Индия, Манилы, Сандвичевы острова...

Шелест и шипение воды вдоль борта, и лишь изредка вспархивание над волнами рыбок. Затем всё мигом исчезнет, а сон и спокойствие объемлют море и небо. Вот и все лоции!

Глава 24. ОСТРОВ САНТЯГУ. ПОРТ СПРАЯ. ОСТРОВА ЗЕЛЁНОГО МЫСА, ОНИ ЖЕ КАБО-ВЕРДЕ

"С реев долой!" Голос вахтенного завяз в тропической духоте. Матросы безо всякой лихости покинули реи и ванты. Когда ещё доведётся побывать на этом богоугодном островке? Так что даже его исчезающие очертания тешили душу. Высоко в небе парили альбатросы, выжидая поживы с камбуза. Кок готовил свежатину из островных бычков. Отходы шли в океан и почти без задержки исчезали в желудках акул. Гиганты пятого океана довольствовались остатками трапезы на значительном удалении от

кормы фрегата. В противном случае более влиятельные хозяева водных пучин могли их без труда слопать. Здесь надо учесть, что дельфины были куда проворнее акул. С появлением у бортов наших братьев по разуму, акулы обычно ретировались к более безопасным рыбалкам.

Альбатросы, пользуясь исчезновением соперников, по два-три сразу, пристраивались в кильватер источника поживы, насыщаясь дармовой пищей. Они вальяжно садились на воду, тщательно направляли свои планерные крылья и лишь затем приступали к поглощению съедобного субпродукта.

По некоему неписанному в природе сговору дельфины птиц не трогали, но сами пренебрегали питаться отбросами Дурманящие запахи жаркого по мере готовности заполняли фрегат. Даже почти осязаемо чувствовался момент добавки в нежное мясо специй и зелени.

Поднялось тропическое солнышко, принявшись припекать на теле всё, что оголено, и приводя к ожогам. Врачи, после совета со старшим офицером, порешили вывесить над верхней палубой тент. Дабы загладить стресс от "островной неги", было решено выделить нижним чинам в виде обезболивающего по кружке мадеры.

В дальних странствиях мера судьбы как бы накладывается на всю корабельную братию. Все прекрасно осознают свою бренность перед стихией. Здесь даже погребение усопших, погибших, будь то матрос или адмирал, проводили по единому морскому обычаю в той же пучине океана, облачив тела в брезент. Подобное, со времени ухода из Кронштадта, секретарь миссии наблюдал не единожды. Любой мореплаватель знал, ежели акулы беспричинно следуют у борта совместно с кораблём, то быть на судне покойнику.

Поэтому все принимали за должное, когда артиллерийский капитан Лосев выводил вдоль борта своих подопечных — абор-

дажников, мастеров по ближнему бою с ружьями. Шла охота на акул. Альбатросы на ружейную канонаду как бы не обращали внимания. Хотя свою поживу пернатые имели: от выстрелов всплывали кальмары и те же туши акул. Те и другие тут же оказывались растерзанными в клювах белоснежных гигантов. Это единственные морские пернатые странники, живущие непрерывно месяцами в полёте над океаном. Лишь в брачный период они посещают весьма редкие острова, где откладывают и высиживают единственное яйцо. Они даже пьют морскую воду.

Моряки всегда уважали птиц, почитая их за души умерших мореплавателей в океане. Многие, путешествующие по океанам, часто наблюдали на палубах и мачтах пернатых попутчиков. Это могли быть совершенно экзотические птицы, порой абсолютно незнакомые. Вы их никогда не увидите у себя на родине во дворе. Там они чураются "Гомо Сапиенса" из-за его непредсказуемости. Но здесь, среди шири океана, птиц привечали из века в век. На "Палладе" зачастую матросы кормили уставших гостей, порой буквально усыпавших палубы, такелаж и ванты, прямо с рук.

Шли вторые сутки "щадающей" погоды. Матросам, кроме обтяжки такелажа и конопачения нижних деков и трюма, было послабление от авралов с парусами.

Гончаров вышел к нижним чинам. По предписанию адмирала Путятина, "для развития интеллекта и отвлечения от крамольных мыслей и вольнодумства", коллежский асессор давал им лекции по древней истории и мифологии. Свободные от работ и вахты в "адмиральский час" располагались под тентом на лафетах пушек, а то и просто на палубе.

Выдержав паузу, Иван Александрович начал повествование: "Где-то в глубинах Атлантического океана, может прямо под нами, а то и подле Канар, существовал обширный континент. Заселяли его люди наподобие нас, но ко всему куда более горазды, как ростом, так и умом. Атлантида была столь велика, что позволяла общаться Африке с Южной Америкой, а Европе — с

Африкой. Нынешний язык греков имеет прародителей среди народностей майя, а индейцы мандан и зуни не имеют красный оттенок кожи, зато обладают голубыми глазами и отличной шевелюрой. Те и другие имеют одинаковые вероисповедования, ритуалы. А если сюда добавить одни и те же архитектурные приёмы, то даже лишённый фантазии индивид, вроде моего Семёна, будет уверен в истинном родстве этих народностей. А отмеченные учёными признаки невольно доказывают многовековое общение названных мной народов. Бесспорно их связывала общая земля — государство Атлантида. Но и это не самое удивительное. Те же легенды разных континентов глаголят о первопоселенцах на их исконных землях, то есть о своих предках. В Мексике предания гласят о своей Атлантиде, у бриттов, жителей Уэльса, их страна-прародительница поглощена пучиной Атлантического океана. Это и были, по мифологии, наши предки. Частью их упоминает греческий философ Платон в книге "Атлантикус" о высокоразвитой культуре мощной военной державы, расположенной на удалённом острове в Атлантике. Полны сведений о начале бытия человеческого такие высокочтимые книги, как Библия, Ветхий завет, так в главе шестой говорится: "Когда люди начали умножаться на земле и родились у них дочери. Тогда сыны Божии увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали их к себе в жёны, какую кто избрал. (Стих 1-2)... В то время были на земле исполины. Особенно же с того времени, как сыны Божии стали входить к дочерям человеческим, и они стали рожать им. Это (были) сильные, издревле славные люди". (Стих 4). И теперь главное: кто сии сыны Божии, от коих рождены были исполины? По размышлению таковыми следует считать Атлантов. Таковой предполагается цивилизация, предшествующая нашей, Арийской. Великий катаклизм уничтожил Атлантиду, либо раздробил на мелкие части, чем предрешил будущность Атлантов. Но Бог милостив к человеку, и мир возобладает на

земле, а Атлантида воспрянет "аки феникс из пепла". На "Царском часе", коли погода снизойдёт к нашим молитвам, то отец Аввакум расскажет вам более моего. Горазд он в этих притчах".

Вечером, за ужином в кают-компании, Ивана Александровича увлеченно спрашивали на тему рас и Атлантиды. Более всех вступал в подробный диалог архимандрит Аввакум: он по этому поводу водрузил на сукно библиотечную Библию. Его смущали браки "сынов Божиих" с земными девами. В пику собеседнику он приводил грехопадение Адама, биография коего не очень, скажем так, переплеталась с проблемой заселения Атлантиды.

Гончаров в этой ситуации не был в проигрыше. И если бы не вмешательство коллежского асессора Гошкевича, фиаско архимандрита мнилось неизбежным. "Господа, не считите за бестактность, но тема предназначалась нижним чинам, и нам развивать её негоже! А за лекции Ивану Александровичу следует возгласить "Браво!", да и стол ныне отменный!"

С каждым днём экипаж "Паллады" всё более одолевала духота. Старший офицер И. Бутаков при содействии врачей Г. Вейриха и А. Арёфьева настояли перед капитаном корабля Иваном Семёновичем Унковским и командиром перехода адмиралом Путятиным о медосмотре личного состава. Всё более моряков обращались с тропическими язвами, ожогами, лихорадкой... Лазарет с трудом вмещал всех больных. Не доставало медикаментов и перевязочного материала. В случае неблагоприятствования с погодой мог наступить дефицит нижних чинов, управляющих парусами и такелажем. Расшатывались обшивочные доски, стрингеры, шпангоуты... Из всей артели плотников остался один престарелый матрос Захар Прохоров, родом из Каменки Орловской губернии. И его-то не хотели брать в плавание, да замолвил за него слово старший офицер Бутаков: уж больно пришёлся ему по сердцу жилистый мастеровой, прошедший с ним не одну океанскую кампанию.

Живучесть корабля всё более находилась под угрозой. И уже просмолённый Захар с трудом переползал от шпангоута к шпангоуту, расклинивая и законопачивая сочащиеся забортной водой щели между досок. Матросы-скотники едва управлялись с нечистотами, которые нещадно скапливались, не давая дышать на жилых матросских и нижних деках, а тем более в трюмах. Возопили офицерские чины. Нервозность передавалась боцманам, кондукторам и матросам. А крайнему, как известно, больнее всех достаётся. Пресловутый линёк, скрашенный попутным смачным жаргоном, время от времени гулял по спинам зазевавшихся, либо неловких по случаю болезни, матросов.

Палуба "Паллады" даже на двух деках не насчитывала и двух "лежачих" метров на брата. В основном, спали вповалку на верхней палубе, либо на второй деке, где даже у открытых пушечных портиков чувствовались свиные испражнения. А уж ниже дышать было просто невозможно. И если кто, сменившись с вахты, пробирался в потёмках в поисках местечка, чтобы прикорнуть, то неизбежно наступал на чью-либо обожжённую конечность. Реакция наступала хуже некуда: от крика просыпались почти все; одного материли, другого попросту пинали. На 450 квадратных метрах размещалось до четырёх сотен человек; тут не разнежишься!

Срочно на общем совете было принято решение ошвартоваться в порт Прая, что на острове Сантьягу. По логии сей забытый богом клочок суши иначе причислялся к Островам Зелёного мыса. Своё название каменистые образования получили в связи с близостью к африканскому мысу Зелёный. Вот только с зеленью в этих местах была немалая проблема и ещё большая — с водой. Лишь кое-где уродливыми холмами серого цвета высились баобабы с опавшими листьями и жухлой корой: на этих широтах свирепствовала зимняя жара. Да, именно зимняя, следуя здешнему времени года. Всё сковал непостижимый зной.

Даже прибрежные скалы трескались от сковородочного нагрева. Единственное, что безотказно работало и давало пропитание аборигенам — солевые озёра. Приливная волна наполняла их морской водой. А зной довершал технологию добычи морской соли. Скудные плантации плодили цитрусовые и нечто съедобное по здешним меркам.

Т Р О П И Ч Е С К И Е БОЛЕЗНИ

Глава 25. ОСТРОВА КАБО-ВЕРДИ

"Царские часы" судового священника архимандрита Аввакума 30 января 1853 года. 24° З.Д.; 15° С.Ш.

"Царские часы, дети мои — есть краткое богослужение по Церковным священным событиям. Народное название "царскими" произошло от древней традиции Византии: на этих часах в Кафедральном соборе был обязан присутствовать сам Император, для того оставлявший все государственные дела. Россия восприняла традиции церковных служб от Византии, и наши благоверные государи неукоснительно следовали этому Правилу. Для вас я готов прочесть Священное писание как душевно, так и всей братии совместно, по вопросам веры и состояния души. Здесь, обретаясь пред Богом, души ваши инда мятущиеся в поисках божьего прибежища и не находят его, ибо не всегда слышит их Господь. Лишь в молитвах искренних и того более в лоне церкви вы обрящете душевный покой. Идите с Богом, дети мои, и предавайтесь размышлу. Аминь"...

Так завершил батюшка очередную проповедь, испросив по обыкновению на то "добро" у адмирала Путятина. Обладая крутым нравом на грани самодурства, военачальник вершил, часто

без всякой на то надобности, не присущие ему обязанности. Например, "бил по рукам" своих невольных подчинённых. В кают-компании изначально корабельные врачи высказались о сбережении здоровья, в довершении к сему архимандрит Аввакум прочел традиционную молитву.

"Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да придет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли... Аминь".

"Господи Иисусе Христе, через эти святейшие слова и во имя Твоего святейшего подвига исцелена была эта рана, это зло. Во имя Отца и Сына и Святого Духа... Аминь".

С окончанием молитвы корабельный писарь вышел на жилую палубу, где загодя развернул гротсбук со списками всего штата фрегата "Паллада": "Всем, имеющих фамилии на "А" и "Г" включительно, остаться для обозрения здоровья телесного. А господин Гончаров пока просветит вас о землях обетованных, нами наблюдаемых".

Надо отметить, матросы не больно-то льнули к Слову Божьему, предпочитая использовать "адмиральский час" для отдыха. Хотя случалось, что многие после обеденной чарки лицезрели и слушали песельников с их танцами и разудалыми частушками. Последние действия выводили матросов из океанической депрессии. Новыми и интересными для нижних чинов были лекции — рассказы самого учёного "секлетаря". Немало моряков "Паллады" сменили за свою службу по несколько экипажей, но подобного не встречали. Кроме окрика, а инда и кулака в ухо, они иного "внимания" к себе не ведали. Уже одно упоминание об Иване Александровиче невольно располагало к неслыханным доселе историям. Так и на этот раз. Матросы принялись разбухшими пальцами за починку рабочей формы и обуви, рассаживаясь поудобнее под тентом на ветерке. Многие шили брезенто-

вые голицы из старой парусины: надо было хоть как-то сохранить руки.

"Ноне, господа присутствующие, я поведаю вам о тех островах, что пока едва видны изумрудными холмиками пальм у горизонта. Почти в те же времена, когда была создана наша твердь, на ладонях Господа остались крохи почвы. И Он, ничтоже сумняшеся, стряхнул их в Атлантический океан. Для Бога-то крохи, а для людей образовались целые острова.

Название Кабо-Верде в переводе с португальского значит "Острова Зелёного мыса". В 1445 году португальские мореходы, увидев, покрытые баобабами, острова, воскликнули: "Cabo Verde!". То есть "зелёное пятно" на горизонте! В античную эпоху было поверье, что души героев и людей выдающихся с кончиной улетали на зелёные острова в океане, где садится солнце. Хозяевами этих островов были прекрасные Геспериды, дочери Атланта. Ходили разные мифы о необитаемых островах "между небом и землёй", хотя те находились в непосредственной близости от африканского побережья.

Первым европейцем, чья нога ступила на Кабо-Верде в 1456 году, предстал португалец Генрих Мореплаватель. Вслед за ним Антонио да Ноли с напарником Диего Гомиша в 1460 году. Вот они-то и разузнали, что на островах поживы "с гулькин нос", как с точки зрения флоры, так и фауны. Ко всему прочему свирепствовала засуха. Так что земли облюбовали пираты в качестве многолюдного промежуточного невольничьего рынка. Жили на всём привозном, награбленном в Африке. Пленное негритянское население вывозили на острова и там спокойно перепродавали в Америку и Европу. Морские разбойники основали здесь процветающую столицу Гранди Рибейра поселения Санта-Антао.

Обладатели "Весёлого Роджера" нещадно грабили своих же "коллег". Побывал здесь и именитый корсар Френсис Дрейк, но убыл в пролив своего имени "не солоно хлебавши": хозяева

островов, португальцы, фехтовали и палили из ружей лучше пришельцев. Однако была от всего этого и польза — это составленные мореплавателями прибрежные лоции морей и океанов. Первичные карты были сделаны часто именно теми, кто намеревались проследовать там же, где им подфартило хотя бы раз.

Вот и намерен: штурманский офицер Л.А. Попов громко и ясно изрёк: "Поздравляю! Сегодня в восьмом часу мы пересекли Северный тропик!". Но даже самый пристальный взгляд Гончарова в подзорную трубу, объемлемый все стороны света, никоим образом не обнаружил никакого "тропика". Но ведь на морских картах-лоциях он был!!! И штурман его отметил, скорее всего, точно! Надо непременно разузнать. Что-то помнилось с детства из рассказов отчима. Удобно ли расспрашивать сейчас? Почему-то вспомнились Альдебаран и Вега.

"Выпрошу-ка я у своего земляка Иннокентия карту звёздного неба, да буду запоминать, дабы можно было вернуть эдакое, будучи в Симбирске, а то и в самом Петербурге..." Но тут вынырнул вездесущий Фаддеев: "Ваш Высокобродь, Ваша очередь телеса заголять! Туточки, али когда по каютам? Дык я обскажу их благородию..."

Вдруг кто-то из матросов заорал: "Справа по борту банка!" На крик прибежал вахтенный офицер. И на самом деле, справа, почти в полусотне дюймов, блестела на солнце мокрая каменюка величиной с шестивёсельный ял. Офицер даже опешил: под таким солнцем и мокрая!! Но "каменюка", слегка шевельнувakraинами, как бы соскользнула в глубину. "Да это же Морской чёрт! Рыба-скат окаянная!" — определил кто-то из бывалых матросов. Но даже в прозрачной воде океана морское чудовище вскоре исчезло аки "призрак в ночи".

"Вот те раз! В пятый раз токмо в этом океане, а окромя китов да черепах ничего большего стога сена не видывал! А ведь

точно, чёрт в облиии! Надобно батюшке Аввакуму обсказать. Небось есть така молитва супротив нечисти".

Неизменные облака вновь окутали своей ватной духотой океан. Всё ближе приближались к какому-то странному нагромождению из красной глины с чахлой травкой между буграми. В милах трёх можно было рассмотреть, что "травка" являет собой кокосовые пальмы. Тени пальмы не отбрасывали. На этих деревьях листья оборачивались к солнцу ребром, тем самым сохраняя влагу, вот и теней от них не было никаких, как от дырявого сита.

Сыграли аврал. Щеголеватый лейтенант Шварц, не обращаясь ни к кому, довольно ясно изрёк: "Порт Прая, господа!" Но зюйд-остовый пассат всё более отжимал фрегат от цели. Как бы не пришлось обходить остров Сал правым бортом, чтобы использовать любую возможность. Таковое случалось в форс-мажорных ситуациях, сродни русской рулетки с надеждой на осечку. Общий курс был понятен лишь штурманам и командиру. И это был курс далеко не в сторону Прая. Пока фрегат упорно продвигался, но к побережью Сенегала! Недоумевали даже матросы: почему?

Подошедший к Гончарову старший офицер Бутаков осведомил его об обязательном присутствии в кают-компании к обеденной трапезе. "Что за напасть приключилась с нами?.." С тяжёлыми мыслями учёный секретарь отправился на совещание. Иван Александрович стал замечать, что качка уже никоим образом не влияет на его походку. А при смене погоды он воспринимал очередной аврал как должное. Но тут всё будто замерло. Вышли на 15° западной долготы будто по инерции.

Совещание открыл, согласно старшинству, адмирал Путятин. Далее докладывал командир корабля капитан-лейтенант Унковский: "Господа, мы не уделили должного внимания слиянию ветров за последние двое суток, и северный ветер фордевинд слился с пассатом. Обращаю внимание вахтенной службы на удер-

жание ветра вплоть до прямой видимости суши мыса Зелёный. Лишь только в этом случае мы сможем не пользоваться машиной и не попасть в мёртвый штиль. Запасы воды на исходе. А скот скоро нас самих выживет несносной атмосферой вони! Указываю господину Тихменеву, свести расход питьевой воды до аварийного пайка. По возможности для приготовления пищи использовать опреснённую воду. Обращаю внимание учёного секретаря и судового священника на отвлечение нижних чинов от паники. На островах естественная влага отсутствует напрочь, сиречь дожди имеют место быть раз в несколько лет. Единственным кладезем питья служат баобабы. Но самым молодым ноне более 500 лет. Видно не приспичило время прильнуть к их влаге. И нам, как видно, не суждено. Штиль на этой широте равносильен для корабельщиков безмерной жажде и голоду. Пароходы большинства стран этих мест сторонятся. Вода и почта — почти весь их груз для островов. Вахтенным оповестить личный состав заготовить письма к передаче коменданту. Для воды заготовили дубовые аварийные бочки с отдельной шлюпкой. Островитяне обязаны будут уделить толику привозной питьевой воды нашему судну. На то есть долгосрочный договор. Ждём официального представителя. На сей момент ветер благоприятствует, и при спаде зноя должны достичь берегов порта Прая. Крюк к сему порту мы вынуждены сделать немалый во избежании беды большей: остаться в полосе штиля".

Глава 26. ПЕКЛО И АПЕЛЬСИНЫ

Иван Александрович, как, впрочем, и все, кто впервые посетил порт Прая, были не просто изумлены, они даже в фантазиях не могли представить увиденное. Изначально, как это и подо-

бают в цивилизованных портах мира, к командованию фрегата прибыл штатный чиновник: иссиня-чёрный негр в форменном фраке на голое тело, но с представительскими галунами и в лаковых штиблетах без носок. Он же сидел на вёслах древнего ялика. Это был наверняка уцелевший потомок тех негров, коих пираты перепродавали сотнями тысяч в Новый Свет и ближе. Статью его Господь не обидел: широкая мускулистая грудь гармонировала с узкой талией борца и выпирающими из рукавов бицепсами. Встречающие были им просто восхищены. Этикет встречи иностранного судна им был соблюден досконально.

Команда едва удерживалась от смеха: действие шло по марионеточному сценарию из глубины веков. Не доставало только экзотических перьев, кольца в ноздре, да ритуальных наколок при родовом жезле. Ответы о цели прибытия в порт, дальнейших намерениях и даже о названии корабля и здоровье русского монарха, были приняты им с благоговением. Затем посланец экзотического поселения достал из-под полы нечто, напоминающее форменную одежду, и некий журнал в окладе цвета кожи хозяина. Далее, выпучив и без того выразительные глаза и истекая потом, чиновник старательно вывел какие-то каракули вполне современной ручкой. Посудинка с чернилами возлежала на его довольно выразительной груди и играла роль некоего амулета. Зжатое в кулаке стило двигалось ходуном, спотыкаясь между строк, но минут через пять всё-таки выправило исторический текст и немедленно исчезло вслед за документом там, где угадывался единственный карман. За сим ритуал, судя по всему, завершился. Музыка, салютования и подношений не последовало, дабы не нарушать девственную тишину окрестности. Розовые подошвы представителя порта ловко мелькнули на трапе шлюпбалки. Зычно скомандовал боцман: "Вывалить кранец, пришвартовать ялик по корме! Ялик протянуть. Команде в катер!"

Комендантское судёнышко сиротливо прижалось к обшивке "Паллады". Её хозяин уже восседал на вёсельной банке. Он грёб в позе вперёдсмотрящего, подставив лицо дневному бризу. Команда корабельного десятивёсельного катера по двум канатам с мусингами (узлами на канате) привычно соскользнула в посудину, разобрал вёсла. Старшина не заставил себя ждать. Вставив румпель и кормовой флаг, боцман, он же старшина катера, отдал команду "смирно" и занял место на книце (угловом сидении). Подали шторм-трап, и по нему уже сошли офицеры, ведающие снабжением, картографией и кому дано "добро" на сход.

Приближавшийся берег буквально обжигал зноем. Ни причала, ни даже подобия пирса "порт" не имел. Наш негр-лоцман на правах коменданта порта буквально выпорхнул из лодчонки и изобразил ликующее население, а заодно и администрацию одновременно. Полуголое мужское "представительство" и сопровождающие лица уже были готовы перенести людей из лодки на берег. То же самое в итоге довершили матросы, засучив панталоны.

Негры вынесли Гончарова на берег, бережно водрузив его на кучу раскалённого песка и получив за услугу щедрую мзду. Неподалёку стоял экзотический сарай-шалаш, он же пакгауз-склад. Дверей и запоров в нем, как видно, не предусматривалось ещё со времени возведения "шедевра" местными зодчими. Рукотворное укрытие от солнца использовали местные собаки под свои свадьбы.

По местному календарю, как уже было сказано, был разгар зимы. Таможенное здание отличалось наличием входных дверей с амбарным замком, открывавшимся без ключа. На оконных проёмах вместо рам колыхались пальмовые листья. "Есть ли фрукты и вода?" Вопрос пришельцев воздействовал на толпу негров магически: все разбежались в сторону посёлка за соседним утёсом. Озадаченно постояв с четверть часа, вся наша

делегация последовала следом за аборигенами, оставив вахту у катера.

Дорога-тротуар оказалась вымощенной камнем, но тащиться в гору под пронзающим солнцем было невероятно трудно. Частые остановки грозили солнечным ударом. Ко всеобщему удивлению, на плато, возвышающимся над портом, размещалась целая батарея пушек. Судя по всему, последний выстрел из них был сделан работоторговцами около столетия назад.

Вошли на городскую площадь и уже здесь встретили часовых. Они более напоминали японских гейш: кланялись с подчёркнутой учтивостью, получив от идущих по нескольку монет. Обувью здешняя "армия" не располагала, зато оголённые лодыжки и икры ног были чернее сапог караула английской королевы. Мулаты на фоне негров совершенно не выглядели франтами: их лица и тела казались попросту изрядно неумытыми и землисто-серыми. Довершали живописную картину местной цивилизации каменные здания мэрии и невесть для чего построенное здание мрачной гауптвахты. Далее следовала пустынная череда хижин из камня. Зной загнал жителей в пальмовые укрытия. Посреди площади стоял столб с прилаженной сверху португальской короной. Наверное, именно охраной этого государственно-го атрибута и объяснялись бутафорские стражники и гауптвахта. Тем не менее, наш соплеменник и его спутники, идущие впереди, зашли в одну из хижин.

Маленький дворик сиял белыми плитами. В углу под карнизом веранды млел от жары ослик, рядом таяла, как свечка, необычайно жирная свинья. Бедняга уже не имела сил не то что переместиться в тень, но даже привстать. Лишь куры, более напоминающие расцветкой и размерами наших фазанов, сонно бродили в поисках корма. Хулиганом крутился меж них попугайчик-воробышек. Писатель едва увернулся, дабы не наступить на малыша.

Войдя в своеобразные сени, гости обнаружили лестницу на второй этаж. На открытой галерее сидела весьма пожилая португалка. Указующим перстом она пригласила вошедших в комнату. Попытки заговорить с ней, на английском либо французском, были тщетными. Встав, посетители было ушли, но дама их остановила, пригласив юную соплеменницу, говорящую на французском. Жеманясь, девушка робела, хотя мужчины внимали её речам. С какой целью привели стройную красавицу? Её сбивчивая речь на смешанных языках ещё более усугубляла ситуацию. Неудачливая собеседница лишь смогла пояснить, что родом из Лиссабона и не замужем. Разрядил обстановку Колокольников: "Господа, нас явно не за тех принимают, либо это выездной дом свиданий! В любом случае пойдём от греха подальше". С тем и откланялись. На пути встретили озадаченного капитана Тихменева, спросив об успехах на поприще провианта. Сокрушённо кормилец изрёк: "Плоха провизия и мало! Быки не крупнее здешних ослов. Ума не приложу, как мы доберёмся до мыса Доброй Надежды?" С тем и спустились в деревню с глиняными хибарами-мазанками.

Гончаров профессионально заглянул внутрь одной из них. Там на деревянных лавках сидели сгорбленные старики и старухи. Среди них было немало совершенно лысых. Молодёжь трудилась на полях среди гор. За немощными присматривали молоденькие негритянки с весьма привлекательной наружностью и выразительными глазами. В них чувствовалась сама доброта и природный ум. Феи пустыни немедля примкнули к гостям, беспрестанно испрашивая бог весть каких денег неведомо за какие услуги. Их даже не смутили обнажённые тела купающихся у берега матросов. По пути путешественники видели сады с фиговыми плодами, кокосовыми пальмами и апельсиновыми деревьями без самих цитрусовых: зима, но впечатляет! Птиц и насекомых по этой же причине почти не наблюдалось.

Зато у самого катера всех ожидал сюрприз. Множество корзин с апельсинами и сидящих подле них местных спекулянтов, азартно резавшихся в карты самиздатовского покроя, где козыри в колоде были куда краше наших, а на карточных дамах, в позах Камасутры, напроочь отсутствовало одеяние. Апельсины Тихменев скупил все, не торгуясь. Команда была в восторге от такого экзотического приобретения. Подошёл измождённый и взмокший от жары боцман и едва не падая, прохрипел: "Грузи, мать вашу! Нехристи! Сгорели напроочь! Я вас сейчас на ванты льняком загонять буду?" Купальщики мигом облачились, но негры уже водрузили корзины в посудину, неизменно прося плату. Таковая, вперемишку с ругательствами, была мелочью выдана боцманом и окончательно уже самим Тихменевым. Радости торгашей не было предела: сделка с "французами" пришлось по душе. Кажется, аборигены упорно принимали мореплавателей за жителей Парижа. Русских, как видно, здесь отродясь не было. Тем временем пассажиры втиснулись меж корзин и валиков вёсел. Едва моряки вставили вёсла в уключины, как все на одном дыхании вытолкнули катер на чистую воду. "И-и... рраз!! Навались!" — гаркнул боцман, будто хотел стряхнуть с себя эту "штатскую" спесь с купанием и флиртом.

Глава 27. ЭКВАТОР КОМУ КАК

И на самом деле, стоило поднять шлюпку на борт и закрепить её по-штормовому для похода, как заулюлюкали боцманские дудки: "Свистать всех наверх, паруса ставить! Баковым на бак! Поднять якорь!". Затрещала лебёдка брашпиля, якорь стукнулся о клюз: "Обмыть якорь!" Затем последовали команды для разворота фрегата на курс и самая главная, которую Иван

Александрович ждал с замиранием сердца: "Марсовые к вантам, все паруса отдавать! Паруса отдать!"

Невыносимо было глядеть на искажённые болью лица матросов. Их тела нещадно ошпарило тропическое коварное солнце, а кожа покрылась волдырями. А ведь предупреждали бывалые мореходы воздержаться от подкупающего желания оголиться на солнце! Но внимали увещеваниям далеко не все, уж больно велик был соблазн вкусить щедрот южного светила. К вечеру у лазарета выстроилась очередь. Опытные эскулапы, видимо ещё в аптеках Портсмута, приобрели мазь от ожогов и экзем в гигантских количествах. Теперь, если уподобить корабль рынку, то наши Арефьев вкупе с Вейрихом могли озолотиться с лихвой. Боли были просто адскими, кожу сдирали вместе с бинтами. Такова была изуверская плата за неопытность и страсть к тропическим "утехам".

Архимандрит Аввакум устраивал ежедневные молебны, взывая к святому Николаю Чудотворцу, покровителю моряков. Путятин ходил по фрегату с лицом чернее тучи. Врачам и архимандриту грозил "аки галерным невольникам, быть принайтованными к вантам, дабы они лазили по реям сами, ставя паруса, коли до времени резвого ветра не излечат матросов". Доставка на орехи и старшему офицеру с командиром, которые не углядели лихоимцев до дармовых облучений. Самих матросов адмирал не трогал, понимая их мученическую долю. Благо, боги морей Нептун и ветра Эол в содружестве позволяли почти не менять парусное вооружение, волнение не превышало трёх баллов, ветер почти благоприятствовал. Злополучные "пляжные острова" с рыжими утёсами исчезали на горизонте. Под тентом гулял хотя и весьма умеренный, но целебный ветерок, заживляя нежную кожу бедолаг.

Но 29 января мореплаватели потеряли пассат и вошли в роковую полосу. Вместо 10 узлов (около 19 км/час) давали чуть

более полутора. Давно уже дед грозил всем штилевой полосой, которая опоясывает Землю в нескольких градусах от экватора. Штили, а не бури есть настоящий ужас для парусных судов. Для Паллады положение было более, чем критическое. В самом деле, каково простоять месяц на одном месте, под отвесными лучами солнца, в тысячах милях от берега? И если с бурей моряки ещё могли совладать, то штиль тихим, но неумолимым удавом мог сделать из них "Летучего Голландца". Экипаж через месяц-два просто сходит с ума от жажды, и люди прыгают в океан, желая напиться. Это и есть самая страшная и тихая смерть в испепеляющем зное и удушающей влажности.

Океан искрился, отражая лучи солнца, всё нестерпимо сияло. Так смеётся сильная злоба над немощью. Небо несло в себе мириаду сказочных облаков с меняющимися сюжетами, от неких чудищ и галантных фей, до лошадиных морд и замков. Но этим не удивишь и в наших северных широтах. Только здесь вся перечисленная смена декораций сопровождалась изумительной игрой цветов и их сочетаний. Краски не имели разграничений, они взаимопроникали и накладывались друг на друга, создавая невиданные колориты, возбуждающие не только глаза, но и осязание. Море колыхалось целой массой, как густой расплавленный металл. Команда впадала в сонную депрессию, полагая, что тропики взяли их за горло удушьем. Но сие случилось позже, гораздо южнее экватора. А пока, 31 января, паруса зашевелились, повеял ветер невесть какой слабый, а за 1° до экватора задул ожидаемый SO (зюйд-ост), пассат. 3 февраля в 8 утра безо всяких проблем корабль пересёк экватор. Задул спасительный, хотя и слабый бейдевинд.

"Ну что, Пётр Александрович, вот мы и за экватор шагнули! Скоро на мысе Доброй Надежды будем! Хотя в океане грешно загадывать впрок! А вот бананы кто-то ночью поел!".

Для свежести фрукты на ночь раскладывали на палубе. Матросы задумчиво смотрели на гладь океана, жалея, очевидно, об упущенном торжестве. Но все сознавали, что сохранить себе жизнь с оказией ветров, близких SO, всё-таки важнее.

"Матросы наши мифологии не знают и потому не только не догадались вызвать Нептуна, — записал Гончаров, — даже не поздравили нас со вступлением в его заветные владения и не собрали денежную или винную дань, а мы им не напомнили, и день прошел скромно. Только ночью капитан пригласил нас к себе ужинать".

Глава 28. ЭКВАТОР ПО ТРАДИЦИИ

Позже мы узнали, что на шхуне "Восток", купленной в Англии и ушедшей из Портсмута вместе с фрегатом, Нептуново торжество всё-таки справляли. Заметим лишь, что, в отличие от "Паллады", "Восток" имел стационарный винтовой ход и не зависел от штиля, как это случалось с фрегатом. Но паровая машина требовала значительных запасов угля. Мощность же двигателя была всего 40 л. с.

Но даже сам секретарь Иван Александрович чисто по-человечески полагал, что праздник Нептуна вещь в данных обстоятельствах неуместная: практически бесцельно дурачиться на фоне невероятных трудностей! И это при том, что до трети экипажа маялись с зубовным скрежетом от ожоговых болей и экзем. Не было и речи посылать матросов авралить на паруса, и дед определил болящих на палубные работы по рангоуту под спасительным тентом. Старший офицер справедливо полагал, что команда поймёт серьёзность ситуации, ведь надо увести корабль из мёртвой зоны как можно быстрее. Вскоре компас начал рас-

полагаться параллельно магнитному экватору, солнце оставалось в зените вопреки обыкновению уходить к югу. Рулевой матрос тотчас в недоумении донёс об этом штурману.

По большому счёту каждый из нас жаждет праздника, оставаясь до старости в душе ребёнком. У матросов, принимавших на свои плечи все тяготы и унижения за время многомесячных походов, желание праздничного общения обострялось. Неунывающий Бутаков ободрял: "Да всё просто отлично! Главное, выйти из штилевого пояса, а экватор только у Сингапура можем дважды пересечь! А мадеры хватит с лихвой, отпразднуем, коли Бог даст!"

Согласно записям в корабельном журнале "Паллады", 6 января 1853 г. винтовая шхуна "Восток" и "Паллада" вышли из Портсмута совместно, но уже в первую же ночь разлучились. Лишь 11 января, в Ла-Манше суда встретились вновь, и тогда фрегат взял шхуну на буксир, полагая сэкономить для "Востока" топливо за счёт попутного бодрого ветра. Но когда ветер усилился, то буксировку прекратили, так как возникла опасность порвать паруса на "Палладе". Местом встречи назначили остров Мадейра. Без буксировки фрегат стал давать скорость до 11 узлов. Провиант и воду добавили, встав на якорь на рейде города Фуншал. Порта как такового поселение не имело. У островов Зелёного мыса и вовсе задержались на несколько часов и почти безрезультатно. Купленных там цитрусовых для еды матросам явно не хватало. При их изнурительном, подчас круглосуточном труде, апельсиновая диета с перекуской из солонины в бескрайнем и знойном океане были подобны изощрённой казни. Запасы воды были почти на исходе.

Но вернёмся к событиям на шхуне "Восток". Она могла позволить себе неслыханную беспечность для парусных судов и лечь в дрейф. Купленный в Портсмуте "Восток" укомплектовал свою команду из членов экипажа "Паллады", набранную, в боль-

шинстве своём, ещё в Кронштадте. Её командир лейтенант Римский-Корсаков предусмотрел эту ситуацию, и матросов для шхуны подвергнул максимальной морской подготовке. Механиков на паровую машину он стажировал на английском заводе "Бабкок Вилькоккс". К намеченным к переходу в корабельную команду офицерам лейтенант присматривался особо на переходе в Портсмут. Ведь предстоящий переход Портсмут-Владивосток предстоял более чем сложный. И при всех упреждающих мерах большая часть матросов и офицеров обряда крещения Нептуном на экваторе не проходили. В самом плавании сей фактор не столь важен, но в моральном отношении... Так что обряду на шхуне "Восток" все-таки следовало случиться.

Едва ветер расправил паруса и шхуна легла на проторённый курс Нью-Йорк-Кейптаун, Римский-Корсаков собрал своих подопечных для согласования проведения праздника. Всего на судне офицеров было 6 человек, нижних чинов с гардемаринами до трёх десятков. Матросов под парусами едва хватало на трёхсменную вахту, плюс кочегар на малом пару. Его держали для упреждения расхождения с вездесущими купцами и внезапными рифами да банками. Шхуну для ритуальной встречи Нептуна положили в дрейф. Отсюда могли высвободить большинство матросов, врача, механика, штурмана и самого командира. По-первоначально штурман и командир определили тех, кого намеревались крестить, то есть не пересекавших экватор. А далее дело обстояло так.

"Солёные" и "шелобаны", коих насчитывалось чуть более дюжины, выстроились при параде во главе с командиром. Вахтенный офицер скомандовал: "Для встречи бога морей Нептуна и его свиты стеньговые флаги поднять!" По исполнению команды прогремел пушечный выстрел. "У-у-рра!!!" — вторили ему в строю. И так трижды. Гром пушки раскатами прошёлся над океаном. Порядка ради скажем, что в почётном строю на полубаке стояли те

моряки, кто уже возымел от Нептуна звание "шелобанов" (за одно пересечение экватора) и "солёных" (за многократное пересечение).

Откуда-то из кубрика на юте высыпала разудалая компашка: в свите Нептуна должны быть только "солёные" либо "шелобаны". Их одеяния и хулиганский грим из мазута, угля и залежалой грунтовки были вне критики и вообще далеки от привычного восприятия. Взять хотя бы известный образ Русалки или обезображенного до неприличия чёрта! Не менее "красочно" выглядели и другие персонажи. Но особенно выделялся Главный Сатана: его украшали рога со скотобойни и хвост.

Сам Нептун, он же инженер-механик Иван Зарубин, был само великолепие, его голову венчала коралловая корона, на предплечьях, груди и спине красовались исключительно художественные, но смываемые татуировки. Икры ног и локти украшали инкрустации на восточный лад. Довершали облик Владыки кустистые брови, зеленоватые усы и борода (зелёнку в обмен на коньяк добыл у врача штурман).

Торг состоялся при условии, что сам корабельный врач Вейрих будет крещён заочно. Чистюля-эскулап приходил в ужас при одной мысли быть облапанным "этими чумазыми ушкуйниками".

Свита двинулась к почётной шеренге из матросов и офицеров. По ходу шествия Сатана демонстрировал полигамной Русалке огрызок хвоста, вернее его парадную часть между ног. Черти оттягивали хвост своего предводителя по сторонам и норовили потискать перси морской Девы. Она визжала, чем приводила всех празднующих в неопикуемый восторг.

Восторг вновь окрещенных подкреплялся двойной чаркой казённой выпивки. В качестве компенсации за ритуальные приязнания Русалка преподносила свежим "шелобанам" спиртное в конце действия и омовения. Перед Нептуном выставили чан с водой и жбан с выпивкой. И тут началось нечто вроде оргии. В момент кульминации Нептун водрузился на трон и извлёк из-за

спины некую пищаль с раструбом: деталь из коллекции командира, что украшала ковёр в его каюте. Трижды громыхнул трезубцем о железную палубу Царь Морской и, подняв над собой оружие, громоподобно выстрелил! Все недоумённо стихли.

— Кто такие будете, из каких стран-государств, подданные? Как посмели явиться предо мной нехристями без моего на то ведома? Хотя заказан вход беспощинно во веки веков в мои владения! Кто сего судна командир? Куда на сей раз путь держите?

— О, Владыка морей и океанов, царь Нептун! Лейтенант флота российского Воин Андреевич Римский-Корсаков. Большей части моих подчинённых дозволено бороздить воды владений твоих и пользоваться твоим благодушием, грозный вершитель судеб морских! И на сей раз просим тебя, царя Посейдона, называемого нами на экваторе Нептуном, владыку всех тварей плавающих в твоих пучинах, не чинить нам в пути козней и благоприятствовать с твоим собратом Эолом попутными ветрами! Повели отворотиться тайфунам и свирепым бурям на всём пути от экватора до берегов Востока Дальнего и земли огненных вулканов Камчатки!

— Немало я повидал мореходов, сынов земли русской на всех широтах в океанах и морях! И не ведаю ни одного случая ослушания паствы моей, среди мужественных русичей. Даже в часы гнева моего не слышал ответной хулы от вас. А по обычаю морскому даруйте нам бочонок рому! Эй, командир, в знак твоих щедрот дарю ключ от ворот экваторных! А теперь, Звездочёт мой, выкликай креститься новоиспечённых шелобанов!

Член свиты в звёздном колпаке и халате торжественно вынес список.

— А вы, черти, не юродствуйте зело в помазании илом придонным, дабы чан не треснул от прегрешений смываемых! Русалочка, для благостного празднества и незлобного деяния и чертям выдай по чарке под ответственность Сатаны Главного!

Крики, смех, брызги из чана, ликующие черти... Вот только искупаться в нептуновой купели не рискнул никто: вокруг шхуны время от времени кружили акулы. Хотя при появлении дельфинов хищницы, как обычно, исчезали. Порой казалось, что Посейдон продолжал своё веселье уже в царствии своём. Воин Андреевич часа через три освободил от вахты для торжества "шелобанов" и "солёных", заменив их на новичков. С утренней прохладой сыграли аврал по поднятию парусов. Не обманул Нептун: дул почти фордевинд, что для экваторной широты — благодостный подарок мореходам.

Глава 29 (историческая). БИТИЁ НА ФЛОТЕ

Итак, до Кейптауна от экватора оставалась, если не идти галсами (зигзагами), потворствуя капризам ветра, тысяча миль. По грубым подсчётам, "на выпуклый военно-морской глаз", за кормой по лагу (спидометру морскому) пройденного было чуть ли не вдвое больше. Оставалось лишь молить Всевышнего и его коллегу Нептуна со свитой по месту их работы о снисхождении к теперь уже окрещённым чадам рода людского. Но вернёмся к делам мирским на землю и воды обетованные и хоженные.

"Паллада" мирно бежала по спокойному океану. Иллюминаторы адмиральской каюты, окаймлённой наружным балконом, были растворены. Из одного из них раздавался голос гардемарина, вслух читавшего "Житие Кирилла Александрийского". Из другого виднелась запрокинутая голова адмирала со слегка развевающимися волосами под лёгким дуновением ветра. Чем не божественная идиллия!

Вдруг на перилах балкона появилась фрегатская обезьяна Яшка и, оглядевшись, остановила своё внимание на развеваю-

щихся волосах адмирала. Судя по лукавому выражению мордочки, она задумала какую-то каверзу. Голова адмирала, охваченная сладкой дремотой, покачивалась в такт чтению ... И тут Яшка одним прыжком повис на волосах Путятина, дёрнул их два-три раза и с быстротой молнии исчез. Раздался пронзительный крик, затем ругательства!

Путятин выскочил на верхнюю палубу с приказанием свистать всех наверх: Яшку за борт! Началась невообразимая суматоха. Обезьяна, увидев множество людей, приняла самое живое участие в новой забаве, всячески увёртываясь от ловцов. Путятин был вне себя от ярости, а ловцам обещал всяческие награды.

Яшка влезал всё выше и выше, но был пойман матросом, который, крепя сердце, спустился с общим любимцем на палубу в ожидании приказа. Принесли Яшку к адмиралу с вопросом, бросать ли её в океан? Но гнев Путятина уже иссяк, и Яшку помиловали. Понятно, попади в аналогичную ситуацию человек, навряд ли бы удостоился он амнистии. А били, истязали, забивали насмерть, унижали на флоте по очень многим, иногда почти незначительным поводам.

Глава 30. БЫТ НА КОРАБЛЕ "ПАЛЛАДА"

До выхода в море, на "Палладе", да и на парусниках её лет постройки, матросам для проживания отводилось место не самое лучшее. Вернее, хуже помещения было и не сыскать. В нем неимоверно качало и трясло при любой волне. Оно находилось у форштевня и именовалось форпик. Мечтать об отдыхе, просушке одежды не приходилось.

Кроме настила сырой палубы, кусков старого паруса, остатков авральных досок и просмоленной пеньки здесь ничего не

было. А вот крыс и тараканов проживало тьма. Эти твари ничуть не смущались соседства с людьми, и порой казалось, что истинные хозяева — они. Крыс ничуть не смущала гора потных тел, и серые бестии визжали, пищали, забавляясь, прыгали по ногам, а то и над головами. Матросские сундуки становились постоянным объектом их нашествия. Случалось, не найдя съестного в форпике, звери вгрызались в мочки человеческих ушей и между пальцами ног. Их слюна обладала обезболивающими свойствами подобно новокаину. Мылись редко, так как от солёной воды трескалась кожа. В тропиках матросов преследовали жара и экземы, в северных широтах — обморожение и простуда.

На "Палладе" матросам и солдатам (морским пехотинцам) предоставлялась целая жилая палуба, она же батарейная. Так что места едва хватало для размещения между пушек и гамаков отдыхающей смены. В шторм гамаки бились друг о друга, о борта и пиллерсы. Едва заживающие раны открывались вновь. Не давали матросам "скучать" на нескончаемых авралах и боцманы: линьки и кошки то и дело гуляли по спинам марсовых и всех, кто не успел с выполнением команды. Случались и просто зуботычины от вахтенных, но это так, мимоходом.

Пару слов о пище моряков. Понятно, что питание и его качество напрямую связаны со здоровьем. Офицеры, командиры кораблей это прекрасно понимали, поэтому рацион матросов говорил сам за себя: сухарей на довольствующуюся душу в день полагалось шестьсот граммов; говяжьей солонины — четыреста граммов; литр воды; уксус и двадцать граммов оливкового масла; лук, чеснок, овощи; в постные дни подавали рыбу, рис и сыр; для компенсации депрессии полагалось спиртное из расчёта одна пинта (пол-литра) на душу.

Может показаться странным отсутствие в меню картофеля, но где его можно было хранить без охлаждающих устройств? А овощи портились быстро.

Нередко случалось, что интендантов попросту обкрадывали, подсовывали гниль, огрызки от крыс, а мясо если не откровенно тухлое, то изрядно залежалое и низкосортное. Когда продукты и вода иссякали, а штилевая погода делала корабли недвижимыми, то случалось поедать и крыс.

Многое порассказали бывалые моряки Гончарову. Они, аки дети, раскрывали перед ним душу. Но, справедливости ради, приведём изречение Екатерины Второй: "Флотская служба знатна и хороша, то всем известно, но насупротив того столь же вредна и опасна, почему более милости и попечения заслуживает". "Заслуживали" прежде всего офицеры и представители благородного сословия: на кораблях появился фарфор и столовое серебро. Отразилось это и на жаловании указанных господ. Матросам же добавили мяса, сухарей, гороха, гречневой крупы, овса, масла, соли (полкило), а также суррогат из смеси воды и рома заменили русской водкой: двадцать восемь чарок в месяц (почти семь поллитровок). Бессрочную службу сократили до четверти века. Брали в команды и юнг десяти-пятнадцати лет.

При сближении с кораблём противника "на abordаж" матросы первым броском водружали сходни на борт неприятеля. Они были, по сути, потенциальными смертниками, поэтому "Устав" предписывал выделять для сего "людей храбрых и отважных, невзирая на поведение их". Прочие морские пехотинцы рубились топорами, саблями, кололи пиками, подрывали фитильными гранатами, стреляли мушкетами. За всё про всё матросу было положено жалование в два рубля двадцать копеек в год. При этом умудрялись высчитывать за мундир аж целый полтинник. В тюрьмах было куда безопасней и не истязали! А методов наказания "за нерадивую службу" было хоть отбавляй. Одно "килевание" можно было сравнить с дыбой. Провинившегося протаскивали под килём корабля, где он разрывался в клочья нарощими на днище и борта ракушками, а то и захлёбывался.

Офицерское питание тоже отличалось от матросского. Денежное довольствие лейтенанта равнялось ста восьмидесяти рублям, командира корабля — четырёмстам рублям. Полагались пара денщиков (лейтенанту), квартира. Адмиралу — семь тысяч деньгами и восемнадцать денщиков!

Курить матросам на русских кораблях разрешалось днём и на баке, где всегда находился обрез с водой. Во времена Гончарова изобрели опреснитель морской воды. Продукт получался далёким по вкусу от колодезного, но с ним от жажды уже не умрёшь.

Глава 31. ЕЩЕ ОДНА ДУША БОГУ

Где-то на родине катится к завершению зима. Здесь же не-сносная духота. Иван Александрович стал выходить "на улицу", то бишь на верхнюю палубу, только в сумерки и ночью. Фрегат словно плыл в мире грёз: как над головой, так и по всей ночной глади океана мерцали звёзды. Моряки покуривали на полубаке и тихо беседовали о доме, родных местах. Об этом же размышлял и писатель. Нередко Путятин назначал ему промежуточные отчёты именно здесь, на лоне мира сказок и безбрежной шири океана. Всё проходило в форме непринуждённого диалога. Окружающий мир действовал умиротворяюще, где-то у вершины мачты слегка полоскался от дуновения ветерка ослабший парус, шипела и искрилась вдоль борта океанская зыбь. Время от времени тревожил тишину некий не то вздох, не то бухающий всплеск разбуженного дельфина. Божественный мир благоволил ко всему живому в недрах вод и на их шири бескрайней.

Но нашу эйфорию и райскую тишь через распахнутый иллюминатор прервал стон, похожий на глас вопиющего в пус-

тыне: "А-а-а! О Господи, помогите! А-а-ай!" Безмолвие океана ответило эхом: "Ай-ай-ай-а!!!" И всё смолкло. Путятин нервно сжал руку Гончарова в запястье: "Иван Александрович, голубчик, что это? Неужто тот самый матрос, что упал с рея у Эдистонского маяка? Ведь он по сути спас корабль. А я даже не навещал его в лазарете! Грех-то какой! Ведь ей-ей к утру преставится. Надобно пойти хоть на одре проведать! И Вы со мной, полагаю?"

Немного погодя, рядом с каютой архимандрита раздался голос доктора Вейриха: "Святой отец, матрос Захарьев исповедаться хочет, уж больно плох! Не сообразоволите?" Адмирал и секретарь уже ждали у входа в лазарет.

— Пожалуйста, батюшка, мы за Вами последуем. Доктор, будьте любезны, проводите к больному.

В бледном, мерцающем свете фонаря виднелся увядающий лик моряка. Кровь сочилась изо рта и казалась чёрной. Батюшка зажёл лампаду, вестовой из кают-компания принёс свечи и расставил по канделябрам на переборках. Священник приступил к действию, голос его был тихим и вкрадчивым: "Не припомнишь ли ты, сын мой, какого греха на пути жизненном, не запомнил ли злобы беспричинной, утаённой? Нет ли у самого обиды на сердце, дабы обсказать на исповеди, облегчить душу свою? Благословен Бог наш и всемилостив... Господи помилуй, Господи помилуй... Я слушаю тебя, сын мой, кайся во имя Отца и Сына и Святаго Духа, Аминь... Хочешь ли просить о чём за близких своих, завещал ли чего при жизни брешней? Покайся, аки на Духу, сын мой! Боже, Милостив буде мне, грешному..."

Все присутствующие напряженно стояли, осознавая свою беспомощность перед покидающим юдоль сию. У бедняги были повреждены практически все внутренние органы. Операция при

коптящем светильнике и свечах, в условиях отсутствия должного оборудования, была неосуществимой. Вот моряк весь потянулся, будто внемля молитве, вдохнул, обвёл глазами визави и облегчённо выдохнул. Подошедший старший доктор Арефьев констатировал смерть. Все молча начали расходиться. У выхода из лазарета стояли некоторые матросы и почти все офицеры, бывшие вне вахты. Унковский дал распоряжение церковному служителю об отпевании, а старшему офицеру Бутакову — о салюте на завтра.

Океан невозмутимо фосфоресцировал вослед морской душе почившего Раба божьего Захарьева.

Гончарову вспомнился стих:

Вот Азия — мир праотца Адама,
Вот юная Колумбова земля!
И ты свершишь плавающие наезды
В те давние и новые места,
Где в небесах другие блещут звёзды,
Где свет лиёт созвездие Креста...

"Берите же, любезный друг, свою лиру, свою палитру, свой роскошный, как эти небеса, язык богов, которым и можно только говорить о здешней природе, и спешите сюда, а я винюсь в собственном бессилии и умолкаю!"

Где-то позади "Паллады" остался остров Святой Елены. Судя по всему, он остался совсем недалеко от фрегата по правому борту. Да и прошли его глубоко за полночь, иначе бы секретарь в своём описании упомянул о нём. Пик Наполеона с любого корабля виден за десяток миль, а то и более. На этом острове, судя по лощинам, можно было сделать аварийный запас воды, которой отнюдь не вдоволь снабдили путешественников на Кабо-Верди.

А может то и к лучшему: Россия уже находилась в состоянии войны с англо-французами. Так что, коли Бог даст, то "Паллада" благополучно достигнет через трое-четверо суток мыса Доброй Надежды.

Но едва забрезжило утро, уже весь экипаж знал о трагической кончине товарища по службе. Это была уже пятая смерть со дня выхода из Кронштадта. Что еще ожидает фрегат и его команду далее? Борта медленно, но верно, расшатывали волны, а то и банальная зыбь. Теперь уже простое докование даст лишь новые щели при замене сгнивших досок на сомнительные новые. Да и нет твёрдой уверенности в Кейптауне: кто там правит бал? Англосаксы или буры?

Уже при виде африканского берега рискнули дать салют по захороненному, по всем морским традициям, российскому матросу Захарьеву. Едва смолк церковный хор, как канониры дали троекратный залп. Тело спустили в океан и записали в бортовой журнал координаты погребения.

Утро заметно посвежелело и обычно приятное обливание забортной водой из брезентового ведра дало неожиданный эффект: пробрало до самых внутренностей! Вода была ощутимо холодной, почти колодезной температуры. Фаддеев, с хитрецей помалкивая об изменениях, шарахнул секретарю на голову целое ведро. Вода оказалась с примесью чего-то красного, и невольный инквизитор гаркнул: "Икра красная, сахалинская!"

— Какая к чёрту "икра красная" у южного побережья Африки! Разве что от китов, так они живородящие. Ну, шельмец, задам же я тебе лопатничек почище Тихменева!

— А задавай, барин, земляца-то вона, миль пять, не боле.

Настроение в команде было аховым: корабль течёт, люди гибнут.

Глава 32. СТУПИТЬ НА БЕРЕГ АФРИКИ

Любой моряк знаком с таким ощущением: опостылеет сам корабль и его обитатели донельзя. Такое происходит через пару-тройку месяцев после относительно спокойного плавания. Затем происходит нечто, не поддающееся самоконтролю, и всё начинает раздражать. Лучшие друзья и собеседники становятся слащавыми и тупыми, балясины (ступеньки) на трапах уменьшаются в размерах по ширине, удаляясь друг от друга, и ты материшься, спотыкаясь. Еда на камбузе кажется непременно со следами тараканов и крыс (хотя ничего подобного вы не узрели). В жилом коридоре появляется еле уловимый, но невыносимый запах как быдохлой крысы. Сосед по каюте не спит за полночь и что-то пилит. Даже отсутствие шторма выводит из себя.

Где-то суток за трое до прихода к мысу Доброй надежды мореплаватели почуяли запах земли. А 7-8 марта, при стихшей качке, земля выдала свои визитки — целые поля морской капусты. На ней нашли приют необозримые скопища птиц. Это был некий оазис кипящей жизни. Затем вода за бортом превратилась из синевато-лазурной в желтовато-зелёную. Изобилие морской капусты меняло цвет прибрежного океана. Светящихся микроорганизмов становилось ещё больше. И когда кто-либо в тёмное время обливался забортной водой, то создавалось впечатление прямо-таки огненного человека: ручьи искр ниспадали вниз и растекались по палубе.

Извечные океанские странники, альбатросы, стали появляться в компании птиц-фрегатов, а то и чаек. А это верный признак близости берега. Матросы, интереса ради, подстрелили какого-то пернатого (чаек и альбатросов моряки не трогают, равно как и птиц перелётных). А тут этих летунов появилось несметное количество, и они, цепляясь за паруса, падали команде под ноги. Кок пытался попотчевать братву "курятиной с неба", но таковая

больше напоминала разве что российских сорок с помойки. Хотя потом акулы съели всё с большим аппетитом.

Ночью намеревались ошвартоваться или встать на якорь у Фальзебея, что в переводе буквально означает "Обманная бухта", но для души более подходит "Волшебная гавань". А вообще-то дело было так. Облачившись, по обыкновению, в халат, Иван Александрович отдраил дверь на палубу с намерением взбодриться океанской водицей. Но с воплем ужаса отпрянул внутрь, теряя тапки; прямо перед ним торчал огромный чёрный рог! Создавалось впечатление, что чудище через мгновение пронзит фрегат. И тут услышал хохот "душечки" Ивана Ивановича Бутакова: "Неужели испугался, Иван Саныч? Глянь-ко, что я прикатил!"

— Господи Боже, силы небесные! (Рог угрожающе надвигался) Мы на мели?

Перекрестившись, секретарь задраил за спиной дверь. Нестово грохотал донными камнями прибой. Шёл океанский прилив. Очередной волной так хлестнуло по скалам, что зазевавшегося писателя окатило брызгами с головы до ног.

— Что Вы, Бог с Вами! Типун за это на язык. На якорь становимся, держитесь!

В подтверждение послышалась команда: "Из бухты вон!" и при развороте: "Отдай якорь!" Посудина, хрястнув измочаленной за месяцы похода древесиной, дёрнулась и застыла. И тут уже секретарь разглядел то чудо, которое ужаснуло его: огромные, высоченные скалы Драконовых гор. Из-за скал была видна маковка церкви Саймонстоуна. Тут же была Капбланк (Кейптаун) — "Столовая гора". Скучная береговая зелень едва смягчала угрюмость пейзажа. Лесочки из кедров, дубов и примеси тополей, сдобренные лианами винограда. В тропическом климате росли кипарисы, мирты да заборы из задубевшего кактуса.

Сама бухта была как бы окаймлена вилкой из двух мысов, один из них и был мысом "Доброй надежды". Если точнее, то вовсе и не мысом, а скорее, полуостровом-косой. На нём соорудили маяк. Но суровые монолиты Драконовых гор грозно высились над бухтой и той же Столовой горой. По её маковине ползало белое и пузырчатое облако. Оно то нанизывалось на гору, то неожиданно вздымалось. Практически все съехали на берег и вот уже дня три расслаблялись.

— Ваше высокоблагородие, возьмите и меня на берег.

— А что ты собираешься там делать?

— Да вон, на ту гору хочу взлезть, а то у нас в деревне таких нету!

— Дурень ты, Семён, до той горы ещё дойти надо. А это не менее недели пешком. Усвоил? А что скажешь, коли спросят: откуда ты такой сюда приплыл?

— Из Англии, откуда ж ещё?

— Так это сейчас из Англии, а так-то из России! Где твоя Россия-мать?

— В Кронштадте! — не моргнув, отчеканил вестовой.

— В Европе наша Россия! Уразумел?

Глава 33. ИЗ АНГЛИИ, ВЕСТИМО!

Фаддееву было глубоко безразлично, в какую страну он прибыл и с какой целью. С другой стороны, ему казалась странной ненавязчивость местных властей в отношении статуса путешественников (с полусотней пушек на борту!), тем более что в бухте стояла английская эскадра. Но, как говорят в таких случаях, начальству виднее. С одного из курсирующих ботов секретарь и вестовой сошли на берег.

Иван Александрович поразился чувствам, охватившим его: закружилась голова, пресыщенное обоняние заставляло учащённо биться сердце, ноги отказывались ступать по тверди!! Состоявшийся мореход с трудом и даже боязнью сделал первые шаги по суше. Поразила не только долгожданная земля, но и чужбина. Лай собаки и тот отличался! А присмотревшись, понял, что человек — он везде человек, со своими привычками и поведением. Зайдя в любую лавку, спросишь, откуда де товар? Непременно скажут, подобно нашим торгашам: "Вещь дорогая, заграничная, из самой Англии привезена!" А на поверку где-то поблизости шпарят эту "заграничную вещь" те же малазийки или африканцы.

Ничтожный воробей в Кейптауне имел разве что другую окраску, хотя, подобно нашему, владел свойством шустро копошиться в конском дорожном дерьме. Девчата и здесь норовили флиртовать, заигрывать. То были не только негритянки и мулатки, но и чисто белые представительницы слабого пола. И ежели удавалось пройти мимо молча, то лишь сопровождали гостей взглядом. Но стоило спросить что-либо, то непременно привирали и потом весело и долго хохотали вслед. А другие, ну чисто наши деревенские бабы в юбках, не то в сарафанах, явно желали всем добра. Эти искренне остерегали подходить днём к кустам: греющихся на солнышке гадов и в Африке хватало. Кактусы, так те похлеще нашей крапивы, жалят, да ещё и занозят впрок. Зашли в следующую лавку, купили резные коробки чёрного дерева, поинтересовались: "Откуда такое дерево?"

— Если господину угодно, то дерево привезли с острова Святого Маврикия и называют его "бокс"

Продавец явно слухавил, но дальше указанного острова он попросту ничего подходящего не знал. Природа, даром что субтропическая, но богатой её по нашим меркам не назовёшь. Вызревали кисловатые арбузы, виноград и вполне превосходные

огурцы. Рыба местного улова была изумительно вкусная, но и здесь рыбаки предостерегали от ядовитой. Так что на четвёртый день, добавив в компанию докторов и барона Крюднера, отправились все на природу для пополнения ботанической коллекции. Но уже к полудню экспедиция, уморившись от лазания по лугам и взгорьям, решила посетить некое подобие ресторана, более смахивающего на российский трактир. При гостинице их было два: голландский и английский.

Англичане умудрялись блюсти комфорт даже в этом супер-захолустье. Голландцы оставались верны патриархальной старине, что особенно отражалось в пузатых, чёрных от времени бюро и шкафчиках с фарфором и столовым серебром вековой давности. Зато как бы уведомили, что до самого Южного полюса нет более изысканного сервиса и таких ресторанов. Что, мол, мы самые близкие к Антарктиде! Сравнив предложенные кухни, экспедичане пришли к выводу: англичане и здесь превосходят иные нации.

Фаддеев испросил "добро" отдыхать самостоятельно. И, как видно, безуспешно. Прибыв на "Палладу", Гончаров увидел на своём столике роскошный букет из горных и садовых цветов. Ай да Фаддеев, ай да ухажёр! Вот тебе и "деревня"!

— Милейший, откуда это чудо?

— Это, Вашбродь, из Африки, что на горе

Это чайные-то розы!

Глава 34. КАПШТАТ И РОГА

Исследование Африки было делом серьезным и ответственным. Заинтересованные члены миссии, согласовав мероприятие с адмиралом Путятиным, отправились на двух фурах вглубь

Чёрного континента. Прихватив сменную одежду, тронулись в путь среди гранитных скал, едва покрытых зеленью. От Саймонсбея до Капштата — тридцать шесть вёрст или пятьдесят четыре километра. По пути видели несколько бедных хижин из камня, а также из костей китов! Не мудрено, так как камень и отходы китового промысла здесь ничего не стоили, да еще материала было великое множество. В этих жилищах укрывались от зноя и солнца. В южном полушарии календарь указывал на зиму, пусть даже на её окончание. Но жара стояла почище нашей июльской.

С английской педантичностью устроители нашего маршрута поделили его пополам. "Halfwau" — висела вывеска над заведением чревоугодия, что в переводе означало "половина пути". Роптать никто не стал, на свежем горном воздухе аппетит нагуливался эффективней. Чтобы скрасить ожидание снеди, хозяева предложили прогулку по саду. Здесь программа обеднялась лаконичным сообщением "В саду ничего не трогать без разрешения садовника". Хотя кроме кормовых бананов, недозрелого винограда и жиденькой капусты тут цвели только огурцы. Созревшую кукурузу уже поспешно убирал негр. Фиговые деревья обобрали раньше. Оставался ненормированный свежий воздух Драконовых гор. Были и цветы в ассортименте.

На столы подали еду холостяка: яичницу с холодной солониной (но, увы, далеко не нежную телятину), сюда же добавили горячую и жёсткую ветчину. А чтобы уровень сервиса был окончательно схож с европейскими забегаловками, на стенах вывесили дешёвые репродукции картин на гастрономические темы в деревянных рамках, чем-то похожие на лубки. Воображение посетителей должны были поразить фантастические баталии, где копыта лошадей вздымались к облакам, а всадники с умиротворением всаживали клинки в своих врагов. В любой позе сража-

ющиеся были представлены с вывернутыми в зал улыбающимися физиономиями. Альтернативы упомянутой закуской не усматривалось даже в пяти часах езды.

Устроители учли и цены на услуги. Они соответствовали количеству звёзд отеля, исчисляемых в созвездии Южного Креста. Не дождавшись десерта, посетители согласились посмотреть экспонаты в фойе. Уж здесь-то было всё и на любой вкус: чучела дичи и зверей; умиляла головка оленя, схожая с козлёнком; грация чучела могла соперничать с юной, девичьей. В противовес, по углам торчали устрашающие рога буйволов, из голов которых можно было изготовить холодец на большую свадьбу.

Послеобеденный отдых был заменен моционом по знакомому саду. Сама гостиница со спальным залом ещё строилась, а в подсобке на оплаченных заранее кроватях дремали цветные рабочие. Умиротворяли деревья вдоль дороги. Их кроны временами смыкались над фурами и создавали бодрящую прохладу. Жаль, но многую экзотику скрадывали кедры, тополя и даже родные русскому сердцу дубы. Попросили возницу сделать остановку для обозрения Констанской горы и позже — древней часовни. И тут же отметили, что любое обращение со словом "please" требует мзды в восемь пенсов. В начале шоссе — мзда, остановка — опять та же сумма, в конце пути — непременно.

Глава 35. СТОЛОВАЯ ГОРА

Наши фуры по бортам имели качественное покрытие из кожи. Крест — горы и небо, глазей без единого цента убытка. Были несказанно рады сразу трём возвышенностям на горизонте. Длинная, пологая, в виде седла, с выемкой у середины; другая очень высокая, с площадкой у вершины и обрубленными краями, как у сундука. Третья напоминала островерхий карьер с началом

выработки у основания. За восемь пенсов малаец-проводник заученно изрёк: "Львиная гора" (что с выемкой), "Столовая гора" (сундук) и "Чёртов пик".

Русская миссия в своем большинстве побывала среди этих реликтов: ушли в сапогах, вернулись практически босиком. Все прогулочные и подъёмо-спусковые дорожки были усыпаны остренькими осколками гранита, что громоздился вокруг. Аборигены, как могли, облагородили окружающий ландшафт мириадами цветов и кустарников. Среди кущ проложили экстравагантные тропинки. Проводники здесь сновали беспрестанно. Потоками туристов управляли умело и с виду совершенно ненавязчиво. Пришлось пройти и через капштатский общепит.

Не успели гости сдать вещи, как их буквально под локотки повели через гостиную в столовую. Сумрак и прохлада освежили путников, но предыдущие яичница с солониной всё ещё не изгладились из памяти, и не только из нее. Никто и не ожидал сюрприза. Официанткой служила девушка божественной красоты, ну прямо африканская Юнона. Все столпились у окна из гостиной в зал обслуживания. Там моряки лицезрели нечто бесценное: грацию и невинность в чистом виде! Что было подано на столы, никто даже не замечал. Лишь на мгновение мужчины пришли в себя, когда сильфида (бабочка) неслышными шагами обходила столы и получала заслуженные фунты стерлингов, говоря на выдохе "сэнк-юу".

Посетители выходили в сторону гор и сада вполоборота: в окне трапезной всё ещё угадывался дивный образ. Взбираться на вершины не решились. Подошвы сапог были куда мягче гранитной крошки аллей. Тем более что горы и отсюда можно было рассмотреть без особых проблем. В эдакой близости всех поразила громада Столовой горы. Солнце обливало её лучами, а на самом верху вальяжно улеглось почивать белоснежное облако-хамелеон.

Да и сам Капштат с выбранного туристами места был виден как на ладони: чисто английские постройки с улицами под прямым углом. Зелень преимущественно у ферм. Далее всё иссушили ветры с моря и гор. Ветер, песок, зной, чахлая трава. Несколько воодушевляло присутствие биржи, да и вдохновлял дух цивилизации: стены были оклеены тысячами объявлений, рекламой.

ЖИВУТ ЖЕ И В АФРИКЕ

Глава 36. МОРЯКИ, СИБАРИТЫ И ИССЛЕДОВАТЕЛИ

Пребывание русской миссии в Капской республике было ей явно не в тягость. На "Палладе" же шли ремонтные работы, и офицерам было не до развлечений. Почти все из них побывали в Индийском океане, пересекая двадцатый градус восточной долготы. Именно здесь, да ещё у мыса Горн, более всего канули в бездну тысячи кораблей. Здесь встречались стихии двух океанов: Атлантического с Индийским и Тихого с тем же Атлантическим. Сможет ли русский фрегат одолеть коварный Индийский океан?

Палуба корабля с первых дней была завалена изношенными донельзя деталями рангоута, кусками парусины, аварийным лесом и материалами. Ремонт шёл в авральном темпе. На поздние месяцы ожидался неутешительный прогноз. И это на фоне того, что здешний регион Индийского океана считался одним из самых коварнейших на всей акватории Мирового океана.

Капитан-лейтенант Унковский и старший офицер Бутаков выкладывались по полной, буквально спасая корабль. Прежде

всего, они искали предаварийные и откровенно прогнившие места в бортах с метровым набором по ватерлинии. Перебраться такую толщу даже в доке весьма сложно. Подчас матросы спали там же, где их застала ночь, либо смертельная усталость. Того же состояния нередко достигали и офицеры.

Съехавшие с "Паллады" в Капштат, и еще глубже в Африку, штатские участники экспедиции имели задачи не менее сложные, хотя и не столь тяжелые физически. Юг Чёрного континента время от времени полыхал пожаром войн. Виной тому в большой степени были вездесущие англо-саксы, голландцы. Благополучие местного населения — племён финго, мозамбик, зулу, готтентотов, бичуан, малайцев и многих других — не интересовало пришельцев. Здесь они были если не рабовладельцы, то откровенные феодалы.

Аборигены не владели грамотой и главное, имели тёмный цвет кожи. Следовало изучить жизнь бедствующего населения с тем, чтобы, пусть и в будущем, они смогли не только управлять быками, таскать грузы на иностранные корабли и мести пыльные улицы. И таким образом помочь аборигенам найти пути к образованию детей, налаживанию земледелия и овладению в свою пользу естественными богатствами своей земли

Но все материальные ценности, а, следовательно, и власть, были в руках белого, привилегированного населения. А пока стройный негр-мозамбикец выступал в роли носильщика и тащил тяжелый тюк на плечах. Он мог заниматься и другим делом, но шансов у него нет. Другой пасёт быков хозяина, хотя сам мог быть фермером. У пыльных кустов, прямо на земле, торгует какой-то дрянью чёрная, безобразная старуха, рядом, ещё более убогая женщина просит милостыню. Мальчишки и девчонки разного цвета кожи бегают толпой, хохочут, плачут, дерутся. И тут же дефилируют прекрасные, нежные создания — английские женщины. В прохладной тени кареты едет истый англичанин, на породистом рысаке скачет белый сэр, явно наслаждаясь жизнью.

Англичанин сидит в обширной своей конторе или магазине, на бирже, хлопочет на пристани. Он — строитель, инженер, плантатор, чиновник; распоряжается, управляет, то есть работает как белый. У чёрных иная участь: быть униженными, угнетёнными, обделёнными.

Сам город чист. Стоит уделить внимание и зеленеющим склонам горы-льва. Там внимание Ивана Александровича привлекло необычное сооружение. "На крестце его вертелся телеграф, разговаривая с судами". Здесь следует сделать оговорку в связи с неточностью этого утверждения. Изобретение телеграфа относят к 1789 году, но это был флажный телеграф. На шесте же ничего не могло вращаться, а перемещались лишь поперечины.

К приходу российского фрегата, здесь, помимо всего прочего, функционировали два издательства. Они выпускали газеты и даже альманахи. На прилавках можно было увидеть всевозможные брошюры и книги. Конечно же, всё читиво предназначалось грамотным, а чёрное население было лишено такой возможности.

В домах за плату пользовались чистой горной водой. Кроме чёрных и малайцев довольно часто встречались люди с коричневой кожей и манерами, более смахивающими на французские, а то и английские. Свидетельство смешивания кровей переселенцев Европы с африканками. По загадочным причинам эта "полураса" чуждалась цивилизации, хотя на самом деле, если следовать логике, они должны были поступать наоборот. Они чужались оседлой жизни, предпочитая почти пещерный быт. Их жилища всегда терялись среди кустов. По-голландски, "буш" — кусты. Так и прозвали их "буш-менами", "людьми из кустов". Ни дать, ни взять — наши цыгане, только ещё ниже по укладу жизни. Ловля рыбы (часто из чужих сетей), охота и воровство быков с пастбищ... Поди, отличи их от диких туземцев, чтобы уличить в воровстве.

Глава 37. АНГЛИЙСКИЙ ОБЕД

Устав и наглядевшись всего как в самом городе, так и окрест его, возвратились в гостиницу. Да, в ту самую гостиницу, где, судя по оплате, всех обслуживали по высшему разряду. Первое посещение зала приёма пищи с заветным окном и, чудным образом, появление в нём сильфиды-феи Каролины врезалось в память большинства, если не навсегда, то до отплытия наверняка.

Зайдя в отведённую писателю комнату, Гончаров отметил отсутствие в ней "звездности" с любой точки зрения. Длинная, мрачная, но с высоким потолком и отсутствующим стеклом. Колченогий ореховый стол окружали разномастные стулья. Гвоздём сервиса была широченная кровать под весьма несвежим балдахинном. Композицию завершали обрывки обоев и рыжее пятно под потолком. Сиротливо стояло посреди стола, бывшее доселе экспонатом чулана старьёвщика, маленькое зеркало. Рамка к нему имела то же происхождение, но была на дюйм длиннее. Имелось ввиду, что клиент будет намерен побриться.

Иван Александрович пнул в сердцах вещевую сумку, но сообразил, что вряд ли на всём побережье ему предложат нечто лучшее. Не устраивать же на этой почве скандал на уровне посла! Позвал местного стюарда: "Филипп, подите сюда!" На зов вышло нечто угреватое и подслеповатое лет двадцати, но с белой кожей (фирма!). В нос ударило мочой псарни. Видно, хозяева использовали его и там, по совместительству. "Воды мне! Бриться!" — едва сдерживая себя, вопрошал секретарь. Слуга, отчеканив: "Ес, сэр", провалился, кажется, в никуда.

— Фаддеев, родной, спроворь побриться!" — теряя надежду, закричал Гончаров.

Едва побрившись, писатель с немим негодованием открыл дверь запоздавшему стюарду, который вошел с полотенцем, но без воды. Иван Александрович счёл благоразумным лишь лако-

нично выдавить из себя: "Щётку для платья!", услышав в ответ заученное "Ес, сэр". После чего Филипп исчез окончательно. Верный Фаддеев, к счастью, всё исполнил быстро и вовремя.

Вдруг раздался звон! Спустившись в сени, Гончаров увидел звонаря: это был чёрный малаец, мотающий колоколом. Подросток от усердия зажмурил глаза и даже присел. Но почувствовав, что явно перебрал, он водрузил инструмент на стол, разжав ладони, и опрометью побежал в столовую. Очевидно, в его работе это был кульминационный момент.

В зале заседали только наши и несколько человек из местных. Как выяснилось потом, один из них был полиглот, кулинар, доктор Ведерхед из Ост-Индийской военной компании. Джен-тльмен был бесспорно умён. Нет, он не поучал и не отмалчивался Доктор живо, ненавязчиво поддерживал беседу на любом из предложенных языков.

Стол изумлял своей сервировкой. Стояло более десятка накрытых крышкой блюд. Рядом с писателем поставили супницу, рассчитанную на полутораужинную компанию. Так что Ивану Александровичу пришлось невольно стать "супочерпием" или бачковым, если по-флотски. После дележа первого блюда с лихвой хватило бы ещё на всю прислугу! Отметив, в этом смысле, "способности" писателя, ему пододвинули блюдо с ростбифом. Но вот незадача! Ножик, бритвенной остроты, ушёл в нежное мясо так глубоко, что скрылась рукоятка. Едок был явно озадачен. Выручил барон Криднер: с ловкостью фокусника он извлёк нож и легко распластал мясо на тонкие пластинки.

Следовало бы отдать должное предкам англичан в создании рецепта этого поистине изысканного яства — ароматного чуда из трёхкилограммовой вырезки мяса молодого быка, запечённого особым способом и сдобренного специями из Индии.

Далее подавались шримсы из креветок, жаркое, рыба, карри... Пиршество набирало обороты, и официант Ричард носил-

ся, предугадывая очередные желания гурманов из России. От обилия поистине жгучих и коварных приправ обжигало рты. Приходилось литрами пить родниковую воду. Но Ричард виртуозно распознавал значения гримас и жестов едоков, ибо говорить они, даже на английском, были не в состоянии. А когда с блюдами было покончено, Ричард с недоумением взирал на непочатые бутылки вина.

Пауза не затянулась. Мгновенно стол предстал в новой сервировке, с маленькими тарелками, вилками и ножами. Принесли в вазах виноград, арбузы, груши, гранаты, фиги... Ричард и тут не оплошал, подавая каждому то кисть целиком, то дольку граната, а то и фигу (в их понятии, конечно). Пирожными восхищались позже. Далее удивили яичницей с вареньем, сладким пирогом и мини-пирожочками с кремом в придачу. Но, даже когда и с этим управились, а Ричард отнёс на кухню всё оставшееся, отпотевшие бутылки с рюмками остались на прежних местах.

По желанию разносили кофе, взывая плату, а скорее дань, за пребывание в стране капских предков. Гончарову, любителю чая ещё по Симбирску и знавшему толк в этом напитке, его и подали. Хлебнув плоток в предвкушении блаженства, он поставил стакан на стол. Жидкость оказалась мутной и далекой от вкуса настоящего чая, будь он чёрным, зелёным или настоящим на травах.

Ричард принял растерянность клиента за недостаток сахара в напитке и тут же всыпал в стакан пару ложек песка. Чай стал ещё мутнее и отвратительнее. Но индивидуальный счёт в четыре шиллинга (вот она, халява по-английски!) секретарем уже был оплачен, впрочем, как и всеми другими любителями чая из России. "Бог с ними, пусть будет и на этой земле для желудка праздник и сатисфакция за сухую солонину!" — подумал секретарь и решил потешить себя созерцанием мисс Каролины, но места

на диване у окна были уже заняты. Плотным строем там разместились путешественники-исследователи.

"Добрый вечер, господа!" — обратился к ним с приветствием джентльмен благообразного вида, с приличными бакенбардами, представившись Вандиком.

"Не иначе как, переселенец из Голландии... Потомок тех самых знаменитых живописцев!" — подумал секретарь. — Он, конечно, пришел познакомиться с нами, редкими гостями здесь, как и тот майор, адъютант губернатора, которого привел сегодня утром доктор"...

— Проводник ваш по колонии, меня нанял ваш банкир. В вашем распоряжении два экипажа с восьмью лошадьми. Когда угодно ехать?"

— Завтра и пораньше!

Глава 38. НЕКИЙ РОМАНТИЗМ ДО ГРАНИЦ ВЛАДЕНИЙ

Скрипя и переваливаясь, проехала фура с хлебом. В упряжке степенно шествовали быки. Странно, как в подобных фурах, влекомых быками, могли ехать еще и люди... В городе с подобной транспортной системой благополучно функционировали фабрики, заводики, продукция коих пользовалась спросом. Так что у Африки окраина была вполне цивилизованная. И это при том, что активная часть мужского населения воевала за свои гражданские права где-то там, на севере республики. Арендованные кареты предполагалось использовать для того, чтобы как можно больше осмотреть земель Капской колонии. Ее историю, ее нравы, обычаи и культуру мало кто ведал в Старом Свете. Разве что деловые люди представляли ее как рынок сбыта в цифрах дохода и расхода.

Природа в пригороде почти не менялась на протяжении многих десятков миль. Наименьшими по размеру и наиболее резвыми в поведении пернатыми были колибри. Словно брызги, они перелетали с одного куста на другой.

Дальше последовало приглашение на обед. Иван Александрович продолжал беседу с Ведерхедом. Более всего того интересовала тема военной службы и положение в штатском обществе после ухода в отставку. Получив разъяснения, доктор отметил разительное отличие русских военных от английских.

"Скромность, знание приличий... Извольте ли, английские офицеры, не успев сойти с корабля, перевернули недавно вверх дном весь отель! А напились так, что многие не смогли встать, падая на пол. Наряду с тем, вы тоже долго были в морях, но не потребили и одной бутылки! Наши же, отъезжая на охоту при индийской жаре, пьют водку. Днём рыщут по зною и выпивают по несколько бутылок портвейна. А вернувшись к обеду, изволят потребить ещё несметно. Под старость, неимоверно растолстев, начинают лечить подагру и прочие немощи"

"Да вот, не хотите ли теперь? Пойдёмте!" — предложил доктор посетить бильярдный клуб.- "Там интересные люди, газеты, журналы, есть и буфет..." Войдя в бильярдную, Ведерхед указал Гончарову на двух потенциальных знакомых бильярдистов, превзошедших своим мастерством почти всех членов клуба. Один из них, по богатству, был просто Крез. Исчерпав все варианты утешить одиночество, Иван Александрович неслышной тенью отбыл в свою обширную келью с выбитой форточкой. Но писателя осенило: "А не возвратить ли в лоно гостиницы под благовидным предлогом всю родную сердцу компанию!". Минут через пять он уже известил Посьета о накрытом чае у старухи Вельх (и Каролины, разумеется!).

— А кто сообщил?

"Сдаётся, это был барон. Но чай-то стынет, давно, поди, ждут! Кабы не убрали..." — ответил секретарь.- "Идёмте за компанию, да позовите наших!".

Вельч с Каролиной, зеваючи, созерцали звёзды. О чае спрашивать было неуместно. Тут Посыет, смеясь, начал уверять, что разгадал хитрость Гончарова.

Предобеденное время прошло в сборах и предвкушении странствий. Как и было обещано губернатором, потом были поданы прекрасная пара карет с восьмёркой лошадей. Челядь, переполненная эйфорией, возглашала на английском: "Счастливого пути, господа!"

По известному закону тут же заморосил дождь. Сытный обед, благие воспоминания о заведении госпожи Вельч и её прекрасной подопечной навевали сон о первопроходцах-колонистах. Это они торговали у кафров шкурами львов, зебр, буйволов, рогами носорогов. Это они в обмен на "огненную воду" и порох брали дармовые земли под фермы. Это они пролили первую кровь туземцев, загнанных в угол нищеты.

Что же представляла из себя Капская колония? Река Кейскама ограничивает её с севера. Аппетиты колонистов двигали сию черту произвольно и не бескровно. Механизм был прост. Узурпаторы за баснословные цены сплавляли огнестрельное старьё и порох аборигенам, положим, за часть убитых буйволов, бегемотов, антилоп... Затем, накопив оружие и боеприпасы, негры целыми племенами уходили в хорошо знакомые им горы и грабили колонизаторов. Но чаще верх одерживали пришельцы. И вино, возделываемое руками наёмников-рабов на виноградниках, мясо, рыба, шерсть и прочие несметные богатства уплывали в Европу, обогащая плантаторов, фермеров. Всё это можно выразить в цифрах: в статистике убиенных, замученных чернокожих, в миллионах фунтах стерлингов, в тысячах тонн вывезенного сырья, товаров, а в последующем — руды.

Естественно, сюда "ввезли" и религию как инструмент колонизации. И уехать, перебраться куда-либо аборигенам стало почти невозможно. На севере Капских владений властвовали те же англичане, либо голландцы. Была даже попытка усмирить туземцев административно, создав Британскую Кафрарию. В итоге все местные "национальности" десятками тысяч "переквалифицировались" в виноградарей, булочников, дворников, слуг, камнетёсов, проводников и кучеров. Именно так преобразовывалось местное население с 1493 года, когда португалец Диаз открыл в эти земли дорогу колонизаторам.

После него кого только здесь не побывало! Немало из "интересующихся", в бухте и её окрестностях, сложили свои головы, надеясь на радушный приём готтентотов и иже с ними. Единственные, кто нашёл себе приют поблизости от океана — это разного рода изгои из Аравии, а то, может, и из Китая. Цвет кожи у них был далеко не чёрный. Якобы они были пришельцами. Но исследователи утверждают, что в этих землях, равно как и в других регионах Африки, они проживают "без прописки" более 30 000 лет.

Так и повелось, верх взяли англосаксы, за ними вторым номером прижились голландцы. Они здесь хозяева навсегда. Английское правительство умело оценить независимость и уважать права этого тихого и счастливого "уголка" и заключило с ним в январе 1852 года договор о независимости буров.

Глава 39. КАРТА МЕЧТЫ

Весело и бодро мчалась экспедиция под тёплыми, но не палящими лучами солнца. И совершенно незаметно, выехав из очередных кустов, оказалась окрест Веллингтона. Голландский порядок здесь чувствовался даже в природе, среди дубов и виног-

радников. В посёлке было до сотни домов. Проехав палисад из кактусов, Вандик воскликнул: "А вон и он, мистер Бен!" За изгородью показался высокий и плотный мужчина. "Пойдёмте к мистеру Бену!"

На востоке уже проглядывали звёзды, а за дубами на западе баловал разноцветием закат. Барон предложил нанести Бену визит. Поначалу возникло разногласие на почве позднего времени, но тут вбежал слуга и сказал, что мистер Бен желает всех видеть. Следом за этим к обширному столу вышел хозяин, где ему было вручено рекомендательное письмо банкира, подтверждающего нашу платёжеспособность на территории данного государственного образования.

Пока подавали ужин, коллеги писателя не теряли время зря. Тем более что и сам Бен завёл речь о геологии, репутацию в этой области он уже возымел в самой Англии. "Я покажу вам свою геологическую карту. Она уже имеет хождение в географических исследовательских кругах Англии". С тем и удалился в свои архивы на четверть часа. По истечении времени Бен вынес огромное полотнище с тщательно вычерченными или вырисованными горами, перелесками, домами, дорогами, реками, водоёмами, от самых дальних границ капских владений до мыса Игольный включительно. Это был пятнадцатилетний труд героя-исследователя. Здесь было отмечено всё: грунты, скальные образования, флора, фауна. В его коллекции были даже скелеты животных и гербарии растений. И всё это он свершил один, безо всяких ассистентов! Далее он поведал много интересного из своих путешествий по колонии, где жил с ранних лет.

О встречах с тигром он рассказывал с отменным юмором. Хищнику сделали засаду с самострелом, расширив лаз. Но полосатый одолел забор прыжком и, отобедав буйволятиной, таким же макаром покинул ферму, как будто и не заметив сделанный для него широченный лаз. Такое вот животное!

Нечто подобное случилось и при охоте на носорога. После выстрела монстр ударился в бег, охотники бежали за ним, но позже заметили почти рядом с тропой двух львов. Хищники снисходительно созерцали неудачников.

Бен также принимал участие в междоусобной войне племён. Его вынудили, и он стрелял холостыми. Ну а коли противное племя не разумело в огнестрельном оружии, то при первых же выстрелах ретировалось куда подальше. Пленивший и понудивший его к стрельбе вождь с почестями проводил географа с наградами.

Вечер был украшен негритянскими плясками. Барон было возжелал пообщаться с живым бушменом, на что Бен ответил отказом: народ неконтактный, коварный. Потом все ездоки отправились спать. Назавтра они намеревались встать пораньше и миновать ущелье засветло. Беспокоиться было о чём: гора Гринберг (Зелёная гора) то сходилась с соседствующей скальной стеной, делая дорогу невидимой, то вдруг открывала узкий карниз над пропастью. Сама дорога показывалась где-то вверху, и к ней между скал вдруг обнаруживалась почти крутая тропа-змейка.

Барон почти шёпотом спрашивал возницу Вандика: "А есть ли дорога дальше?" В ответ парнишка крутил кнутовищем над головой и что-то лепетал утвердительное по-голландски. Местами стали проглядываться отроги островерхих скал. Вошли в сплошную облачность. Негры, набросив сзади кожаные лямки на плечи, удерживали кареты от сползания в пропасть. Глубоко в ущельях текли реки среди буйной растительности. Но вот дорогу преградили: под охраной голландских солдат туземцы торили дорогу на север. Привлёк внимание густо заросший лог с претензией на уютную долину. Среди неё расположился домик на три-четыре квартиры. Здесь изначально жил наш географ Бен. Не без его начала строили и эту дорогу.

Дорога стала шире, но стала подниматься ещё круче. Открылась чудесная панорама, после чего коллежский ассессор Гошкевич решил сделать несколько фотографических снимков и взять образцы камней. Мистер Бен, пользуясь остановкой, попросил каждого дать свои визитные карточки. Посыет завёл с Беном беседу, а Гончаров ускорил шаг, дабы размять ноги от долгого сидения. Коллеги ускорили ход по отлогой части дороги и обогнали писателя, остановившись где-то за поворотом на плато. Гончарова же заинтересовало здание с решётками и охраной у ворот. Это была местная тюрьма. Небывалая удача: здесь были собраны разноплеменные аборигены: финго, мозамбики, бичуаны и сулу — самые чёрные, но и самые красивые по телосложению африканцы, настоящие Адонисы здешних мест. Поодаль в цепях стояли кафры и гогентоты — эти почти шоколадные, но не такие изящные, хотя и выше ростом других своих соплеменников. Среди них были и скотоводы, и земледельцы, и слуги, и разнорабочие.

"За что сидят эти преступники?" — спросил у подошедшего конвоира секретарь. "За воровство, сэр!" — отвечивал тот в виде рапорта. "А за убийство есть?" — переспросил исследователь. "Вон, у забора, бушмен, с войны этапировали". "А кроме него есть бушмены?" "Нет, господин, к нам бушмены и убийцы не попадают!"

Нашедшийся бушмен-убийца был безобразен, мал ростом, морщинист, старческого вида; его речь состояла из прищёлкиваний и гортанных нот. Судить о его умственных способностях на основании столь мизерного запаса информации не приходилось. С позволения охранника, Иван Александрович узнал имена арестантов. "Соломон, Каллюр, Вильденсон, а то и вообще Дольф! Безусловно, имена им дал местный священник. Но самое интересное было то, что туземцы куда охотнее работали на солнце-пёке, нежели в тенишке.

Каждый из исследователей на этом участке пути обогатился немалым объемом данных об этом интереснейшем уголке Земли. Информацию закрепили сытным обедом на лоне гор и... тюрьмы.

Горы становились всё мрачнее, а пропасти всё бездоннее. Один из экспедичан, Павел Алексеевич Зеленой, дабы нейтрализовать свой страх пред горными урочищами, спросил невольно: "Есть ли здесь животные?". Но Вандик лишь ухмыльнулся: "Если обезьян, то их здесь сроду была тьма. А тут куда-то запропастились. Обычно стадами скачут за дилижансами или каретами".

"А что, любезный Павел Алексеевич, во Пскове эдакие пропасти случаются?" — как бы ненароком поинтересовался секретарь у Зелёного. "Господь с Вами, любезный Иван Александрович, да такой напасти и в Симбирске не слыхивали!" Импровизацию поддержал барон: "Что касаясь животных, то здесь процветает редкая, но свирепая популяция тигров. Их шкуры можно приобрести на всём пути следования. И весьма недорого. Но несложно добыть и самому. У Вас, Павел Алексеевич, извиняюсь, на кого ружьё изложено?". Растерянность Зелёного рассмешила даже Бена.

"Господа, водопад! Боже, какое великолепие!" — воскликнул было вздремнувший Иосиф Антонович Гошкевич. Прямо перед экипажем всеми цветами радуги искрился водопад. Каждый его каскад и отдельный мощный поток просто завораживали. Спустившись вниз, вновь проскрипели по подводным камням той самой речушки, что была водопадом там, наверху. Вандик с кем-то уточнял дорогу в крошечной темноте. И, о счастье! Пред путешественниками воссиял огнями отель города Устер.

Глава 40. МЫШИ В БАЛДАХИНЕ

В гостинице Устера отдохнули по-английски и по-русски одновременно, будто предчувствуя конец странствиям в Африке. Гошкевич умудрился кромешной ночью, после ужина, наловить лягушек и кузнечиков, но окончательно не смог сориентироваться в темноте и чуть не заснул на лоне природы в поливочной, поросшей мхом, канаве. Здоровяк Бен в содружестве с миссионерами определили Иосифа Антоновича во флигель, сменив платье на мохеровый халат. Полненькая служанка, голландка, обещала выгладить камзол к утру. Секретарю определили покои по статусу не ниже герцога либо шаха ближневосточного, шириной на четыре персоны и, кажется, с парчовыми (во тьме толком не разглядеть) балдахинами.

"Его величество" уже предавался грезам полуночным, как его пытлиное ухо услышало крадущуюся поступь... по балдахинам. Шаги перевоплотились в шаловливый бег с повизгиванием, не то попискиванием. Бегущих прибавлялось всё больше. Свеча была погашена. Опыт подсказывал: мыши! Сознание вторило: спи! Бедняга пытался вспомнить представителей королевской семьи и их действия в подобных ситуациях, хотя бы того же Стюарта. Трижды обошёл балдахин. Запрыгнул на пуховики, но тут же скатился назад. Улёгшись на краю, прислушался: тень монарха словно шуршала балдахином, пытаясь водрузиться на одре. Мало того, кого-то чёрт принёс под окна, и тени метались в пляске.

Утром вся честная компания с трудом разбудила писателя. "Господа, куда же ехать!? Какие и кому в Устере делать визиты?". Встав и выйдя в поле, писатель увидел всю красоту пейзажа гор, коими окаймлён Устер. Барон, Посьет и Гошкевич поехали верхом, остальные в экипажах. На прощание, у Змеиной горки, увидели птицу вроде нашей цапли. "Птица-секретарь! Лапой

дробит змее голову!" — сообщил кто-то из попутчиков. На одном из горных плато сфотографировались.

По дороге заехали попрощаться с хозяйкой первой гостиницы на капской земле госпожой Вейрих и незабвенной Каролиной. Невзирая на все перипетии, за прощальным столом собралось более двадцати человек. Русские покидали Капскую республику, ставшую за это время близкой и понятной. Запакованы были в плавание и грузы.

Фрегат "Паллада" уже был готов выйти в океан. Лошади кое-как плелись по песчаной отмели, по которой раскатывался прилив. Чуть вал накатывался сильнее и обдавал шумной пеной колёса экипажа, лошади фыркали и бросались в сторону. На другой день, ушла и "Паллада". Было тихо и хорошо. Но надолго ли?

ВОЙТИ В БУРЮ

Глава 41. СЕГОДНЯ И 160 ЛЕТ НАЗАД

Время неумолимо. Прошло 160 лет. Что изменилось с тех пор? Океан продолжает таить в себе титанические силы, перед которыми подчас не может устоять в единоборстве ни одно даже самое современное судно. Это не приговор в океан выходящим, это — констатация фактов. Просто в нынешние времена у Нептуна, вкупе с Эолом, гораздо меньше шансов пустить души морские в пучины безмолвные. И это условно и с натяжкой: металлический корпус погружается куда стремительней деревянного. А посчитать корпус на излом меж двух волн: кормовой и носовой? Хрястнет за милую душу, коли угадает по мидельшпангоуту, конечно.

Что касаясь волны покруче, прозываемой "убийцей", то и молитву прочесть не удастся. Не минет и минуты, как вся подпалубная внутренность превратится в аквариум для приличного косяка рыб со всеми коммунальными услугами, кроме вентиляции.

Надо заметить, что за прошедшие годы планета Земля ещё более ожесточилась против деяний человеческих. Читая древние манускрипты, мы нигде не встретим даже упоминаний о "волнах-убийцах" — до тридцати метров высотой, и соответствующими десятиметровыми впадинами и воронками. Были обширные упоминания о водном катаклизме под названием "Всемирный потоп". Но это в кои тысячелетия! А теперь мы только о цунами слышим по несколько раз в году! И едва ли сравнится "жиденькое" извержение Помпеи с тем же Кракатау!

Вряд ли кому придётся по вкусу, ежели в его жилище будут гадить повсеместно, да с каждым разом всё изощрённее. По этому поводу можно привести немало фактов: как стали дуть ветры у Скандинавии в связи с событиями в Северной Корее или начали истекать лавой вулканы Камчатки при входе в Средиземное море очередных авиаударных групп, с двумя десятками кораблей сопровождения. А сколько вреда приносят сейчас очередные ядерные испытания! Хороша картинка?

Ставим задачу слетать на Марс, но помалкиваем о загрязнении самого великого Тихого океана, на 75 процентов акватории, отходами пластмассы в виде бутылок, сетей, тары... Редко у какой акулы не выудишь из желудка явно не пищевые отходы. Но ведь они же, отходы, поглощаются как фауной, так и флорой в виде соляра и радиоактивных отходов. А указанную живность и травность суждено отведать нам и чадам нашим во имя искривления генного наследия.

Наши предки мореходы уходили за горизонт во имя благих целей. Те же участники похода на "Палладе" исследовали новые земли, налаживали торговые связи, рискуя своей жизнью куда более нас с вами. А мы? Может, настала пора главенствующей задачей поставить сбережение добытых предками богатств? И тем самым помянуть труды праведные, что не все и не токмо ради живота своего насущного совершены пращурами нашими. "Камо грядеши днесь, миряне?" — наверное, так обратились бы к нам наши предки, если бы ведали.

Куда идёте сегодня, люди?

Глава 42. ПРИВЕТ ОТ МЫСА БУРЬ!

Таким же ранним, как 160 лет назад, но июньским утром 1967 года, наполнив свои цистерны из танкера "Водолей" Владивостокского пароходства, мы, советские моряки Тихоокеанского флота, тронулись в дальнейший путь. Свой танкер содержать в чужом порту дешевле, нежели арендовать у тогдашнего Южно-Африканского союза: платим лишь за воду и... Южный Крест. Тем более что в 1956 году между СССР и ЮАС дипотношения были разорваны. Но питьевую воду нашим траулерам давали официально.

А с водой и в ураган не так скучно дефилировать. Хотя шли мы галсами, сиречь как по ступенькам. Ветер, он и в Индийском океане ветер. Наша плавбаза и без парусов обладала значительной парусностью. Так что при действительно ураганном ветре и бог весть каком течении мы вынуждены были менять курс почти на 90°. Теперь приведём некоторые дневниковые записи тех лет.

"Идём почти вдоль берега Африки, огибая мыс Игольный, или по первоначальному названию — "Мыс Бурь". Лишь через 70 лет, в 1486 году, Бартоломеу Диас, пережив все катаклизмы

на своем пути, обогнул Африку, доказав сообщение океанов. Самым коварным оказалось открытое позже сильнейшее течение, не позволившее в 1497 году продвижению вперёд, трое суток кряду, флотилии Васко да Гамма. А так называемый мыс штормов переименовали в "Мыс Доброй Надежды", дабы не отбивать охоту у торговцев и путешественников торить путь в легендарную Индию. Даже в нынешнее время, выйдя из Кейптауна, корабли спускаются до 38° южной широты, избегая встречного течения из Индийского океана и экономя топливо. Лишь самые мощные теплоходы идут намеченным курсом, всё-таки рискуя попасть в переплет. И это помимо штатного урагана со встречным ветром. Так что нелегко обогнуть мыс Игольный, где стрелка компаса ложится ровно на север. А кладбище кораблей тянется вдоль побережья на удалении миль на двести!

8 июня 1967 года. Изменили курс: идём на восток. Ветер попутный, встретили норвежский, английский и японский танкеры. Все следуют в Кейптаун. Ночью вода за бортом вспыхивает салютообразно — это встревоженные нами микроорганизмы. Видели китов, судя по фонтанам, две пары.

9 июня. Всё у той же Африки последний порт Элизабет. Прощай, Африка! Всё ближе к Мадагаскару. Отчётливо видны пальмовые кущи по окраинам лагун и выше в горы. Лагуны усеяны пляжными бунгало — это Форт-Дофен. Миновали остров Берд, для него не хватило места даже на карте лоций. Но от этого он не смотрится менее великолепно. Идём курсом 61° — прямоком к Маскаренским островам (Сен-Дени) и к острову Маврикий (Порт Луи).

11 июня. Верный признак вхождения в циклон: приличной высоты волна без особой причины. Ни тебе ураганного ветра, ни хмурых туч во всё небо, а крен под 20° на борт. Для корабля свыше 10 тысяч тонн сие многовато, коли при 25° подразумевается оверкиль (опрокидывание). А тут по радио сообщают, что мир готов сделать, руками янки, "оверкиль" на Ближнем Востоке.

16 июня. Так и есть: циклон не накрыл нас на 20° восточной долготы, так догнал на 50° В.Д. Солнце, теплынь, ветерок "бодрящий" в 5-6 баллов, но уже брызгает гребнями волн. К 17-00 океан преобразуется. Волны покрылись сорванной пеной. По небу несутся рваные клочья туч. Через четверть часа океан седеет от взбитой бешеным ветром пены. Это лишь прелюдия. Далее всё идёт по нарастающей: как ветер, так и волны. А буйствовать океан может неделями. Гнутся антенны, срываются шлюпки и катера... Можно описать, как гудят борта и переборки (перегородки), трещат стальные шпангоуты-рёбра и гнутся пиллерсы (трубы-стойки), аки солома. Грохот стоит невообразимый, не сравнимый даже с артоподготовкой! И каждый вал в сотни тысяч тонн может завершить ваши муки одномоментно.

Это в дни не столь давние. Но перейдём опять к старенькой, слегка подлатанной "Палладе".

Глава 43. А МЫ ПОЙДЕМ ЕЩЕ ЮЖНЕЕ

Итак, юг Африки исследован. Фрегат "Паллада", по мере сил и средств, отремонтирован. 12 апреля 1853 года было принято коллегиально продолжать начатый маршрут в Японию. Команда в сборе, миссия на борту в полном составе. Больных и раненых, слава Богу, нет.

По кораблю сыграли "аврал" для приготовления к походу и крепления имущества и вооружения по-штормовому. В каюту писателя прибыл вестовой Фаддеев: "Здравия желаю, Вашбродь! Вас адмирал желает видеть в кают-компании, предподходовый совет собирает". "Спасибо, голубчик, сей момент прибуду!"

Совещание начал Путятин: "Господа вахтенные офицеры, вы свободны и занимайтесь самым тщательным образом приго-

товлением фрегата к походу, вплоть до снятия с якоря и постановки парусов. Снимаемся тотчас же после совещания. Вы уже в курсе, но повторюсь. Штурманам все изложено досконально, карты выданы. От мыса "Доброй Надежды" предлагаю идти по дуге большого круга: спуститься до 38° южной широты и идти по параллели до 105° восточной долготы. Детали: 200-мильная береговая отмель и сильное встречное течение, преодолеть их мы сможем лишь южнее 38° южной широты. На рейд выведет буксир, там и паруса поставим. Молебен отец Аввакум отслужит перед подъёмом парусов. С Богом, господа!"

Далее всё шло по плану, и мыс "Добрый" не сулил плохого. Гончаров уместился в кают-компании и выбрал место посуше, ибо накрапывал дождь и потолок над головой местами явно протекал. Где-то там, наверху, то и дело свистали "риффы брать", и бывшему штатскому было ясно, что ветер крепчает. Мало того, рёв ветра уже долетал и до его уютного угла. Писателя пригласили на верхнюю палубу для полного обозрения и описания заурядного в океане явления.

Приглашения повторялись всё настойчивее, под предлогом, мол, чудесная картина: луна, молнии, шторм... Пришлось выйти.

— Ну, где ваша луна?

— Нету, в Америку ушла! Вы бы до завтра в каюте сидели!

Между тем, писатель, внимая просьбам, ещё минут пять всматривался в эту экзотику.

— Ну, как Вам, понравилась картина?" — осведомился капитан без малейшего подвоха.

— Безобразие, форменный беспорядок!" — отвечал художник слова, весь промокший и озябший под экзотическим ветром очень "южных" широт.

Не лучше встретили и утро первого дня Пасхи, обедая у адмирала. Шторм был где-то снаружи, но вдруг он пожаловал в кают-компанию, разбив стекло иллюминатора. Седой пеной Не-

птун передал таким оригинальным способом своё поздравление.

13 мая фрегат проплыл мимо необитаемого острова Рождества. Но и здесь не обошлось без чудес: из одной тучи рванул вниз самый настоящий смерч! Кто-то скомандовал: "Ядро в пушку! Пушку к бою!" Оказывается, для предотвращения козней смерча, надо немедленно стрелять. От этого выстрела смерч пропадает.

Поплутав между островами Индонезии — Явой и Суматрой, фрегат приютился на Анжерском рейде в сказочном обрамлении зелени и присутствии малайских зевак. Спросить бы наших ребят из Сибири: смогли бы они жить-процветать в эдаком саде-Эдеме?

Тут тебе и кокосы, бананов тьма, рыбы — вволю, всякой живности — есть, не переешь, пляжи — чистое золото, вода — что парное молоко стельной коровы, дамы "по жизни" ходят ни в чём. Может, с неделю и сдюжили бы ...А пока наши путешественники засуетились домой. Пусть на малайской таратайке, но ехать, а не млеть недвижно средь этого "рая". Так что, записал Гончаров, " прощайте, роскошные, влажные берега: дай Бог никогда не возвращаться под ваши деревья, под жгучее небо и на болотистые пары! Довольно взглянуть один раз: жарко и как раз лихорадку схватишь".

Глава 44. СИНГАПУР

Есть места на Земном шаре, где предначертано людям жить припеваючи. Это те же Портсмут, Кейптаун, Гонконг или Сингапур. Это как торговая лавка. Поместишь ее на перекрестье покупательских троп, будешь всегда в выигрыше. Стоит сместить точку на 50-100 метров, как дела пойдут хуже.

Сингапур занимает просто исключительное место среди рекрестий даже не троп, а океанских трасс. Синга-Пур: город-лев. Так же именуется островок, занимаемый городом, а заодно и речушка-ручеек. Отвоевываются, обычно, золотиносные прилавки-рынки у местного населения за понюшку табаку либо стакешек виски. Далее идут в ход кулаки: это конкурентам. Агрессивней торгашей, чем англичане, не сыскать на всем белом свете. Как только португальцы, либо голландцы, что-то изыщут, обустраивают, как мигом появляются англичане. И весь голландско-португальский труд идёт насмарку.

Довольно постранствовав меж островов и островков Индонезии, наш фрегат не без труда вышел на рейд Сингапура. При этом надо было учесть два фактора. Первым из них был риск "обесчестенными" отправиться к праотцам от рук местной мафии. В этом случае команде корабля туземцы обычно предлагали совершенно бесплатно, так сказать, для дегустации, восточные фрукты. В итоге все странствующие засыпали, чаще — навечно. Корабль грабли, оживших препровождали в рабство, судно топили за акваторией Явы.

Вторым фактором было царское задание миссии: максимальное исследовать торговые пути и рынки Дальнего Востока. Сингапур был своеобразным алмазом на торговом раскладе всего Юго-Востока и Европы. Или, образно говоря, "Парижем, стоящим мессы". Здесь жили набобы и бонзы всего мира и всех нардностей. Они обладали несметными богатствами на фоне вопиющей нищеты кули — носильщиков, и рикш — бегунов, развозящих по городам и весям любых состоятельных господ. Дворцы, с павлинами и золотыми рыбками в бассейнах, контрастировали со зловонными трущобами.

Утром 25 мая 1853 года фрегат окружила целая флотилия лодок, джонок и бог весть какого наименования плавсредств, доверху гружёных снедью, которой никто из русских отродясь не

видывал. Позже разузнали их наименования: ананасы (что наша репа, но безумно сладкая!), баньяны (теперь просто бананы), гранаты и ещё, ещё самые разные разности.

Торговцы лезли вперед, как полевые мыши в дырявый амбар, и матросам стоило немалого труда согнать их на ют и выдворить за борт. А какие физиономии на лодках! Смоляной старый индеец, заросший как Дед Мороз, но беззубый; краснокожий с отливом малаец; китаец с косою на макушке и с лицом скопца; опять вроде китаец, но совершенно лысый; толстый "мандарин" и ещё не перечесть. Наречия столь же бесчисленные. И все кряду, перебивая друг друга, просто умоляют купить у них хоть самую малость...

Огромные пакгаузы стоят угрюмо, запертые на замки. Но завтра придут корабли за ждущим их там товаром, и тысячи кули предложат свои услуги. Такими пакгаузами занято всё на суше и даже на плаву. Всё кипит торговлей. Возвращение на фрегат стало самым приятным моментом прогулки. Прямо на голову текли лучи звёзд, как серебряные нити. Но вода была красивее всего: вёсла с каждым ударом черпали чистейшее серебро, которое каскадом ссыпалось и разбегалось искрами далеко вокруг шлюпки.

На сей раз все шли назад под впечатлением сказочных богатств, умело представленных китайским бизнесменом Вампоа, безусловно, миллиардером, даже по тем временам. Возвращаясь на "Палладу", Гончаров наткнулся на какого-то француза, с которым разговорился о городе, о жителях, о стране. В конце беседы писатель не удержался от вопроса: "Как четыреста человек европейцев мирно уживаются с шестьюдесятью тысячами населения при резком различии их в вере, понятиях, цивилизации?"

Француз ответил, что полиция, которая большею частью состоит из сипаев, то есть служащих в английском войске индийцев, довольно многочисленна и бдительна, притом все цветные племена питают глубокое уважение к белым.

Иван Александрович заключил: "Я рад, что был в Сингапуре, но оставил его без сожаления; если возвращусь туда, то без удовольствия и только поневоле".

Глава 45. ГОНКОНГ И ЯПОНИЯ

Не будь нужды дипломатической и миссионерской, то Гонконг не превратился бы со временем в живописный прибрежный уголок земли. Вездесущие англичане узрели в этой части Китая опять-таки торгово-экономический кладезь. Сам же Гончаров размышлял так: "Собственно о Гонконге сказать нечего, или если уже говорить как следует, то надо написать целый торговый или политический трактат, а это не мое дело. Духота несуразная и полное отсутствие экзотики. Если в здешних местах, кроме болот что и есть, то это где-то там, в долине. Изначально недоумеваешь: и чего узрели в этих скалах рыжие англосаксы?"

Однако новые владельцы, заполучив остров, прежде всего, осушили болота и устранили эпидемию тропической лихорадки. Из португальской колонии Макао переселили желающих в обустроенное место. Таковых ежегодно становилось всё больше. Дешёвой рабочей силы в Китае было хоть отбавляй, а в совокупности с капиталом белых поселенцев, торговый ключ к воротам Китая был найден в кратчайшие сроки. В скалах возвели дворца и деловые конторы. Поток товаров окупил все расходы. И тут англичане не прогадали.

На "Палладу" то и дело наезжали с визитами деловые люди, священники, причём как из восточных регионов, так и из матушки Европы. Впустую адмирал Путятин деньги российские не вкладывал: подписывались всевозможные взаимовыгодные договора. Не были исключением на борту фрегата и китайские дипломаты и промышленники. Не сидели без дела наши географы,

филологи, натуралисты, завязывались связи. Посетили Богом обласканный корабль епископ и даже монах именитого монастыря. О промахе китайцев в сделке по Гонконгу адмирал наверняка намекнул нашим желтокожим территориальным соседям. Ведь этот укреплённый порт-крепость надолго, если не навсегда, станет бельмом на глазу у Пекина.

Вскоре фрегат взял курс на Японию. Секретарь натренированным ухом слышал: "Четвёртый риф брат! Рангоут, рангоут тяни, мать вашу!!!" Шторм крепчал не на шутку. Здешняя акватория всегда рождала тайфуны. Не ровен час, мог захватить и "Палладу".

Глава 46. ДОГНАЛ ТАЙФУН

Как бы там ни было, а поход близился к концу. Но Китайское море не спешило расставаться с русскими мореплавателями. За десять суток похода "Паллада" едва одолела три сотни миль. Океан держал свои козыри в рукаве. В команде начались разговоры по поводу худых примет в начале похода: должны же были нам аукнуться все эти предзнаменования с покойниками! Сутки сменялись другими, на фрегате ловили ветер и так и эдак, но ход оставался черепашьям. Да и он давался потом и кровью. Было решено уйти к островам Баши, что южнее, в надежде если не поймать ветер, то разжиться зеленью и водицей. Мореходы отзывались о здешних местах весьма положительно.

Ещё в Гонконге судачили о предстоящем урагане "тайфуне" (в переводе с китайского — "быстрый ветер"). Так вот, этот "быстрый ветер" разбивал в щепки о скалы любые корабли, а то и ломал их поперёк, и был щедр на утопленников. Во время недавнего разгула стихии утонуло до восьмидесяти судов. Впрочем, лодки тогда особо не считали, как и трупы китайских рыбаков.

До седьмого июля фрегат еле плёлся между островов. За неделю с гаком одолели не более 300 миль. Ничего хорошего такой ход не предвещал. Но на двадцать первом градусе северной широты "Паллада" вошла в Тихий океан. И вот, в ночь с 8 на 9 июля, шторм выскочил, как чёрт из табакерки. До сих пор команда корабля ничего подобного не встречала. Казалось, что все пределы стихиями превзойдены, но ничего стабилизирующего не предвещалось.

Ветер ревел, образуя обильную пену, и нёс её по ветру прямо к тучам. Стихии словно бы сцепились в предсмертной агонии. Судно было подобием куска мяса, брошенным на растерзание хищникам в клетке. На корабле не было предмета, лишённого свободного полёта. И вдруг все засуетились, закричали: "Что такое?" И тут же десятки глоток ответили: "Фок разорвало!" Через полчаса вырвало и трисель, а следом ополовинило фор-марсель. Часам к семи беда повергла грот-мачту, грозя ей обрушением. Ослабили ванты...

Далее раздался страшный треск крепчайшей корабельной сосны невероятной толщины, которую выворачивало вместе с обширным куском дубовой палубы. Падая, она проламывала борт и создавала такой крен, при котором опрокидывание судна, казалось, неизбежно. Представьте себе таран в 800 пудов (порядка дюжины тонн) с высоты в сотню футов (более 30 метров)! Эта "штука" сделает посудине оверкиль за минуту-две. Ослабей команда в сей миг — быть беде неминуемой и лежать русским морякам на дне Тихого океана с координатами 21° северной широты, плюс-минус градус по ветру. Но навалились всем миром и заложили сейтали (ручные двухблоковые тали), работа закипела, обтянули ванты, а с рассветом укрепили главную мачту. Лейтенант Савич, весь в смоле, вышел в порванном кителе и сиял, как новая медаль: "Одолели!".

На другой день поутихло, но затем взыграло едва не чище. Матросы тянули тали и ванты. Всё внимание было обращено на мачту. До берега оставалось 500 миль. Похудевшие и измотанные, держались из последних сил. Вдруг ветер сменился на штиль. Тихий океан буквально издевался над командой!

Гончаров спросил пробежавшего мимо Крюгера: "Сколько узлов? Восемь?", услышав в ответ счастливое: "Три!! Узкость проходим!"

С приходом в порт Ллойд у мореплавателей было много приятных ожиданий, оттого и приближались равнодушно к новому берегу. Там их встречали корвет с Камчатки, транспорт из Ситхи и курьеры из России, которые, конечно, привезли письма.

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

Глава 47. МИР ВЗГЛЯДОВ

Буквально на следующие сутки, после выхода из бухты Бонинсима, весь командный состав фрегата "Паллада", свободный от вахты, был собран адмиралом Путятиным в кают-компании. Последовали последние наставления экипажу перед визитом в Японию. В общих чертах все были в курсе задач, но следовало учесть и специфику Страны Восходящего солнца. Каждый японец был в той или иной мере соглядатаем по отношению к иностранцам. Культура, быт, обычаи — всё казалось здесь необычным и странным любому страннику, впервые ступившему на Священную землю островов, коих насчитывалось, вместе с необитаемыми, до шести тысяч. Один неверный шаг, и ваш поступок мог быть истолкован как недружественный, а то и вовсе как

враждебный. Отсюда следовал жёсткий вывод: нельзя ни в коем случае спровоцировать срыв переговоров, а поэтому время перехода в Нагасаки использовать с максимальной пользой и организовать своеобразные познавательные лекции среди личного состава и нижних чинов. В роли главных лекторов естественно выступили писатель Гончаров, отец Аввакум и сам адмирал.

Лекция первая: "Дракон, сакура и "танка"

Ни один из мореплавателей, созерцая Японию и её южные острова, да и остров Тайвань днём по борту, вряд ли мог сдерживать волнение. Зимой нескончаемая гряда из нескольких тысяч островов представляется неким тёмным страшилищем, изогнувшимся перед броском в ширь океана. Его седые горбы-сопки белют вершинами вулканов. Облачность создаёт иллюзию одеяла, стыдливо прикрывающего уродливое туловище великана. Под влиянием божественных сил чудовище застыло в этой позе на тысячелетия, изредка содрагаясь в конвульсиях и гневно изрыгая клубы дыма и пепла.

Но какой океан чувств разыграет в душе моряка, если он застанет период "хаару" — японской весны, вдоль восточного берега Страны Восходящего солнца! Да, только восточного! Именно в это время Япония открывает пришельцу поэтическую сторону своей чарующей души.

Страна предстает во всей своей протяжённости с юга на север, с января по май, во всполохах сакуры. Метеорологи островов с хронометрической точностью отслеживают время "ханамы" — цветения сакуры на каждом из островов Страны Восходящего солнца. И начинается шествие чуда: невзрачное деревце перевоплощается в нежно-розовую красавицу под ослепительной белизной вуали и бирюзовой каймой у подножия.

Читали ли вы короткие японские стихи "танка" об этом времени года?

Молчание ветра.
Разве не тронет порыв
Сакуры лепесток?

.....

Для японца от мала до велика цветение сакуры более, чем праздник. Само слово "ханами", буквально означает "рассматривание" или "созерцание" цветов. Сакура стала своеобразным символом Японии. Её цветение, хотя и мимолётное, но столь насыщенное красотой и притягательностью, ассоциируется с быстротечностью и хрупкостью жизни. Да и сама легенда о сакуре и её розовых цветках трагична.

Истории этой более семи веков. Тогда ещё вишня цвела белым цветом целомудрия, но князь-изверг забил насмерть привязанных к вишням невинных детей деревенского старосты. С тех пор, окрашенные кровью дерева стали покрываться розовым цветом. В память о столь грустной истории, именно в день цветения сакуры, все без исключения жители Страны Восходящего солнца идут в парки и едут за город. Там накрывают традиционные столы со снедью и питиём. Это олицетворяет новую жизнь и любовь.

Если уж умирать —
то в месяце "новых одежд",
под вишенным цветом,
когда сияет
полная луна!

Лекция вторая: "Бусидо — кодекс самураев"

Не из-за капризной прихоти японцы наложили вето на визиты любых иностранцев. Кто бы ни приезжал, а благ народу они не несли. Хотя все постепенно, прежде всего из-за необходимости обороняться, выработали своеобразный культурно-государственный уклад — "сегунат". Прежде сюда наведывались китайцы, во

времена соединения островов с материком. Но они худо-бедно помогли населению обрести азы письменности. Иероглифы и по сей день — во всекитайском и японском обиходе — называются ""китайской грамотой", хотя при ближайшем рассмотрении уж не так чёрт и страшен. По сути, это рациональная письменность. Более того, такая письменность близка художественным наброскам- полуэскизам предметов. Звучание букв-иероглифов весьма далеко от континентального произношения. Название "Петербург", например, будет звучать наподобие "Санкутс-Петербурга", а Москва — "Мосукуба". В настоящее время японская лексика наполовину состоит из китайских слов, хотя японцы свою письменность "национализировали".

Рисоводство и многое другое тоже пришло из Китая. Соседям и сегодня двери в Японию открыты. Оружие завезли воинственные португальцы, присовокупив к нему миссионеров-христиан, но китайцы предпочли другого бога. Совались за дармовщиной и монголы, но трижды убедившись в преимуществе огнестрельного оружия, плюнули на все и ускакали к себе в ковыльные степи. Европейский институт вассалов переродился под сенью сакуры в самурайство. Традиция вспарывать себе желудок в критических ситуациях с непременным отрубанием головы распространилась повсеместно подобно эпидемии гриппа. Хотя у христиан, как известно, самоубийство "есть грех смертный пред Богом". Каково?

И последнее. Никогда сам японец не уронит лица и виду не подаст, если его оскорбили. Так что, наверное, целесообразней всем японцам оказывать почести, независимо от их социального статуса.

Лекция третья: "Кодекс самурая"

Прежде всего следует уяснить, что самурай — воин до мозга костей. Самурай — элита японского общества и образец мора-

ли. В их кодексе есть нечто напоминающее десять заповедей Моисея из Ветхого завета Библии. Сравните и проникнитесь.

— Истинная храбрость в том, чтобы (правильно) жить, когда правомерно, а когда правомерно — умереть;

— К смерти следует идти с ясным сознанием того, что надо делать (ритуал) достойно;

— Следует взвешивать каждое слово и задавать себе вопрос: уместно ли то, что хочешь сказать;

— Необходимо быть умеренным в еде и избегать распущенности;

— В делах повседневных помнить о смерти и хранить это слово в сердце своём.

— Уважать правило "ствола и ветвей". Забыть его, значит никогда не быть почитаемым, а человек, пренебрегающий добродетелью сыновей (лишён) почтительности. Родители — ствол дерева, дети — его ветви;

— Самурай должен быть не только примерным сыном, но и верноподданным господина своего;

— На войне верность самурая проявляется в том, чтобы без страха идти на копья (пули), жертвуя жизнью во имя долга;

— Верность, справедливость и мужество суть три природные добродетели самурая;

— Во время сна самурай не ложится ногами к жилищу господина, не целится (из оружия) в его сторону;

— Даже лёжа в постели, он немедленно готовит себя к защите господина;

— Умирая с голоду, самурай однако скажет, что сыт;

— Проиграв бой, самурай обязан смыть позор кровью: сделать себе харакири и умереть достойно, с улыбкой на лице;

— Умирая, должен почтительно обратиться к старшим со словами прощания;

— Грубая сила не присуща истинному самураю. Воин должен использовать досуг для упражнений и чайных церемоний;

— Возле своего жилища самурай обязан содержать скромный чайный павильон.

Многое из этих постулатов утратили былой смысл, но дух бусидо и патриотизм неотъемлем от национальной культуры Японии. Сюда же можно и нужно добавить русское изречение: "Уважай, чтобы тебя уважали".

Глава 48. ПЕРЕГОВОРЫ В НАГАСАКИ

9 августа "Паллада", в сопровождении трёх судов, делала по 8 узлов в час и при этом тащила на буксире отстающего. По адмиральскому указу на кораблях тренировались говорить "по-японски". Смех стоял повсеместно: матросы пытались имитировать речь желтолицых хозяев островов, употребляя русские слова на японский манер. Офицеры с удовольствием лицецерли доморощенных мимов и смеялись до слёз. Океан благоволил экспедиции: воды синели, небо голубело, хотя жара стояла несусветная.

И вот показались в дымке изумрудные берега неведомой цивилизации. Япония для большинства мореплавателей и географов была как бы "terra incognita" Фрегат и корабли сопровождения насторожённо выходили на Первый рейд Нагасаки.

"Вот достигается наконец цель десятилетнего плавания, трудов. Вот этот запертой ларец, с потерянным ключом, страна, в которую заглядывали до сих пор с тщетными усилиями склонить, и золотом, и оружием, и хитрой политикой, на знакомство. Вот многочисленная кучка человеческого семейства, которая ловко убегает от ферулы цивилизации, осмеливаясь жить своим

умом, своими уставами, которая упрямо отвергает дружбу, религию и торговлю чужеземцев, смеется над нашими попытками просветить ее и внутренние, произвольные законы своего муравейника противопоставит и естественному, и народному, и всяким европейским правам, и всякой неправде." — писал Гончаров.

Острова Японии протянулись от 30 до 40 градуса северной широты. От снежного и морозного острова Хоккайдо до знойных островов Окинава. От пальмовых зарослей и винограда, с персиками на юге, до сосен и обезьян в снежных горах среди горячих источников на севере.

Вопреки ожиданиям и международным традициям, экспедицию не встретил никто и никак. Командам даже не предложили съехать на берег для представительства. Знать бы нашим морякам, скольким мытарствам они будут подвержены, что им предстоит вынести от японской бюрократии! Подчас настроение боевых офицеров миссии перехлёстывало через край. Некоторые, пытаясь заглушить унижения и моральные оскорбления, начали усугублять свое состояние ромом. А то, по примеру артиллерийского капитана Лосева, откровенно взвешивали в ладонях ядра, с явным намерением вкатить их в стволы орудий и шарахнуть по бюрократам от дипломатии.

Визит первый.

Изначально всех не покидало тягостное ощущение, как при входе в тюрьму. Но вскоре откуда-то исподволь появилась какая-то лодка с четырьмя японцами, двое из которых были совершенно голые и без головных уборов. К палящему солнцу аборигены были безразличны. У одного, облачённого в халат, за поясом висели два меча (самурай!). Гостей приняли на борт, и они чуть не пали ниц, беспрерывно кланяясь. Делегатов провели в капитанскую каюту, там им дали конфет, угостили наливкой. Заблаговременно на фор-брам-стенге (оконечности фок-мачты) вывесили полотнище с японскими иероглифами: "Судно российского

государства". Визитёры попросили списать текст с полотнища и отправились восвояси с обширным кладезем сведений для более высокого начальства и растолковывания ситуации.

Визит второй.

Через полчаса явились другие, из разряда начальства повыше. Эти ограничились вручением бумаги с предостережением, "не вздумать посещать берег" и ни в коем случае "не обижать японцев". Этим дали выкупать остатки наливки и подарили конфеты. Начальники выпросили ещё малость наливки для гребцов, коим её и на один понюх не поднесли. На второй документоподобной бумаге излагался текст на голландском и французском языках с требованием оставаться в бухте у ориентира "Ковальские ворота", "иначе будет совсем плохо". Кому и в какой мере "совсем", не указывалось. Но пока плохо было то, что кончалась провизия, и всем хотелось просто помыться в бане пресной водой. Матросы откровенно и с охотой смаковали "женский вопрос" и во все глаза разглядывали в трубы голые тела в лодках. Вводили в недоумение косички и голые розовые зады.

Визит третий.

Из-за незнания японского портового уклада эскадра благодарно покачивалась на Первом рейде. Упрашивать местечка поуютней не приходило в голову: "Низзя, так низзя". Но видя как бы уважение к своим традициям, японцы сами нанесли третий визит. Чиновников уже было вдвое больше, как и гребцов. Начальников тоже приняли в командирской каюте. Помимо испытанного ассортимента угощений добавили сладкие пирожки. Затем русской миссии губернатором Нагасаки (наконец-то!) было позволено перешвартоваться поближе к городу, то есть на Второй рейд.

С нашей стороны наливка и конфеты были преподнесены немедленно, хотя и без особого энтузиазма. Тем не менее, деле-

гации следовали одна за другой, по русской поговорке "где пили — туда и похмеляться норовят прийти". Вот только наливка почти иссякла, а в баню так и не приглашали. Видно, губернатор вообще сожалел о содеянном и в раздумье пробовал на ноготь остроту меча для харакири: кто знает, как на эту катавасию с русскими посмотрит его величество сиюгун. Все должно было подробно и всесторонне изучено и согласовано с высшими заинтересованными лицами. Затем предстоит обратный путь с аналогичным соблюдением всего бюрократического уклада. Попробуй, дождись: "До царя далеко, а до Бога — высоко". Прямо, матушка Россия, только вёрст поменьше гораздо, однако японцы чудненько научились их удлинять! Ничего другого, как поднять якоря с парусами и милостиво сменить стоянку, предложить они не могли!

Внешние неурядицы экипажа не шли в никакое сравнение с головной болью капитана Тихменева. Чем кормить людей, когда можно будет вдосталь напиться пресной воды, а не опреснённой? Как избежать фурункул от грязи и пота? Какую цену заломят японцы за провиант, ведь отпущенные казначейством деньги могли иссякнуть по пустякам? А переговоры по сути и не начинались. Погаными презервами того и гляди будут бить по мордасам. Продукты, сохраняемые в запаянных жестянках, превратились в противную жижу с отвратительным запахом литых калмыцких калаш. Другой еды, кроме сухарей и солонины, он не мог дать матросам: её уже давно не было. Лейтенант Савич горевал об отсутствии угля даже для камбуза. Барон Криднер мечтал увидеть хотя бы одетых женщин.

Очередная пустопорожня делегация островитян невозмутимо покинула фрегат, рассовав в халатах наши конфеты "для детей". С наступлением тьмы корабли окружали караульные лодки с гребущими воинами, перекликающимися между собой : "Ос-

сильян! Оссильян!" На наших судах сыграли гимн "Коль славен наш Господь в Сионе!". С тем и улеглись спать, тихо матерясь, почём свет стоит, и с непременным поминанием пресловутой "японы мати": уж лучше шторм!

Визит четвёртый. Рейд второй: Нагасаки!

От частоты визитов просто рябило в глазах: краснозадые гребцы и два-три чиновника с обязательным дурацким расспросом. Клерки разминали спины в поклонах, рассовывая в рукава и за пазуху конфеты с пирожками, кои удалось выклянчить. Спаси бог, не выкатить подачку, так они будут кланяться до самого караульного "оссильян" с патрульных лодок. Но тут ещё издалека вахта узрела лодки с одетыми на сей раз визитёрами.

Уж эти натешились всласть! Расспросили всё и ещё более того. Сколько пушек, парусов, матросов, офицеров, где отхожее место, как крепится якорь, что есть крьюйс-камера и много ли там пороха? Отвечали односложно, стараясь сдерживать эмоции при откровенно идиотских вопросах. В конце последовал "вопрос века": нет ли у нас опасных замыслов? "Да всего ничего... 52 сувенирные пушки с бомбическими ядрами и несколько сотен головорезов для исполнения танца "яблочко" с выходом на абордаж!" — невольно взыграло воображение командира "Паллады".

Японский лоцман, тем не менее, встал у руля и, кланяясь (видимо, за конфеты), рекомендовал следовать на Второй рейд. Лоцману отсыпали табаку сверх сладкой квоты. В это время корабль фланировал по рейду при поднятых парусах и стоящих на реях матросах. Но где же Нагасаки? Боже ж мой, наконец открылся русскому взору порт, про который было убедительно прописано: "Нагасаки — единственный порт, куда позволено входить одним только голландцам". Задача нашей миссии состояла в том, чтобы войти в порт наравне с голландцами, официально, на все времена!

Визит бог весть какой и далеко не последний

Японцы, видя упорство русских, наконец-то завезли еду и воду, но в количествах, пригодных для прокорма средней голубятни. При сём оговаривалось, что доставленное — подарок губернатора. Свиты целыми толпами наведывались, а если точнее, делали набеги, на "Палладу". В одно прекрасное утро секретарь проснулся от шума в соседней каюте. Рядом стоял незабвенный Фаддеев со стаканом чая. Писатель обратился к слуге: "И давно ты тут?"

— В начале седьмой склянки, Ваше высокоблагородие!

— А теперь которая будет? — наверху заиграл барабан и музыка.

— Да вон, слышишь, поди восьмую зыграли.

— Что там, рядом в каюте?

— Известно что, снова японец, который намедни пирожки лопал!

— Ты бы спросил, зачем они на сей раз приехали?"

— А как я его спрошу, нам с ним разговаривать всё одно как свинье с курицей!

Глава 49. НЕ МЫТЬЕМ, ТАК КАТАНЬЕМ

Фрегат посетили сразу четыре, разукрашенные флагами, гербами, флажочками и пиками, лодки. Гости напоминали благотворителей из дома престарелых. Говорили шёпотом, в полусогнутом положении. По трапу взобрались десятка два гокейнсов. В нынешние времена их бы отнесли к разряду прессы, на худой случай — к писарьчукам, а уж по высшему разряду так и вовсе — к пресс-секретарям. Кейсы, дипломаты в 19 веке в Японии ещё не прижились, так что у гокейсов всё размещалось за пазухой их

халатов, где было не меньше предметов, нежели у городского старьевщика. Трубки, салфетки, чернильницы и кисточки. Туда же ссыпались конфеты, кусочки торта, пирожки и... салфетки для сморкания и вытирания пота. Прибывшие напрочь отказались сесть, ссылаясь на присутствие куда более знатных чиновничьих особ. Они подобострастно кивали головой, произнося утвердительно: "Хи". Что означало, со слов наших матросов: "Моя твоя халасо поняла!" В итоге один из японцев — Лёда выпрямил спину и поведал об истинной цели визита: "Компания приехала предложить некоторые вопросы"

Достав бумаги, Лёда спросил: "Отчего у вас сказали на фрегате, что корвет (Оливуца) вышел из Камчатки в мае, а потом уже в июле?" "Оттого, — отвечал командир, — что я похерил два месяца, дабы избежать придинок. Да и вообще: какое вам дело, где мы были? Ведь в итоге мы пришли!"

Лёда потерел свою косичку на выбритой лысине и вновь высказался, что его всё равно смущает интервал с прибытием в три месяца. Тогда ему показали карту и указали перстом, где находится Санкт-Петербург, а где — Камчатка. Получилась разница почти в полгода. Япония в сравнении с Россией казалась крошечной настолько, что Лёда не удержался от смеха. Недоумений была тьма, и в итоге чиновник заключил, что все вопросы требуют разрешения в Едо.

Японская цель визита (не мытьём, так катаньем) была достигнута: тянуть волюнку до достижения ухода назойливых русских. Но наша миссия придерживалась иной задачи. Расходы на войну с Японией были бы гораздо накладнее дипломатических приёмов, включая сладкие пирожки и наливку. Даже исключительно наглые подвижки по тому же китайскому рынку могли служить примером бескровной тактики. Ведь китайцы ввели для иностранцев сходное территориальное эмбарго: "Дальше вон тех

гор ходить, селиться вам (американцам) не дозволяется!" Но они отстроили целые дворцы куда дальше запретной зоны!

— Ну и прохиндеи! Так уж много у вас дел в Едо! Поди, ночи напролёт в думах!" — заметил кто-то из наших офицеров. С пирожками и конфетами впридачу, глотнув наливки, вся орава вновь укатила на желанный всеми берег с баней и сытной едой. Потянулись сутки с неизменным "Оссильян" по вечерам со сторожевых лодок.

Визит с заветным чёрным ящиком.

Посыльные всех рангов иссякли, но русские стояли на своём: свежая провизия, топливо и место на берегу. Карусель бюрократии, смазанная наливкой и пирожками, начала даже прокручиваться. Место на берегу выделил не то князь, не то герцог-землевладелец. Традиционное "Хи-хи". Мол, всё понимаем, дело житейское, но вы уж не шибко расслаивайтесь на бережку, а то, не ровен час, да проведает вас Великий Едо!

Сколько же шло прошение? Посьета уверяли, что нарочный с письмом "помчится как птица", и цидуля будет в божественных руках, "не пройдёт и месяца-двух". Для закрепления веры в Страну Восходящего солнца Льода извлек какой-то деревянный лакированный ящик кладбищенской раскраски. Ящик был обёрнут платком и упакован как для заказной пересылки — правительственной бандеролью. Вскрыв ящик, чиновник вознёс к небу руки с адмиральским письмом и приложил его ко лбу и сердцу. После совершения ритуала послание было уложено в посылку и вновь опечатано сургучной печатью с шёлковыми шнурками.

"Теперь послание полетит быстрее важной птицы", — с улыбкой подумал Гончаров. Затем последовал уже традиционный стол с конфетами, пирожками и пресловутой наливкой, которую кок насобачился делать из рома и медовухи. "Ибо ненасытно брюхо чиновничье", — бормотал батюшка Аввакум. Адмирал просил в письме разрешения закупать продукты на стороне, дескать, ваше

правительство не допросишься. В ответ губернатор прислал толпу живности и зелени, прося принять сие в дар. Наши командиры мудро порешили: коли вы "в дар", то мы одарим не менее щедро, за наши деньги. Вы лишь разрешите! Ну, он по простоте душевной и разрешил. "Ты мне — я тебе, и Едо чуток передадим!". Да и брюхо пороть не придётся. Но недодумал японец, что своим разрешением открыл нашим кораблям рейд для свободного прохода

Для пущей убедительности сообщили местным диетологам, что русским без говядины и сил брать неоткуда: не японцы мы, чтобы на одной рыбе коротать, ибо в глазах темнеет и ноги трясутся, а на островах бить быков не дозволено. Цели просто побродить по японскому берегу русские миссионеры не ставили. Правда, затеяли учинить для "детей микадо" русское военно-морское шоу с кульбитами на реях и морскими танцами.

А МОЖЕТ И ФИНАЛ

Глава 50. ОТРОДЯСЬ НЕ ВИДЕЛИ

Вот и новый, 1854 год наступил, а "Паллада" всё ещё стояла в Нагасаки. Особых подвижек в переговорах не наблюдалось. Хотя со стороны могло создаться впечатление, что на палубе фрегата перебивало едва ли не всё население порта. А уж баниосы и клерки всех мастей слопали одних пирожков без счёта. Корабль готовили к очередной встрече гостей. Моряков взбадривали по утрам почти ежедневными тренировками на вантах и реях. Изредка стреляли из пушек. Не ржавели сабли и ружья на абордажных учениях.

Настало 4 января. Уже с утра было видно, что день будет на славу. Привезённые с Камчатки мальчики, с чудесными голоса-

ми для хора, брали последнее "ля" в кают-компании. Развесили по леерам флаги расцвечивания. Матросы отглаживали почти белоснежные робы и ожидали своего выхода на второй деке. Даже кот, любимец команды, восседал в канатной вьюшке подле пушки и любовался на своё отражение в ней. На шканцах водрузили стол жюри и переводчика отца Аввакума.

К 11 часам с подарками прибыли баниосы. Японцы — известные мастера по изготовлению ящичков-шкатулок. Их обилием они желали поразить миссию. Все коробки и коробочки они мастерски разукрасили на японский лад и покрыли отличным лаком. Коробками заполонили кают-компанию и каюту адмирала почти доверху. На палубе тоже громоздились вороха лакированных сундучков. Лучшим подарком были японские сабли из булатной секретной стали. Готовые изделия проверяли на качество путем отрубания голов смертников за один взмах. Число голов было выведено на клинке.

Раритет (с тремя головами) вручили статскому советнику Гончарову и адмиралу Путятину. Иван Александрович был порядком смущён и восхищён таким подношением (от самого правителя Едо или с его ведома!). Все подарки были со значением и выражали отношение Японии к России.

Солнышко грело исключительно в меру для юга острова Хонсю. Америка следовала своей методе и вошла своими кораблями уже в три запрещённых порта. Возможность иметь суперприбыли от наркотиков щекотали ноздри. Для России, соседствующей со Страной Восходящего солнца, дипломатия натиска и явного неуважения не годилась. Отношения с Японией строились если не навсегда, то на века.

На смотр-концерт и угощения прибыло публики японской числом, равным вместимости приличного театра. Надо полагать, что в лодках окружения наверняка прибывала оставшаяся часть населения Нагасаки. Сюда же следует добавить до полутысячи наших крепких парней, едоков хоть куда!

Корабль выглядел как для императорского смотра в Кронштадте: палуба, отдраенная пемзой добела, медь горела на солнце. Поручни, блоки, тали и прочее вооружение очищены до пылинки. На шканцах установлен судейско-командный стол для секретаря и переводчика Аввакума.

Оркестр дал гром марша. Вахтенный офицер занял пост у трапа, напротив примостился на пушечном канате кот, а подле ног офицера — его величественный друг дог Аврелий (Цезарь). Дог подавал выборочно лапу входящим на "Палладу": "Гавр-ель-р-р", что должно было означать "Аврелий". Пополудни от берега к "Палладе" тронулась целая флотилия из не менее чем полусотни лодок. Две из них напоминали саркофаги, задрапированные красной материей и изукрашенные золочёными луками, булавами и стрелами.

В этот момент отец Аввакум гаркнул на японском: "Хо-орьгю" (Пли!!) С малым промежутком троекратно грохнули канонады из трёх пушек в сторону скал побережья. Засвистели огромные ядра поверх голов гребцов. В лодках заорали, по-японски, с испуга, что-то вроде нашего: "Ой, мама!". Секундами позже грохнуло эхо от ядер в скалах, прокатилось над заливом. Последовала тишина и восторженные возгласы японцев.

Посыет, Гончаров и Аввакум сели в кресла. Адмирал Путятин в рупор огласил: "Абордажные команды к бою!" Батюшка вторил по-японски: "Бу-у-дзю-цу-у!" Выскочили, по разные стороны пушечных дек, изукрашенные "пираты", и начался яростный бой ятаганами, саблями, пиками.

Бой длился около получаса, и телами "мёртвых" устелили палубу. Крикам и визгам гостей вторили перепуганные чайки. "Пираты" скоро исчезли. Их заменили строевые матросы с оружием. В их руках ружья вращались и летали, как пушинки. Движения по командам были исключительно синхронными. "Хихи!!!" (Так, так, хорошо!) — просто исходила ревом публика.

Матросы разбежались по вантам. Приглашённым показали настоящее искусство владения парусами на 50-метровой высоте. И тут вышел на импровизированную сцену на шканцах хор мальчиков. Японцы были поражены чистотой голосов камчатских ребятишек. Восторгу присутствующих не было предела. Торжество закончилось гонками на шлюпках под парусом. Далее гости пошли осматривать фрегат во всех тонкостях.

Накрыли столы. Все были усажены согласно занимаемым чинам. Путятин вышел к матросам и от души поблагодарил богатырей: "Спасибо, ребята!" На что четыреста глоток гаркнули: "Рады стараться!" Несомненно, что "спасибо" адмирала было равнозначно дополнительной чарке рома.

Обед японцы просили сделать на европейский лад. Так и было исполнено в изобилии, разнообразии и великолепии. Японцы, привыкшие вкушать и выпивать весьма умеренно, а то и вообще из посуды типа наших блюдец и рюмок, сравнимых с напёрстком, вскоре забыли о цели своего визита и стали пить из бокалов и до дна. Зная приверженность гостей к сладкому, каждому вручили по ящичку конфет. Горячий sake, при попытке поклониться до земли (палубы), уложил многих в буквальном смысле этого слова.

Тсутсуй и Кавадзи, видя маловосприимчивость своих земляков к происходящему, объявили, что имеют письмо от Верховного совета, заключенное в тяжеленный сундук. Адмирал приказал Гошкевичу (будущему первому консулу Японии) вскрыть послание. Оно было завернуто в шёлк. Шёлк был строго запрещён к вывозу из страны и ценился дороже золота. В качестве прокладок в сундуке была не менее ценная шёлковая вата, производимая в секретной мастерской в горах на потаённом острове.

И опять продолжался безудержный пир с разнообразными яствами. К сентябрю, благодаря ухищрениям и умасливанию высоко и средне поставленных чиновников, наши корабли по-

что беспрепятственно совершали вояжи в Китай и Ост-Индию. Это уже развязывало миссии руки. Но до конца дело закончено не было. Хотя губернатор, после всего происшедшего, смертельно боялся самостоятельного визита русских в Едо и начал суетиться сам, невольно помогая заключению Российско-Японского договора. Путятина начали посещать чиновники, влияющие на Едо "де факто".

Умные головы в Японии вполне осознавали, что могут быть спровоцированы теми же американцами и завоёваны со всеми потрохами. Страна была попросту слаба и не имела влиятельных союзников на мировой арене. Союз с русскими мог стать спасительной соломинкой в шаткой ситуации островной страны.

Глава 51. КОНФЕРЕНЦИИ И БАНКЕТЫ

Положа руку на сердце, необходимо сказать, что всех, как чиновников миссии, так и офицеров, особо боевых, угнетало полупраздное пребывание в Нагасаки. Никто из наших матросов не поглощал такого количества сладостей, как за время пребывания в Японии. Конечно, никто и нигде за время похода моряков голодом не морил, и ели они сполна, запивая еду положенными чарками. Но чтобы в таких объемах лакомиться конфетами и пирожками, после пышных приёмов за "их величества и превосходительства" — такого не случалось никогда! Иногда просто хотелось поесть вдосталь ржаного хлеба и борща. Сотни видов блюд из рыбы вызывали отвращение хуже ячневой каши. К столу не подавали разве что только медузу (а может, и её под каким-либо соусом!). Офицерам же снились опостылевшие коробочки со всевозможными дарами от всяких сегунов... Но пренебрегать подарками, по японским поверьям, считалось кощунством. А с другой стороны, попробуйте разместить в каюте,

в общем-то никчёмные в хозяйстве коробочки! Но особо изящные — всё-таки берегли как музейную редкость.

Как пример казуса, добавим сюда, что на все конференции, туда и обратно, миссионеры ездили со своими стульями, так как аборигены обыкновенно сидели на полу. Оставлять мебель у себя хозяева не соглашались, абы пресечь лишнюю поездку. А тем временем конференции следовали одна за другой. О поведении японских служак можно было писать научный трактат на тему "Как морочить голову и растягивать решение неудобных вопросов в дипломатии". Уж чего только не предлагали аборигенам: оконное стекло вместо бумаги, рыбу в неограниченном количестве, купить медь, золото и много, много другого из дефицитного для Японии ассортимента продуктов, рис... Но на всё был по-детски лукавый ответ: "Хи-хи", дескать "берём всё, но в другой раз". Заострялся лишь один вопрос: "А когда мы в последний раз обедаем у адмирала?" Что следовало понимать однозначно: "Когда вас отсюда унесёт?"

На втором прощальном обеде адмирал даже не обмолвился о дате отплытия корабля. Японцы пуще смерти опасались нашего визита к Едо, либо встречи с американцами. Адмирал из жалости к чиновникам сообщил при отходе, что "Воротимся не прежде весны". Путятин отпустил корабли сопровождения, а "Палладу" направил к Ликейским островам.

Глава 52. ГОЛИМАЯ ПОЛИТИКА

Договор между Россией и Японией был всё-таки подписан в курортном городке Симода, в небольшом буддийском храме Тё-ракудзи на самом юге полуострова Идзу. Храм сохранился, и вот что дословно написано на памятной доске на русском языке:

"Место, где был подписан российско-японский договор о мире и добрососедских отношениях".

15 октября 1854 года адмирал Российского императорского флота Путятин прибыл в город Симода для проведения переговоров относительно договора, который должен был внести ясность во взаимные территориальные притязания и положить начало торговым отношениям между Японией и Россией.

4 ноября 1854 года в ходе переговоров двух сторон произошло сильное землетрясение. Возникшие при этом цунами разрушили значительную часть города и корабль Путятина "Диана". Несмотря на эти трудности, переговоры были продолжены, и 24 декабря 1854 года был подписан договор о мире и добрососедстве между Японией и Россией.

Теперь вкратце, об итогах.

К середине 19 века Япония умудрилась три столетия подряд прожить в полной самоизоляции. За редким исключением, для китайцев и голландцев, никто под страхом смерти не смел причалить к островам цветущей сакуры. Японцев вполне устраивала жизнь отшельников. Да и разрешённым посетителям отводился лишь порт Нагасаки. Прочим указывали на выход. Так и жили на всём своём. Разве что не носили шкуры и не пользовались каменными топорами. По мелочам недостающее подвозили те же китайцы и голландцы. Да никто особо и не зарился на богатства вулканических островов и обходил их стороной. Иногда заходили за дровишками китобои, чтобы топить жир для американцев. Как ни странно это звучит в наши дни, но в 19 веке в США топливом служил китовый жир. Япония воротила нос от моряков Америки и желанного прибежища китобои не получали.

При очевидной военной слабости островитяне не могли долго держать форс. Американцы заслужили славу известных авантюристов, особенно в решении межгосударственных вопросов. Так и произошло: к берегам Японии они снарядили четыре

военных корабля. А в июле 1852 года на девственную землю Страны Восходящего солнца не просто ступили, её, образно говоря, растоптали сапогами несколько сотен десантников. Капитан Перри, не моргнув глазом, вручил сегуну послание президента США Милларда Филмора с требованием открыть порты Японии судам Нового света для торговли и обслуживания. Скрипя зубами, аборигены молча приняли ультиматум. Сам договор был подписан через год под дулами уже восьми кораблей.

Корабли русской эскадры поспешали для исправления ситуации в свою пользу, но действовали исключительно мирным путём. Для бескрайней России безопасность далёких восточных берегов была и останется исключительно важной.

В довершении ко всему, в 1858 году для российских военных кораблей в Нагасакской бухте была отведена территория "Русская деревня Инаса", которая сделала Россию обладательницей первой незамерзающей базы за рубежом. К сожалению, после войны с Японией в 1945 году и по сей день, ведутся бесконечные переговоры о заключении мирного договора. Но, как видно, не сыскался еще дипломат, достойный памяти адмирала Путятина и его миссии на фрегате "Паллада".

Процесс длится уже более полувека.

О Г Л А В Л Е Н И Е

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА	3
НЕОБХОДИМОЕ ПРЕДВАРЕНИЕ ОТ АВТОРА	4
Глава 1. СВЕДЕНИЯ МАЛЫЕ, НО НУЖНЫЕ	6
Глава 2. ВАНЯ ГОНЧАРОВ ИЗ СИМБИРСКА	14
Глава 3. УЧИТЬСЯ В БЕЛОКАМЕННУЮ	17
Глава 4. ВЕК ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ. ПЕРЕВОРОТ	18
Глава 5. КАНДИДАТ НА БРЕЙД-ВЫМПЕЛ.....	22
Глава 6. АВРАЛ: КОРАБЛЬ К ПОХОДУ ПРИГОТОВИТЬ!	28
Глава 7. УШКУИ И АБОРДАЖНИКИ.	34
Глава 8. ДУШИ МОРСКИЕ	35
Глава 9. КАЮТ-КОМПАНИЯ	42
Глава 10. ДОК В ПОРТСМУТЕ	44
Глава 11. МАЯК И ЗАМОК НА ОСТРОВЕ УАЙТ	46
Глава 12. ВЕЛИКОБРИТАНИЯ.....	49
Глава 13. ВАШ ЧЕК, СЭР!	51
Глава 14. АНГЛИЙСКАЯ КОЖА	53
Глава 15. ПОДНЯТЬ ПАРУСА!	55
Глава 16. ЭДДИСТОНСКИЙ МАЯК	56
Глава 17. АКВАТОРИЯ УЖАСОВ БИСКАЯ	59
Глава 18. ЧЕЛОВЕК ЗА БОРТОМ!!	62
Глава 19. ПОРТУГАЛИЯ И ГЕРКУЛЕС	63
Глава 20. КАНАРЫ, АТЛАНТЫ И КОРСАРЫ.	67
Глава 21. «ВЕСЁЛЫЙ РОДЖЕР»	69
Глава 22. МАДЕЙРА И ФУНШАЛ.....	71
Глава 23. РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД ЛОЦИЯМИ.....	74
Глава 24. ОСТРОВ САНТЬЯГУ. ПОРТ СПРАЯ. ОСТРОВА ЗЕЛЁНОГО МЫСА, ОНИ ЖЕ КАБО-ВЕРДЕ	75

Глава 25. ОСТРОВА КАБО-ВЕРДИ	81
Глава 26. ПЕКЛО И АПЕЛЬСИНЫ.	86
Глава 27. ЭКВАТОР КОМУ КАК.	91
Глава 28. ЭКВАТОР ПО ТРАДИЦИИ	94
Глава 29 (историческая). БИТИЁ НА ФЛОТЕ	99
Глава 30. БЫТ НА КОРАБЛЕ «ПАЛЛАДА»	100
Глава 31. ЕЩЕ ОДНА ДУША БОГУ	103
Глава 32. СТУПИТЬ НА БЕРЕГ АФРИКИ	107
Глава 33. ИЗ АНГЛИИ, ВЕСТИМО!	109
Глава 34. КАПШТАТ И РОГА	111
Глава 35. СТОЛОВАЯ ГОРА	113
Глава 36. МОРЯКИ, СИБАРИТЫ И ИССЛЕДОВАТЕЛИ	115
Глава 37. АНГЛИЙСКИЙ ОБЕД	118
Глава 38. НЕКИЙ РОМАНТИЗМ ДО ГРАНИЦ ВЛАДЕНИЙ ...	121
Глава 39. КАРТА МЕЧТЫ	124
Глава 40. МЫШИ В БАЛДАХИНЕ	129
Глава 41. СЕГОДНЯ И 160 ЛЕТ НАЗАД	130
Глава 42. ПРИВЕТ ОТ МЫСА БУРЬ!	132
Глава 43. А МЫ ПОЙДЕМ ЕЩЕ ЮЖНЕЕ	134
Глава 44. СИНГАПУР	136
Глава 45. ГОНКОНГ И ЯПОНИЯ	139
Глава 46. ДОГНАЛ ТАЙФУН	140
Глава 47. МИР ВЗГЛЯДОВ	142
Глава 48. ПЕРЕГОВОРЫ В НАГАСАКИ	147
Глава 49. НЕ МЫТЬЕМ, ТАК КАТАНЬЕМ	152
Глава 50. ОТРОДЯСЬ НЕ ВИДЕЛИ	155
Глава 51. КОНФЕРЕНЦИИ И БАНКЕТЫ	159
Глава 52. ГОЛИМАЯ ПОЛИТИКА	160

В.А. Г Р А Ж Д А Н

Путешествие на фрегате «Паллада»: взгляд из XXI века

художественно-публицистические заметки
по мотивам книги Ивана Александровича Гончарова

Подписано в печать 27.10.2014 г.

Формат 60х90¹/₁₆. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 10,0. Тираж 500 экз. Заказ № 863.

Отпечатано в ОАО «Областная типография «Печатный двор»,
432049, г. Ульяновск, ул. Пушкарёва, 27.

Граждан Валерий Аркадьевич родился 7 июня 1944 года в Тюменской области. Школу (семилетку) закончил в Омске. В 1961 году поступил в Куйбышевский Авиационный институт. В 1964-1968 годах проходил срочную службу на Тихоокеанском флоте на атомной подводной лодке, а затем на плавбазе "Иван Кучеренко". После завершения срочной службы вернулся в Омск, где окончил политехнический институт, работал инженером на авиационном заводе.

В 1977 вернулся на службу на Тихоокеанский флот в качестве инженера-механика в звании мичмана. Служил на корабле-измерительного комплекса (КИК) "Чумикан". После окончания службы на флоте в 1980 г. остался на Камчатке, работал на судоремонтном заводе.

В 1995 г. переехал из г. Петропавловск-Камчатский в г. Ульяновск.

Член Союза журналистов России. Был главным редактором "Рабочей газеты". Публиковался в журнале "Морской сборник", еженедельнике "АИФ", газетах "Боевая вахта", "Макаровец", "Камчатский комсомолец", "Народная газета", "Ульяновск сегодня" и других изданиях.

В.А. Граждан — автор книг "Горячий поход в холодную войну" (2009 г.), "Невозвращенцы на луне" (2009 г.), "Военные приключения комендора-подводника старшины Дерябина" (2010 г.). Опубликовал десятки рассказов. В творческих планах писателя работы о великих флотоводцах: адмирале Ф.Ф. Ушакове и адмирале СССР Н.Г. Кузнецове, героях советского подводного флота.